

Книга года по версии *The Times*

ИСТОРИЯ
ВИКИНГОВ
ДЕТИ
ЯСЕНЯ
И ВЯЗА

18+

Нил Прайс

Нил Прайс

**История викингов.
Дети Ясеня и Вяза**

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 94(368) + 293.11

ББК 63.3(4)4

Прайс Н.

История викингов. Дети Ясеня и Вяза / Н. Прайс — «Азбука-Аттикус», 2020

ISBN 978-5-389-20432-4

Немногие культуры древности вызывают столько же интереса, как культура викингов. Всего за три столетия, примерно с 750 по 1050 год, народы Скандинавии преобразили северный мир, и последствия этого ощущаются до сих пор. Викинги изменили политическую и культурную карту Европы, придали новую форму торговле, экономике, поселениям и конфликтам, распространив их от Восточного побережья Америки до азиатских степей. Кроме агрессии, набегов и грабежей скандинавы приносили землям, которые открывали, и народам, с которыми сталкивались, новые идеи, технологии, убеждения и обычаи. Выдающийся археолог с многолетним опытом Нил Прайс, основываясь на результатах археологических раскопок и полевых исследований, анализирует быт и мировоззрение викингов и отбрасывает глубоко укоренившиеся стереотипы. В сопровождении ученого и неутомимого практика мы проникнем сквозь века в далекое прошлое, чтобы увидеть викингов их собственными глазами: потомками первой пары людей, детьми Ясеня и Вяза. Эта книга, переведенная на несколько языков, снабженная картами, черно-белыми иллюстрациями и цветной вкладкой, содержит превосходный обзор и анализ источников и напоминает нам о том, что прошлое одновременно похоже и не похоже на привычную нам реальность.

«В этой книге мы попытаемся взглянуть на мир глазами викингов. Мы будем рассматривать их жизни как неразрывное целое, сплавливающее религию, политику, поиск средств к существованию и все прочие аспекты бытия в общую картину реальности – то есть увидим, каким окружающий мир представлялся им самим. То, что для кого-то служит лишь историческими декорациями, на фоне которых разворачивались все завоевания и достижения викингов в большом мире, здесь составляет саму суть повествования». (Нил Прайс) В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(368) + 293.11

ББК 63.3(4)4

ISBN 978-5-389-20432-4

© Прайс Н., 2020

© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

Замечание о языке	14
Пролог	15
Введение	21
Сотворение Мидгарда	34
1	34
2	56
3	82
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Нил Прайс

История викингов. Дети Ясеня и Вяза

Посвящается всем fylgjur

Neil Price
CHILDREN OF ASH AND ELM
A History of the Vikings

Перевод опубликован с согласия PEW Literary Agency Limited и Synopsis Literary Agency

© Neil Price, 2020

© Степанова В.В., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2021
Колибри®

* * *

Исчерпывающий и лиричный рассказ об эпохе викингов, результат более чем тридцатилетнего опыта работы Нила Прайса в качестве ведущего археолога и исследователя. Многие авторы оценивают достижения викингов, особенно в том, что касается военных завоеваний. В центре внимания этой книги – какими были викинги, как они характеризовали себя и какие внутренние мотивы определяли их действия.

Джейн Кершоу, историк, Оксфордский университет

Великолепное собрание фактов, многие из которых еще только предстоит интерпретировать. Книга наполнена поистине кинематографичными деталями и подробностями.

Slate Magazine

Подробные описания повседневной жизни людей в раннесредневековой Скандинавии со всей ее спецификой. Невозможно не восхититься глубиной обсуждения материальной культуры викингов.

History Today

Блестяще написанная и увлекательная книга о том, кем были викинги и на чем основывалась их хрестоматийная жестокость.

Spectator

Эта книга похожа на машину времени. Автор рассеивает туман, окутывающий эпоху викингов, показывая этих людей такими, какими они были на самом деле.

Norwegian American

Полное погружение в прошлое. Убедительный, увлекательный, пронизательный и информативный рассказ о викингах, основанный на огромном опыте и знаниях автора, а также на страстной любви к этой теме.

Yorkshire Times

Автор переплетает множество нитей истории с поэтическими размышлениями о людях и давно ушедшем времени. Космополитичный, жестокий, но куда более похожий на современный, чем мы могли себе представить, мир викингов будто оживает на страницах книги.

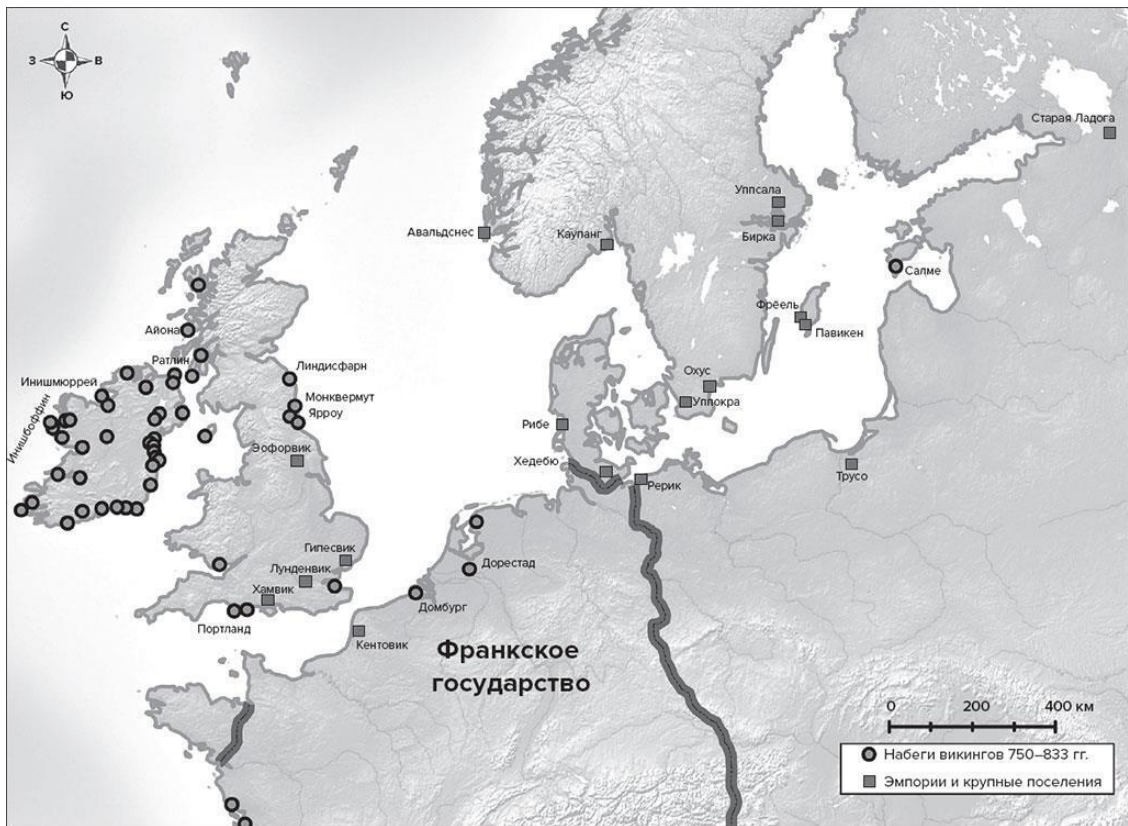
Paris Review

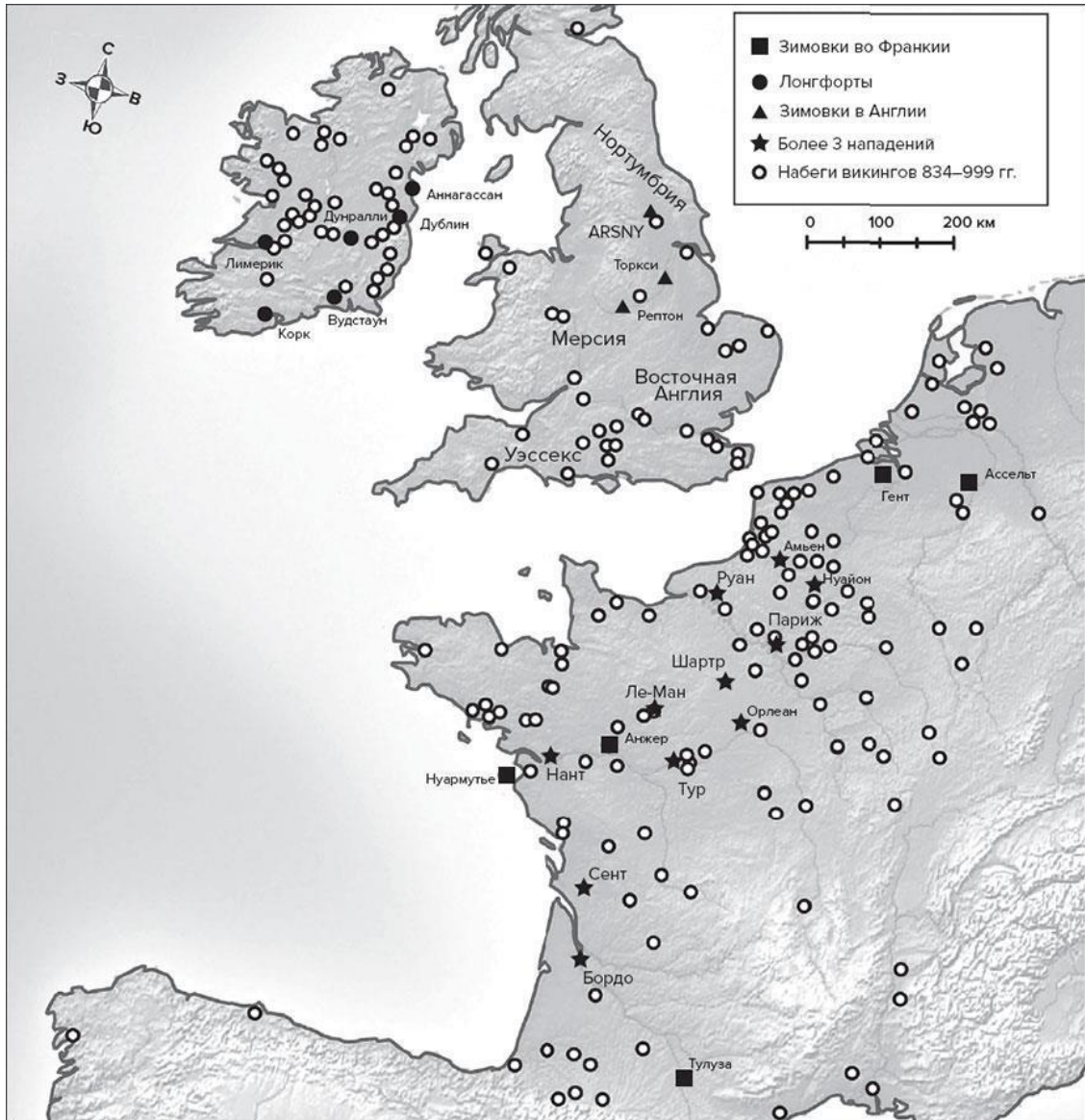
Карта 1. Упрощенная политическая и демографическая карта Европы ок. 565 г. отражает изменения предшествующих кризисных десятилетий. Границы Восточной Римской империи обозначены на момент после смерти императора Юстиниана (© Neil Price)

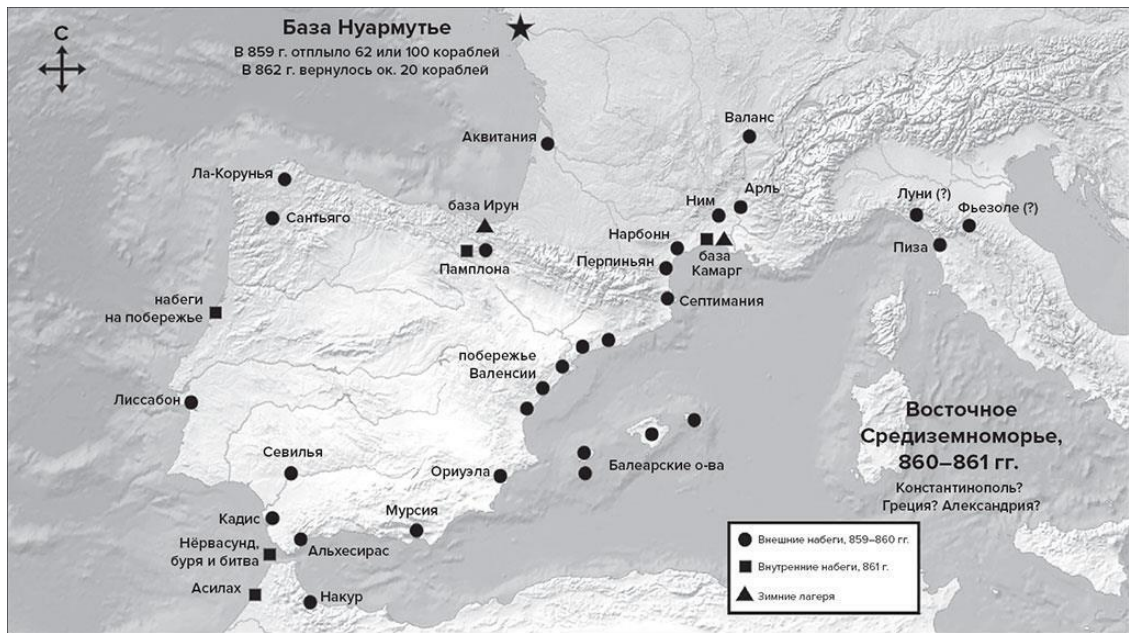
Карта 2. Скандинавские племенные объединения, правовые округа и королевства по данным источников ок. 500–1350 гг., в том числе «Гетики» Иордана и английской поэмы X в. «Видсид». (© *Ingvild T. Bøckman, Frode Iversen, Museum of Cultural History, University of Oslo*)

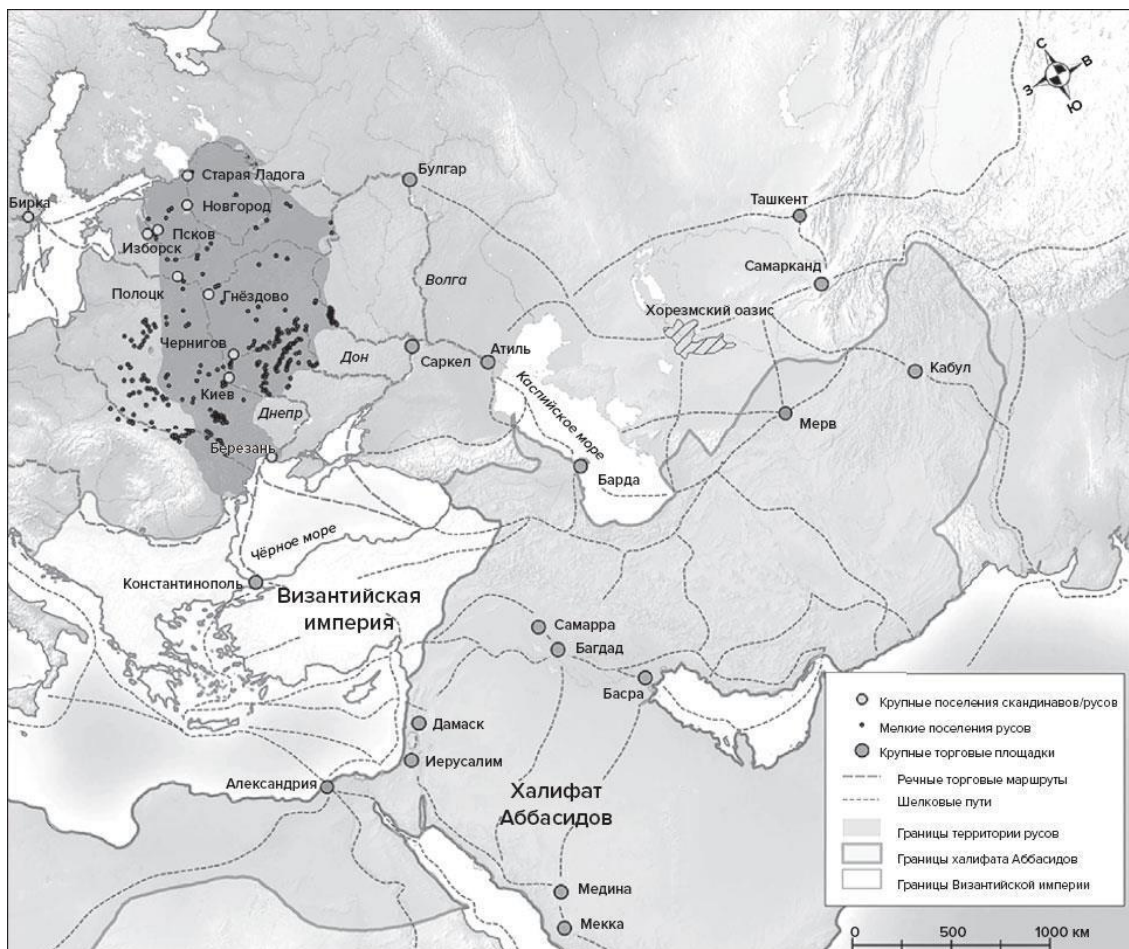
Карта 3. Области нападений в первый период набегов викингов (793–833), в том числе европейские береговые эмпорiums и основные поселения Скандинавии (© *Ben Raffield, Daniel Löwenborg*)

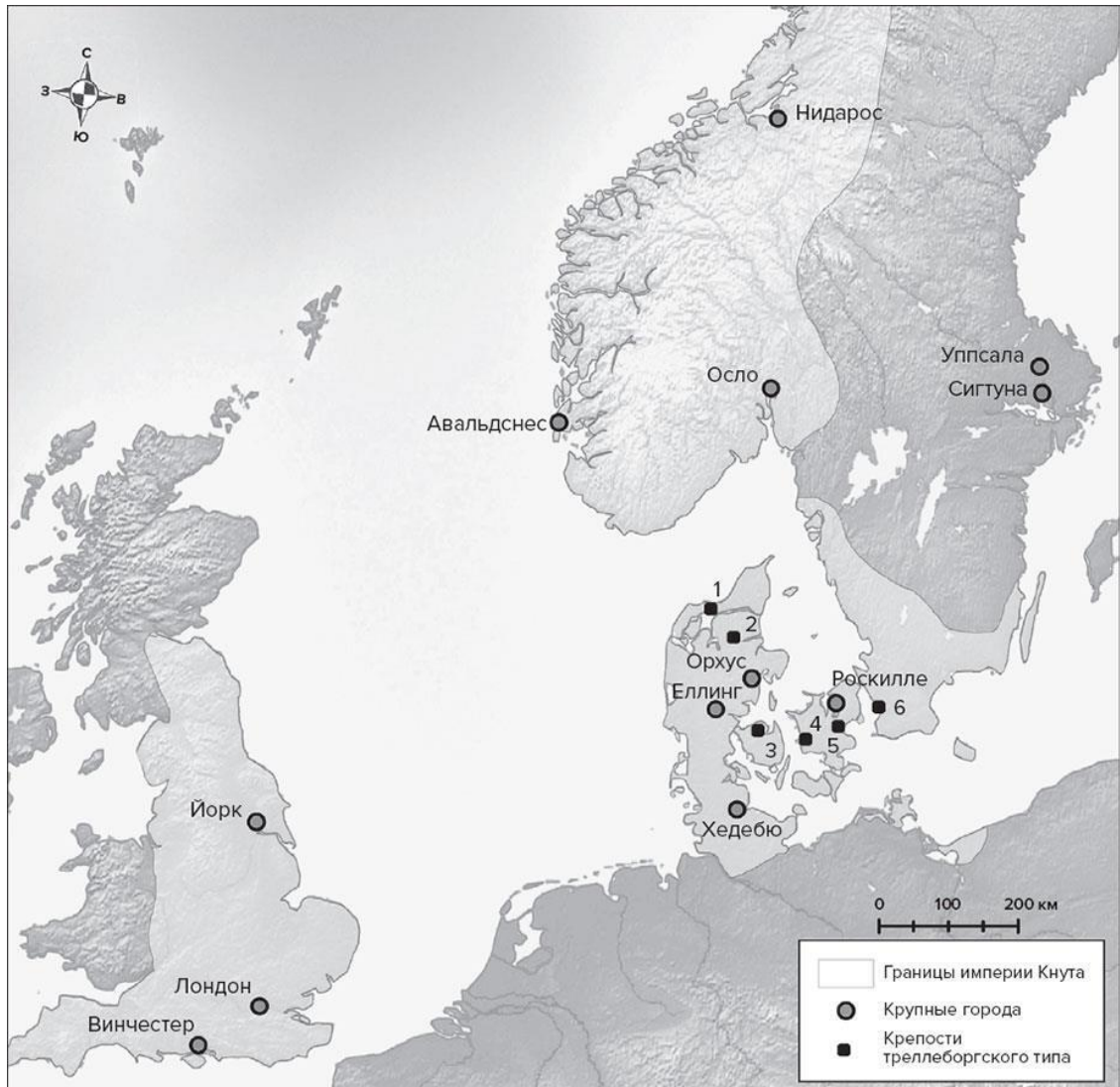
Карта 4. Дальнейшие набеги викингов на Британские о-ва и Франкию (834–999). Появление опорных баз в Ирландии, Англии и на континенте (© Ben Raffield, Daniel Löwenborg)

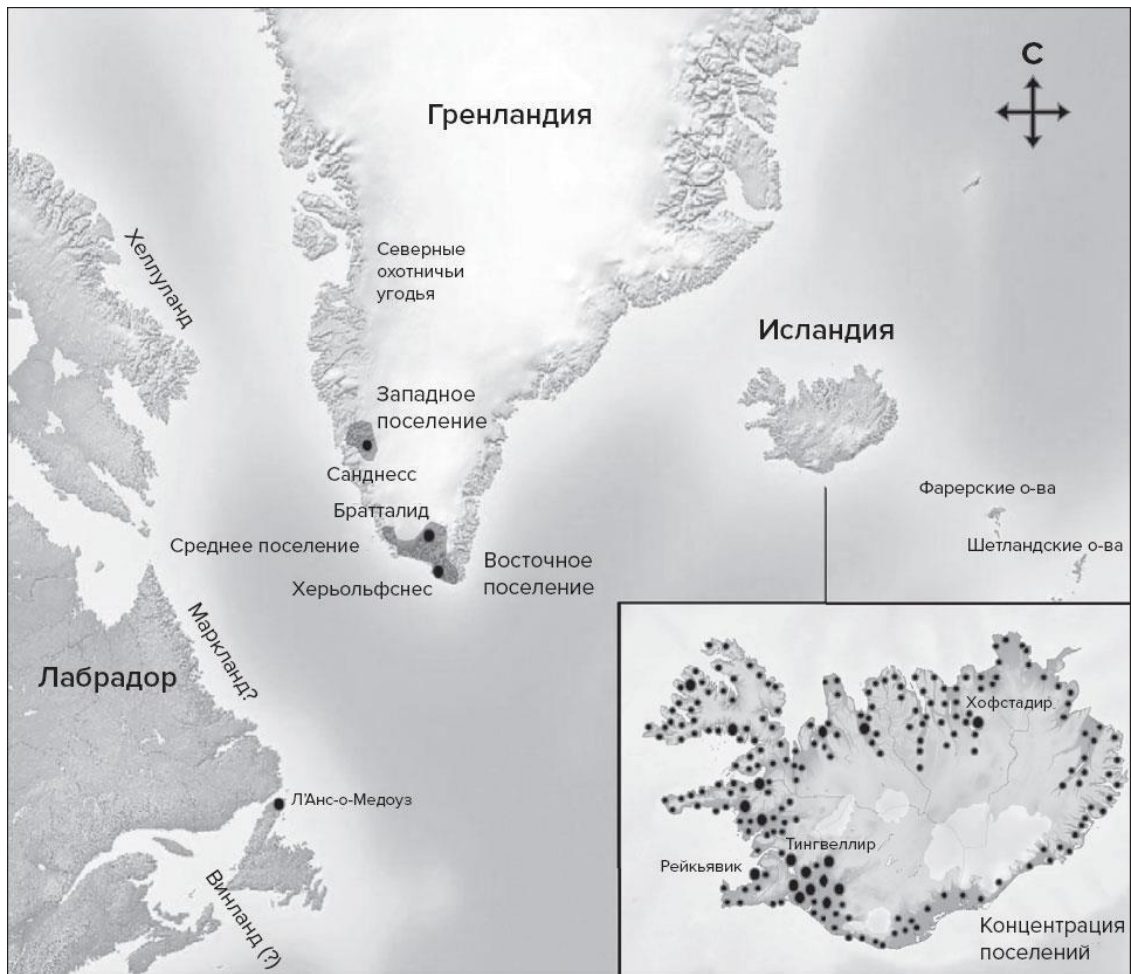
Карта 5. Великий средиземноморский набег ок. 859–862 гг., предположительно под командованием Бьорна Железнобокого и Хастейна. Можно проследить путь флота викингов на юг от базы Нуармутье в устье Луары вдоль берегов Франкии и Иберийского полуострова до Средиземного моря. Через три года домой вернулась треть кораблей; до этого они побывали где-то в восточной части Средиземного моря и с боем прошли через Гибралтарский пролив (Нёрвасунд) (© Neil Price)

Карта 6. Диаспора викингов на востоке, в Византии, в Великой степи и за ее пределами. Русы господствуют на речных путях, которые ведут из Балтийского в Черное море и плавно соединяются с караванными путями халифата Аббасидов и маршрутами Великого шелкового пути, уходящими далеко в Азию (© Ben Raffield, Daniel Löwenborg, Neil Price)

Карта 7. Поздняя эпоха викингов в Скандинавии и на Северном море, от Харальда Синезубого (ок. 960–987) до империи Кнута Великого (ок. 1016–1035). Шесть известных круглых крепостей треллеборгского типа: (1) Аггерсборг, (2) Фюркат, (3) Ноннебаккен, (4) Треллеборг, (5) Боргринг, (6) Боргебю (© Ben Raffield, Daniel Löwenborg)

Карта 8. Скандинавы в Северной Атлантике. Исландию начали заселять ок. 870 г., вскоре число жителей сильно увеличилось. Чуть более века спустя исландцы основали Восточное и Западное поселения в Гренландии, после чего отправились исследовать территории современной восточной Канады. Определить местоположение регионов, которые они называли Хеллуланд, Маркланд и Винланд, можно лишь приблизительно. Единственным достоверно подтвержденным скандинавским поселением в Северной Америке остается Л'Анс-о-Медоуз на о. Ньюфаундленд (© Neil Price)

Замечание о языке

В этой книге речь идет по большей части о живых существах, местах и понятиях, чьи сегодняшние названия происходят в основном из древнескандинавского языка (это, на самом деле, условное краткое обозначение сложной совокупности средневековых и досредневековых диалектов и языковых ветвей Исландии и Скандинавии) или из современных языков стран Северной Европы. Ориентироваться в этом комплексном звуковом ландшафте может быть непросто, и нет простого способа нормализовать его в английском тексте, одновременно воздав должное его изначальному разнообразию. Я решил сделать выбор в пользу удобства и легкости чтения, пожертвовав систематичностью, и ввел несколько языковых упрощений.

Две древнескандинавские (и современные исландские) буквы были переименованы на английский лад, кроме случаев, когда текст цитируется в оригинале, и употребления в некоторых именах: Þ/þ, или торн, превратилась в *th* и произносится как первые две буквы в слове *thought*, а Ð/ð, или эт, произносится мягче, как в слове *breathe*, но записывается как английская *d*. Точно так же древнескандинавский дифтонг *æ* был разделен на *ae*, произносится примерно как слово *eye*.

Скандинавские диакритические знаки в гласных почти везде сохранены в именах: долгое *á* произносится как *ow*, поэтому *há* (высокий) произносится как *how*; *é* – как «*ay*», первая буква английского алфавита; *í* – долгое *ee*; *ó* – более высокая и четкая версия обычного звука, произносится как *owe* с дополнительным нажимом; *ú* – долгое и глубокое, как гласная в слове *sure*, произнесенном с раскатистым шотландским акцентом. В древнескандинавском языке *u* также является гласным и произносится примерно как *ew* (разговорное выражение отвращения); при акцентированном *ú* этот звук растягивается.

В топонимах и личных именах там, где это уместно, использовались современные скандинавские буквы *å*, *ä/æ* и *ö/ø*, с небольшой разницей между шведским и датским/норвежским. В английском языке они произносятся примерно следующим образом: *å* как *oar*, *ä/æ* как *air*, *ö/ø* как *err*. Шведская буква *ö* использовалась для обозначения *o*, древнескандинавской *o* с огбнэком.

В некоторых академических работах (в том числе во многих моих) для имен собственных используется древнескандинавский номинатив, даже если это создает грамматическое противоречие в контексте современного английского. Пожалуй, самый распространенный пример, в котором также присутствуют некоторые упомянутые выше буквы и надстрочные знаки, – это имя бога Одина (Óðinn, произносится *Owe-thinn*). За некоторыми исключениями, в этом и других подобных случаях (например, когда упоминается его сын Þórr) здесь имена пишутся на английский манер: *Odin* и *Thor*.

Отрывки из древнескандинавских текстов в основном даны на английском языке, хотя кое-где я оставляю в оригинале отдельные средневековые слова и даже цитирую целые стихотворные строфы. Поэзия эпохи викингов, прочитанная вслух правильным образом и в подходящей обстановке, ощущается на языке как холодное железо: сложные схемы рифм накладываются друг на друга, как слои наледи – коварные, но прекрасные. В этом языке слышится нечто древнее и настоящее, даже если мы способны понять его только в переводе, и по этой причине я включил в книгу подборку стихов.

Пролог

Дерево, прибитое волнами к берегу

Боги шагают по песку, и извилистая цепочка следов тянется за ними вдоль берега необъятного океана. Волны грохочут и пенятся совсем близко, оглушая своим ревом. На берегу нет больше ничьих следов, потому что в этом мире пока еще нет людей.

Мы видим троих идущих: Один, самый могущественный и ужасный, и его братья Вили и Ве. Впрочем, у каждого из них много других имен – в божественной семье асов это станет самым обычным делом.

Казалось бы, вокруг мир и покой, но они созданы из крови: земля и небеса в буквальном смысле вылеплены из расчлененного трупа жертвы убийства. Вселенная как место преступления – тревожная история, полная странностей, жестокости и противоречий, – история, истинный смысл которой нужно не только понять и объяснить, но и прочувствовать. В свое время мы познакомимся с историей творения ближе, но сейчас все это позади, и вокруг тихо. Боги любопытны: они неустанно исследуют природу вещей, которые находят в своем блестящем новом мире. Что это такое? А это? Они совершенно одиноки здесь, где пока еще нет ни духа, ни разума, ни цвета.

Но вот боги выходят на побережье и замечают кое-что у кромки воды.

Две большие колоды плавника, выброшенные приливом, лежат на голом пустынном берегу под необъятным небом. Один и его братья подходят, с усилием переворачивают лежащие на песке древесные стволы. И именно тогда они понимают, что находится внутри, так же, как скульптор угадывает в глыбе необработанного камня будущее изваяние, ожидающее, когда его выпустят на свет. Трое богов протягивают руки к дереву – обстругивают, выглаживают, придают ему форму. Вокруг взлетают стружки и опилки. Боги широко улыбаются друг другу, захваченные радостью творения. Постепенно скрытые внутри существа становятся видимыми, обретают очертания под прикосновениями божественных пальцев. Тут рука, там нога и, наконец, лица.

Сначала мужчина – первый человек, – а затем женщина. Боги пристально смотрят на них. Один первым делает шаг вперед – и выдыхает им в рот, даруя жизнь. Они кашляют, начинают дышать, по-прежнему запертые в древесном плену. Ве открывает им глаза и уши, приводит в движение их языки, разглаживает их черты – ответом ему становятся изумленные взгляды и шумный лепет. Вили наделяет их разумом и умением двигаться – и они выбираются из дерева, разбрасывая вокруг себя хлопья коры.

Наконец, боги дают им имена, превращая их сущность в звук. Мужчина – Аск, яшень. Женщина – Эмбла, вяз.

Первые в мире люди изумленно оглядываются вокруг, прислушиваются к тишине, а затем наполняют ее речью, криками, смехом. Они указывают пальцем на океан, небо, лес, давая имена все новым и новым вещам, и снова смеются. Они пускаются бежать прочь от наблюдающих за ними богов, убегая по песку все дальше и дальше в свой новый дом, пока совсем не скрываются из виду. Может быть, на прощание они машут Одину и остальным, может быть, нет, но они с ними еще увидятся.

От этой пары произошло все человечество, с незапамятных тысячелетий древности до наших дней.

* * *

Немногие культуры древности пользуются таким массовым признанием и вызывают столько же интереса, как викинги. Почти все мы что-то слышали о викингах. Всего за три столетия, примерно с 750 по 1050 год н. э., народы Скандинавии преобразили северный мир, и последствия этого ощущаются до сих пор. Викинги изменили политическую и культурную карту Европы, придали новую форму торговле, экономике, поселениям и конфликтам, распространив их от Восточного побережья Америки до азиатских степей. Сегодняшний образ викингов складывается из стереотипов: морская агрессия, знаменитые длинные корабли, набеги и грабежи, огненная драма «викингского погребения». В них есть доля правды, но помимо всего этого скандинавы приносили в земли, которые открывали, и народам, с которыми встречались, новые идеи, технологии, убеждения и обычаи. При этом сами они тоже менялись, и в их обширной диаспоре возникали новые жизненные уклады. У них на родине из множества мелких королевств в конце концов сформировались государства – Норвегия, Швеция и Дания, существующие и сейчас. В то же время традиционные верования Севера постепенно оттеснило на второй план христианство – изначально чуждая вера в корне изменила взгляды скандинавов на мир и будущее.

Рис. 1. «Викторианские» викинги. Необычный рисунок Лоренца Фролиха (1895) изображает пир богов из древнескандинавской поэмы «Перебранка Локи». Боги-асы похожи одновременно на античные скульптуры пирующих варваров и на чопорных гостей викторианских званых ужинов, Локи ведет себя как подвыпивший дядюшка, и все это происходит в чертогах рококо с подобием люстры под потолком

В буквальном смысле викинги, конечно же, люди прошлого, мертвые и навеки ушедшие, – и в то же время их протоистория примечательно осязаема и как будто способна с равной силой откликаться на любое воздействие. У многих возникало искушение, оглянувшись назад, склонить чаши весов истории в ту или иную сторону, воображая, будто этот импульс исходит не от них самих, но обусловлен явлением неких доселе скрытых истин. Средневековые монахи и ученые представляли предков-язычников как своих предшественников, благородных, но заблуждающихся, – или, наоборот, как пособников дьявола. В иллюминированных рукописях средневековых романов викинги под влиянием ориенталистских предрассудков превратились во врагов Христа – сарацин, и изображались в тюрбанах и с ятаганами. В Англии времен Шекспира викинги воспринимались как неистовая движущая сила ранней истории величия королевства. Вновь открытый в эпоху Просвещения под видом «благородного дикаря», образ викинга был с воодушевлением принят сторонниками романтического национализма в XVIII

и XIX веках. Викторианские империалисты в процессе формирования собственной идентичности прочесали скандинавскую литературу, ища подходящие образцы для подражания, и нашли в твердости и настойчивости своих северных кузенов очередное доказательство особого предназначения англосаксов. К логическому завершению эта кривая пришла столетие спустя, когда нацисты в погоне за расистскими фикциями присвоили викингов себе и водрузили на пьедестал под видом арийского архетипа; их современные преемники до сих пор отравляют нам жизнь. Члены обширного языческого сообщества в наши дни ищут духовную альтернативу, черпая вдохновение в религии викингов и приправляя мутную древнескандинавскую брагу ароматическими добавками в духе Толкиена. Все они и многие другие, в том числе современные ученые и зрители исторических телесериалов, собирают разрозненные материальные и текстовые фрагменты, оставленные викингами, и складывают из них нечто новое по собственному вкусу. Иногда кажется, что настоящие люди эпохи викингов совсем исчезли под возложенной на них совокупной тяжестью позднейших представлений. Как тут не вспомнить «Возвращение в Брайдсхед» и Энтони Бланша: *Oh, la fatigue du Nord!*

Большинство этих точек зрения объединяет привилегированное положение наблюдателя, разглядывающего викингов со стороны, и полнейшее невнимание к тому, как видели мир сами викинги. Это отношение имеет давнюю историю – в самом деле, мы наблюдаем его уже в текстах, написанных жертвами викингов, хотя от них вряд ли можно было ожидать беспристрастности. Как ни парадоксально, даже люди, с которыми скандинавы вступали в непосредственный контакт (нередко точкой контакта служило острие меча), не всегда были до конца уверены, с кем они имеют дело. Возьмем всего один пример из конца IX века: после ожесточенной войны с целой армией викингов король Альфред Великий из Уэссекса на юге Англии, принимая при своем дворе мирного норвежского купца, забросал его вопросами: откуда они пришли? Чем они занимаются? Как они живут? Король был не одинок в своем любопытстве.

Рис. 2. Когда все пошло не так. Плакат о вербовке в СС и реклама общественного шествия в оккупированной нацистами Норвегии в 1943 году. Яркий пример политического использования темы викингов

Эти трудные вопросы продолжали обсуждать в течение следующей тысячи лет, а в последние примерно два столетия с расширением научных исследований и специальных знаний дебаты особенно накалились. Однако и здесь внимание снова сосредоточено главным образом на том, что именно делали викинги, а не на том, почему они это делали. Возникает ощущение, что мы смотрим в телескоп истории не с той стороны и пытаемся охарактеризовать (и часто осуждаем) людей лишь по последствиям их действий, не принимая во внимание стоящие за ними мотивы.

В этой книге мы изменим угол зрения и станем смотреть изнутри наружу. Сделаем особый упор на том, кем на самом деле были викинги, что ими двигало, как они думали и чув-

ствовали. Их впечатляющая экспансия, конечно, не будет оставлена без внимания, но в первую очередь мы попытаемся постичь ее контекст и ее истоки.

С чего же начать в таком случае, как не с сотворения мира? Корни истории о богах, создавших первого мужчину и первую женщину из древесных стволов на берегу Мирового океана, глубоко проникают в скандинавскую мифологию. И если люди испытывали при встрече с викингами страх и растерянность, не понимая, с чем они столкнулись, у самих викингов никогда не было на этот счет ни малейших сомнений: они были детьми Ясеня, детьми Вяза.

Введение

Прародители и наследники

Что на самом деле означает слово «викинг»? Следует ли вообще его использовать, и если да, то каким образом?

Скандинавы VIII–XI веков знали это слово – в древнескандинавском языке *vikingr* могло употребляться по отношению к человеку, – но они вряд ли называли бы так самих себя или свое время. Вероятно, для них это значило что-то вроде «пират» и указывало скорее на род занятий, причем не самый распространенный. Это слово определенно не отождествлялось с целой культурой. И даже тогда оно не обязательно имело негативную окраску и не всегда ассоциировалось с насилием – этими смыслами оно начало обрастать в последующие столетия, уже после эпохи викингов. Точно так же это слово не относилось исключительно к скандинавам – его употребляли по отношению ко всем пиратам Балтийского моря и использовали даже в Англии. Аналогичным образом жертвами набегов викингов становились не только люди, жившие за пределами Скандинавии, – тем, кто промышляет морским разбоем, вряд ли свойственна подобная разборчивость. Даже в XI веке в Швеции еще мог появиться рунический камень в память о человеке – некоем Ассуре, сыне ярла Хакана, – «что нес дозор против викингов», то есть защищал свои земли от вторжений ближайших соседей.

Точное происхождение этого слова неизвестно, но наиболее широко распространенная сегодня версия возводит его к древнескандинавскому слову *vík* – морская бухта. Таким образом, изначально викинги, возможно, были «людьми из бухты» – где их корабли поджидали в засаде проходящие мимо морские суда. Еще одна версия связывает его с регионом Викен на юго-западе Норвегии, откуда, как считалось раньше, приходили первые морские разбойники – возможно, это тоже имеет под собой некоторые основания.

В современных скандинавских языках слово *vikingar* или *vikinger* до сих пор используют только в прямом смысле («морские разбойники»), в то время как в английском и других языках оно обозначает практически всех, кто, как с грустной безнадежностью выразился один кембриджский ученый, «имел хотя бы отдаленное касательство к Скандинавии “того времени”». Было предпринято немало попыток устранить это недоразумение, но все они не имели успеха. (Так, один покойный историк, посвятивший несколько страниц своей работы вопиющей, по его мнению, терминологической небрежности коллег, в конце концов решил удовольствоваться термином *Norsemen*¹ – тем самым исключив из картины шведов и датчан, и, если уж на то пошло, женщин.) Некоторые ученые теперь пишут слово «викинги» со строчной буквы, если хотят обозначить население в целом, и с заглавной, если имеют в виду только тех, кто занимался пиратством. Я пишу слово «викинги» с заглавной буквы, а смысл определяется через контекст².

Все это не просто мелкие семантические придирки. Используя в обсуждении эпохи викингов термин, который наверняка озадачил бы людей, к которым он якобы относится, историки создали в некотором смысле контрпродуктивную абстракцию. Конечно, прошлое всегда делили на удобные для восприятия временные отрезки, но споры ученых о том, когда началась эпоха викингов, – не то же самое, что споры, скажем, о возникновении Римской империи, где гораздо меньше пространства для ретроспективных домыслов.

¹ В зависимости от контекста – норманны, норвежцы, северные мужи. – *Здесь и далее, если не указано иное, прим. перев.*

² В русском переводе книги слово «викинги» решено писать везде со строчной буквы, как принято в отечественной историографической традиции.

Следует иметь в виду, что никакие другие жившие тогда народы не распространились по известным в то время частям Евразии и Северной Атлантики так же широко, как скандинавы. Они путешествовали по территориям примерно сорока с лишним современных им стран и имели документально подтвержденные контакты более чем с пятьюдесятью различными культурами. Некоторые ученые пытались утверждать, что в этом нет ничего выдающегося и примечательного, и это просто региональное проявление общекионтинентальной мобильности и общих тенденций реорганизации экономики после распада Римской империи – нечто вроде зарождающегося раннесредневекового Евросоюза с особенно агрессивными участниками на Севере. Действительно, набеги и морские сражения происходили в регионе Балтийского и Северного морей за многие столетия (если не тысячелетия) до эпохи викингов. Однако нет никаких сомнений в том, что размах и интенсивность морского пиратства постепенно, но очень явно увеличивались начиная с 750-х годов и достигли кульминации в полномасштабных военных кампаниях IX и X веков, сокрушивших политические структуры Западной Европы. Параллельно и в тесной связи с морским разбоем исследовались и заселялись новые земли и развивалась торговля, особенно на востоке. Короче говоря, «эпоха викингов», при всей очевидной искусственности этого конструкта, ретроспективно созданного учеными, имеет вполне ощутимую значимость.

В то же время предпринимались попытки вычеркнуть викингов из истории, как ни парадоксально, именно на основании того, каким образом они были в нее вписаны. Согласно этой логике, будущее «колонизировало» упомянутый отрезок прошлого, исказив его сообразно собственным нуждам, и викинги на самом деле не более чем плод воображения живших позднее людей. На мой взгляд, такой подход не имеет смысла. Да, романтический национализм, викторианский империализм и их одиозные европейские преемники, безусловно, повлияли на поздние представления о викингах, однако они ровно ничего не говорят о том, что в действительности происходило в середине VIII – XI веке, – только о том, каким образом эта эпоха была освоена в культурном контексте или использована в качестве оружия (что, конечно, не следует оставлять без внимания).

С учетом всей этой неопределенности и продолжительных социально-политических злоупотреблений крайне важно позаботиться о том, чтобы концепция эпохи викингов имела проверяемую эмпирическую реальность, обнаруживаемую при внимательном изучении. Трехсотлетний период, начавшийся примерно с середины VIII века, ознаменовался в первую очередь процессом глубокой социальной трансформации, определившей облик Северной Европы на ближайшую тысячу лет, и это само по себе оправдывает дискретное определение эпохи викингов.

Свести воедино все имеющиеся данные – нелегкая задача. Хронологически упорядоченный ход повествования необходим, чтобы понимать события этих трех столетий в контексте, но в нем нет единой направляющей нити, которая провела бы нас по всем обширным и разнообразным аренам деятельности диаспоры викингов. Гораздо более объемные книги, чем эта, целиком посвящены только взаимоотношениям скандинавов с современной европейской частью России, – и это лишь один пример, то же самое можно сказать обо всех остальных аспектах их жизни. Пытаясь охватить целиком эту огромную картину, мы неизбежно упустим какие-то детали. Читатели, желающие углубиться в обсуждение искусства викингов, типологии артефактов, методов кораблестроения и тому подобного, могут обратиться к множеству прекрасно иллюстрированных специальных исследований или использовать как отправную точку список литературы, приведенный в конце этой книги. Точно так же, учитывая, что скандинавы контактировали более чем с пятьюдесятью культурами, если бы мы посвятили каждой из них хотя бы тысячу слов, мы получили бы добрых полкниги сухих описаний. Когда мы следуем за викингами, общая картина всегда проступает на заднем плане, но, возможно, здесь нам будет

полезнее сосредоточиться на симультанности, моментальных снимках и кратких экскурсах к происходившему в разные отрезки времени на разных территориях.

Этот подход открывает новые возможности, но вместе с тем имеет ограничения. В частности, представляется сомнительной концепция исключительности викингов (отличие от других не равняется исключительности), и я считаю, что ее следует по возможности избегать. Воспользуемся образом, который пришелся бы по душе им самим: в североευропейских народных сказках сюжет часто вращается вокруг поиска тайного имени (очевидный пример – сказка о Румпельштильцхене). Викинги оставили ключи к разгадке своего тайного имени, своей подлинной сути, скрытой от глаз. Скандинавская поэзия и даже надписи на рунических камнях пронизаны ощущением близости сверхъестественного, – они созданы людьми, существовавшими на одной волне с окружающим миром. Подобное ощущение прослеживается и в их материальной культуре, где каждая доступная поверхность (в том числе человеческое тело) покрыта переплетающимися рисунками, вьющимися узорами, животными и другими исполненными смысла изображениями. Мир викингов полнился кипучей жизнью, его внешние и внутренние границы были во многих смыслах более прозрачными, чем наши, и множество извилистых троп соединяло его с владениями богов и других сверхъестественных сил.

Однако, наблюдая за историями, разворачивающимися на страницах этой книги, важно не упускать из виду и то, чего в них не хватает, – то, что нам *неизвестно*. Где-то это незначительные детали, где-то – важные основополагающие элементы. Эти пробелы примечательным образом лишены систематичности. Заполнить их можно лишь с помощью более или менее обоснованных гипотез, опирающихся на уже известные факты (впрочем, история и есть не что иное, как гипотетическая дисциплина, иногда чем-то сродни научной фантастике о прошлом).

Например, нам очень мало известно о том, как викинги измеряли время. Загадкой для нас остаются их музыка и песни (здесь теоретически можно отгаликовать от немногих сохранившихся музыкальных инструментов, тональные качества которых можно было бы реконструировать, но что именно викинги с ними делали – совсем другой вопрос). Неясно, куда, по мнению викингов, после смерти попадали женщины. Почему так много серебра безвозвратно закапывали в землю? Эти и другие вопросы остаются без ответов и продолжают волновать ученых на протяжении веков. Но все же они заслуживают того, чтобы их задать. Если вы действительно верили – в сущности, *знали*, – что человек, живущий выше в долине, при определенных обстоятельствах может превращаться в волка, каково было жить с ним по соседству? Каково было выйти за него замуж?

Скорее всего, нам никогда не удастся произнести тайное имя викингов, но если мы будем чутко прислушиваться к их голосам, их заботам и идеям, к их миру и их сознанию – полагаю, сможем не только лучше понять их древнюю жизнь, но и по-новому взглянуть на то, как мы сами стали такими, как есть. Итак, перед нами эпоха викингов, детей Ясеня и Вяза: черед наблюдательных пунктов, откуда открывается вид на людей, место и время, неизбежно конечное, но пребывающее в постоянном движении. Разумеется, в некотором смысле это *моя личная* эпоха викингов, за которой стоит тридцать с лишним лет исследований, и, как работа любого профессионального исследователя прошлого, она ограничена моими предубеждениями и предубеждениями.

Как же туда попасть? Если смотреть практически, какие источники данных мы можем использовать, чтобы приблизиться к викингам?

Как многие другие области познания, науку о викингх время от времени сотрясают междисциплинарные ссоры, в первую очередь между учеными, работающими с текстами, и их коллегами-археологами, контактирующими с прошлым через предметы и локации. Этот спор никогда не затихает окончательно, и его отголоски время от времени напоминают о себе, как нерегулярные подземные толчки в зоне геологического разлома. Разумеется, создание текста –

также глубоко материальный акт: чтобы вырезать знаки на камне или на дереве или написать их пером на пергаменте, требуются целенаправленные усилия, ресурсы и навыки, и у всего этого, конечно, есть определенная цель и социальный контекст за пределами простой коммуникации. Некоторые редкие источники, например великая эпическая поэма «Беовульф», существуют в виде единственной рукописи – это в буквальном смысле артефакты.

Ученые, изучающие викингов, как правило, специализируются на одной конкретной частоте сигналов, идущих из конца первого тысячелетия, но кроме этого, им необходимо разбираться во множестве смежных дисциплин: археология, изучение саг, филология, рунология, история религий – список можно продолжать, а в последнее время заметный вклад в исследования вносят естественные науки и науки об окружающей среде, включая геномику. Также очень важно знать современные скандинавские языки и иметь рабочее представление о древне-скандинавском языке и латыни.

Поскольку я сам археолог, неудивительно, что большая часть этой книги основана на результатах раскопок и полевых исследований. Идет ли речь о предметах, сооружениях, захоронениях или разного рода образцах для научного анализа, все это, по сути, *вещи* – или, если использовать вполне удовлетворительно отражающий суть академический термин, материальная культура.

Некоторые из этих предметов, особенно погребальный инвентарь, сохранились благодаря тому, что люди когда-то сознательно организовали их размещение, – проще говоря, они были найдены, потому что их специально оставили именно в этом месте. В захоронениях можно непосредственно встретиться с викингами в виде скелетов или кремнированных останков. Но гораздо чаще археологам приходится иметь дело с вещественными фрагментами, разрушенными и плохо сохранившимися или случайно уцелевшими после того, как их потеряли, где-то забыли или выбросили по причине негодности. Сюда относятся находки, сделанные в культурных слоях поселений, где обнаруживаются всевозможные предметы, оказавшиеся в земле за те годы, что здесь жили люди: разбитая глиняная посуда, пищевые отходы, вещи, которые были выброшены или оставлены, когда пришло время переезжать на новое место. Археологи также находят следы строений, сохранившиеся в земле в виде темных очертаний на месте сгнивших бревен или ям от столбов, когда-то поддерживавших крыши и стены. В редких случаях встречаются каменные опоры фундамента или выемки, в которых они находились, пока кто-то не забрал их для повторного использования.

Археология – в высшей степени интерпретативное занятие, где необходимо постоянно приводить в равновесие различные вероятности и альтернативы. Мы можем строить догадки и предположения, но далеко не всегда можем быть абсолютно уверены. Неотъемлемое качество хорошего исследователя – готовность признать свою неправоту, открытость для конструктивной критики. И все же, хотя выводы следует формулировать осторожно, не стоит думать, что, с учетом всех этих оговорок, по-настоящему узнать что-либо о прошлом невозможно и не стоит даже пытаться. На помощь археологам приходит обширный теоретический аппарат, постоянно развивающийся, иногда противоречивый и часто непонятный непосвященным, но тем не менее играющий в исследованиях важную роль. Сравнивая то, какими были наши представления об эпохе викингов (и вообще о прошлом) пятьдесят лет назад, с тем, что мы знаем сейчас, нельзя не испытывать изумление и воодушевление. Викинги, которых я изучал в колледже в 1980-х годах, сильно отличались от тех людей, о которых я рассказываю сегодня студентам, и то же самое наверняка можно будет сказать, когда у этих студентов появятся собственные ученики. Так и должно быть.

Есть и другие сложности. Общим для большинства археологических площадок остается вопрос сохранности материалов, во многом зависящей от типа и относительной кислотности местной почвы. Камень – материал, наименее подверженный разрушениям, хотя он тоже может искрошиться и выветриться, если будет в течение долгого времени подвергаться воздействию

природных сил. Металл и керамика обычно сохраняются (хотя могут пострадать от ржавчины и тому подобного), в то время как степень сохранности костей сильно различается. Реже всего встречается органика – изделия из ткани, кожи, дерева и подобных материалов. Она почти всегда бесследно исчезает, кроме случаев, когда доступ кислорода к почве по тем или иным причинам ограничен, например когда она сильно пропитана влагой.

Все сказанное относится к предметам, лежащим в земле, но кроме этого, археологи фиксируют видимый ландшафт, для эпохи викингов наиболее очевидно представленный земляными валами, укреплениями или погребальными курганами, а также каменными памятниками, канавами или каменными изгородями сухой кладки, обозначающими границы владений, и так далее. Рельеф местности со временем может измениться – реки меняют русла, береговая линия поднимается или опускается, заболоченные участки осушают под пашню, в редких случаях природные явления, такие как извержения вулканов, провоцируют еще более радикальные изменения, – но материальные свидетельства остаются. С помощью неразрушающих методов разведки, таких как георадар и разные виды электромагнитных исследований, позволяющих выявлять скрытые особенности, каналы, ямы для столбов и очаги, можно «читать» не только видимый ландшафт, но и то, что спрятано под ним.

Сопоставляя данные раскопок, полевых исследований и геофизической разведки, мы можем восстановить общую картину поселений эпохи викингов, вплоть до мельчайших подробностей жизни людей. Данные позволяют понять, как они жили, как одевались и что ели, какие вещи изготавливали и использовали. Археологи могут реконструировать внешний вид домов и крестьянских хозяйств, сделать выводы о том, как люди обеспечивали себя пропитанием, получить представление об их экономике. На основании всех этих данных можно нарисовать схематическую картину семейного уклада и социальной иерархии – и получить приблизительное представление о политических системах и способах демонстрации власти. Кроме того, археология может восстановить обрядовые действия, связанные с живыми и с умершими, приоткрыть для нас мировоззрение и религиозные представления людей прошлого. Не в последнюю очередь все это позволяет понять, как викинги и другие народы той эпохи взаимодействовали друг с другом на территории нынешней Скандинавии и далеко за ее пределами.

За последние полвека археологическая наука кардинально изменила наши представления о прошлом не только в эпоху викингов, но и в другие исторические периоды. Анализ изотопов стронция и кислорода в человеческих зубах и костях позволяет определить, в какой местности люди жили в детстве и юности, в годы формирования организма, может сообщить нам, как часто они переезжали с места на место, и показать, чем они питались. Материаловедение позволяет идентифицировать предметы и вещества, сохранившиеся так плохо, что раньше об их природе можно было только догадываться. Научный анализ определяет происхождение употребляемых в производстве металлов, глины и минералов, виды и места обитания животных, шкуры и кости которых были использованы в качестве сырья, позволяет установить по годичным кольцам деревьев точную дату того или иного события, иногда вплоть до года и даже времени года. Археологи могут раскопать затонувший корабль в Дании и определить, что он был построен в Ирландии. Анализ древней ДНК помогает достоверно определить пол умерших, выявить их семейные связи и даже узнать цвет их глаз и волос. Он также дает возможность отслеживать масштабные миграции населения и крупные демографические изменения. Экологические исследования помогают воссоздать флору поселений и окружающей местности, определить, возделывали эту территорию или она была занята лесом, какие культуры здесь выращивали, а также определить, как и насколько изменились со временем способы земледелия.

Ни один специалист не способен одинаково хорошо разбираться во всех этих областях, но совместная работа археологов в поле, в лабораториях и в библиотеках теперь дает больше, чем когда-либо, возможностей для восстановления картины жизни людей прошлого.

Но сведения об эпохе викингов можно почерпнуть не только из материальной культуры и других природных и вещественных следов, хотя эти данные разнообразны и их количество постоянно растет. Как насчет письменных источников? Культура Скандинавии в то время была преимущественно устной и не создала литературных или документальных текстов – викинги не записывали собственную историю. Это не значит, что они были неграмотными – руническое письмо было широко распространено на Севере с его возникновения в римские времена до расцвета надписей в эпоху викингов. Однако количество этих материалов ограничено. Существуют тысячи вырезанных на камне кратких мемориальных надписей и эпитафий, иногда даже стихов, а также редкие примеры нацарапанных на дощечках повседневных записей и пометок. Но более длинных текстов в странах Севера в эпоху викингов создано не было.

Культура викингов относится к числу так называемых протоисторических культур – ее история известна нам, потому что о ней писали зарубежные современники. Однако это создает определенные трудности, и во многих отношениях именно это лежит в основе почти всех современных стереотипов о викингах – дело в том, что большинство письменных источников такого рода создавались людьми, оказавшимися на острие их агрессии. Большая часть этих записей входит в придворные хроники, обычно написанные на латыни для правящих династий Западной Европы. Ряд текстов, названных в честь монастырей, где они были созданы или хранились, повествует о Франкском государстве и Священной Римской империи на континенте, а несколько древнеанглийских рукописей, составляющих так называемую «Англосаксонскую хронику», охватывают Англию. Кроме того, у нас есть аналогичные источники из арабского мира, в частности из Кордовского халифата в Андалусии и из Византийской империи со столицей в Константинополе, – и это лишь некоторые из них.

К этому можно добавить сухие юридические документы о пожаловании земель и привилегий, в которых сохранились случайные сведения о деятельности викингов, например упоминания о местах, где когда-то располагались их оборонительные сооружения или военные лагеря. Существуют законы – раннесредневековые региональные судебники, записанные через сто с лишним лет после викингов, но часто содержащие различные полезные сведения, явно относящиеся к более древнему периоду. В той же культурной среде возникло некоторое количество текстов личного характера, написанных монахами и священниками, путешественниками, дипломатами и торговцами, шпионами, поэтами и другими людьми, встречавшимися с викингами на родине и за рубежом.

Все эти виды документов будут рассмотрены в следующих главах, но при этом важно учитывать некоторые их особенности. Во-первых, хотя они основаны на рассказах современников, иногда даже очевидцев упоминаемых событий, в своем нынешнем виде почти все они были скомпилированы, отредактированы или переписаны в более поздние времена, и этот контекст требует критического отношения. Во-вторых, хотя они часто производят впечатление непосредственного репортажа с места событий, они всегда пишутся с определенной целью – зачастую это откровенная пропаганда, задачей которой было не только представить авторов в благоприятном свете и очернить викингов, но и принизить соседние королевства или народы. Короче говоря, к ним нужно подходить с осторожностью.

Помимо более или менее современных викингам письменных источников, существуют сказания (пожалуй, одни из самых известных в мире) – выдающийся корпус исландских текстов, давших Северу собственную литературную традицию. У многих людей викинги так прочно ассоциируются с сагами, что они очень удивляются, обнаружив, что на самом деле эти захватывающие повести появились на несколько веков позже тех событий, о которых рассказывают. Для тех, кто хочет лучше понять эпоху викингов, попытка вникнуть в эти тексты только усложняет дело.

И в древнескандинавском, и в современных скандинавских языках *saga* означает просто «история» – буквально «то, что сказано». Как любая повествовательная традиция, саги имеют множество стилей и жанров. Их сочиняли в разное время и в разных местах, с самыми разными целями. Первые древнескандинавские саги были записаны в Исландии в конце XII века, более ста лет после номинального окончания эпохи викингов. Традиция продолжала существовать еще много веков, и, хотя ее творческий расцвет пришелся на XIII век, новые саги продолжали создавать и после Реформации, и в раннее Новое время. Таким образом, обманчиво простой термин включает в себе огромное разнообразие текстов, от официальных исторических летописей до вечерних сказок у очага, а также все находящиеся между ними промежуточные варианты.

Два жанра саг, наиболее часто упоминаемых в связи с викингами, – это саги об исландцах, они же родовые саги, и так называемые *fornaldarsögur* – буквально «рассказы о древних временах», которые чаще называют легендарными сагами. И те и другие рассказывают непосредственно об эпохе викингов, но по-разному и с разной степенью достоверности (хотя вопрос об их достоверности зависит скорее от того, с каких позиций вы подходите к этим средневековым текстам).

В сагах об исландцах речь обычно идет об отдельных семьях поселенцев в этой молодой североатлантической стране и часто о небольших регионах – долине или области. Родословная поселенцев подробно прослеживается не только до момента, когда они осели в Исландии, но и дальше, до отдаленных предков в Скандинавии. Саги живо повествуют о жизни и приключениях этих людей, иногда в течение целых десятилетий, и при этом рисуют впечатляющую и убедительную картину того, как выглядела Исландия того времени: уникальный политический эксперимент – крестьянская республика в эпоху королей. Часто возникает тема вражды и мести, соседские ссоры перерастают в грабежи и убийства, волну насилия, постепенно захватывающую одно поколение за другим, пытаются остановить взаимными судебными тяжбами. Все это сплетается с рассказами о любви и сражениях, – словом, в тесных сельских общинах с международными контактами представлен полный спектр человеческих эмоций. Во многих повестях красной нитью проходит тема магических контактов с Иным миром, колдовства и предвидения, духов и сверхъестественных существ, хотя случаи непосредственного общения с богами встречаются редко. Начиная с X века и далее (согласно внутренней хронологии саг) эти обычаи все чаще сопоставляются, а иногда противопоставляются растущему влиянию Белого Христа – так исландцы называли Иисуса. Все эти события разворачиваются на фоне напряженных отношений с правящими семьями Норвегии, которые рассматривали Исландию как выгодное территориальное приобретение, и более крупных политических событий в большом мире.

В легендарных сагах, как подсказывает их название, можно встретить характерные для волшебных сказок фантастические элементы – битвы героев с чудовищами, проклятия злых колдуний и так далее, – но они часто вставлены в повести, имеющие некоторую связь с реальной историей. В частности, в легендарных сагах встречаются рассказы о событиях, предположительно происходивших *задолго до* эпохи викингов, во времена Великого переселения народов, когда после падения Римской империи карта Европы претерпевала бурные изменения. Упоминаются (в целом одобрительно) такие фигуры, как гуннский полководец Атила, а также боровшиеся за власть правители и военные вожди V и VI веков. В отличие от родовых саг в этих историях в центре внимания не всегда находится Исландия, они повествуют о многих странах Европы и даже Востока.

Существуют и другие литературные произведения, также относящиеся ко времени жизни авторов саг, в том числе «Сага о Стурлунгах» (сборник историй о политических перипетиях упомянутой семьи), епископские саги, несколько разновидностей христианских нравоучительных историй и так далее. Средневековая Исландия не была отрезана от мира, и в некоторых

сагах прослеживается явное влияние европейской моды на рыцарские романы: в них отважные рыцари спасают принцесс от драконов и тому подобное. На древнескандинавский лад был пересказан даже популярный эпос о Троянской войне – в «Саге об Экторе» внимание довольно красноречивым образом сосредоточено на обреченном гомеровском герое, а не на его убийце Ахилле, что, вероятно, проливает некоторый свет на скандинавские представления о воинской чести.

Еще одну важную категорию древнескандинавских текстов составляет поэзия. Она также бывает разной – это могут быть отдельные стихотворения, но чаще встречаются стихотворные повествования о памятных событиях, и в первую очередь хвалебные песни. Кроме того, поэзию использовали и как средство сохранения и передачи мифов и преданий, и как архив героических сказаний.

Ученые в целом соглашались с тем, что древнескандинавский поэтический корпус, в отличие от прозаических текстов средневековых саг, может быть значительно старше и действительно доносит до нас голоса эпохи викингов. Это связано с чрезвычайно сложной структурой и схемами рифмовки скандинавской поэзии, которые требовалось запоминать и повторять без изменений, иначе они теряли смысл. В эпоху викингов высоко ценился поэтический дар – завидное умение, особенно для людей, стремившихся к лидерству. Это также способствовало сохранению поэзии. Большое значение имела память о человеке, его доброе имя после смерти, и высшие слои общества сознательно заботились о сохранении такой памяти, сочиняя стихи в свою честь или оказывая покровительство тем, кто мог сделать это для них. Как раз такими профессиональными поэтами и были прославленные скальды, и надо сказать, они хорошо знали свое дело: о людях, которые заказывали у них изысканные славословия в свою честь, все еще говорят тысячу лет спустя.

Существует три основных источника древнескандинавских стихов, один из которых – это собственно корпус саг, где они местами сохраняются в виде речи главных героев. Остальное по большей части собрано в двух средневековых исландских произведениях, известных как Эдды. Происхождение и значение этого слова неясны – было предложено много объяснений, но либо в прямом, либо в переносном смысле оно, вероятно, как-то связано с поэтическим творчеством.

Одна из них, так называемая Младшая Эдда («Эдда в прозе»), представляет собой разрозненные фрагменты сочинения ученого, историка и политика Снорри Стурлусона. Оно было написано во втором или третьем десятилетии XIII века и сохранилось в нескольких поздних рукописях. Эдда Стурлусона представляет собой справочник для поэтов, руководство по стилю, разделенное на три части с прологом, с описанием жанров и размеров и отдельными рассуждениями о темах и предметах, подходящих для разных случаев и целей. Сочинение содержит огромное количество информации в виде прозаических отступлений, но главное в нем то, что Снорри чаще всего доносит свою мысль на примере цитат из других произведений. Таким образом, «Эдда в прозе» в некотором смысле противоречит своему названию, поскольку ее страницы заполнены стихами, процитированными целиком или в виде отрывков, нередко с именами авторов. Некоторые из этих материалов известны по другим источникам, но большая часть присутствует только у Снорри. В тексте встречается множество скальдических стихов, отсылки к мифологии и традиционной религии, многочисленные выдержки из преданий и списки поэтических иносказаний, обозначающих самые разные предметы и явления, в том числе сверхъестественных существ (например, там есть список имен Одина). Младшая Эдда – один из самых замечательных литературных памятников Средневековья.

Кроме этого, есть еще одно средневековое произведение, известное как Старшая (Песенная) Эдда, хотя, как и в случае с произведением Снорри, это современное название. Сохранившаяся почти целиком в двух несколько отличающихся друг от друга рукописях, а также в ряде более поздних копий, она представляет собой обширный сборник стихов неизвестных

авторов на мифологические и героические темы. Мало что известно о том, почему они были собраны воедино, а также кем и зачем это было сделано. Высказывались даже предположения, что основная рукопись (так называемый Королевский кодекс (Codex Regius), хранящийся в Рейкьявике) – дело рук некоего коллекционера редкостей. Это действительно могло бы объяснить, почему произведение выглядит как маленькая, потрепанная книжечка, написанная на вторичном пергаменте – не самом подходящем материале для престижной записи. Никто не знает, что побудило исландского христианина в XIII веке собрать и сохранить коренные сказания своего языческого прошлого, но, к счастью, это было сделано. Стихи неоднозначны, допускают множество толкований и с трудом поддаются интерпретации, при этом косвенно отсылают к некоему могущественному сакральному знанию, доступному посвященным. Их трудно датировать, хотя считается, что самые ранние из них были сложены в конце эпохи викингов на основе еще более древних образцов. При всей своей неоднозначности и при том, что как источник Старшая Эдда вызывает много вопросов, она тем не менее составляет фундамент, изначальную основу всего, что нам известно о скандинавской мифологии и космологии, богах и богинях и великих героических преданиях Севера. Фрагменты эддических стихов также встречаются в сочинениях Снорри и иногда в сагах – в общей сложности их корпус состоит примерно из сорока произведений.

За исключением рунических надписей, все сохранившиеся древнескандинавские тексты созданы на несколько столетий *позже* эпохи викингов и были записаны христианами. Это значит, что между ними и языческой эпохой викингов, которую они пытаются описывать, лежит временная, культурная и идеологическая пропасть. Во многих сагах особое внимание уделяется Исландии – там происходят описываемые события, либо там были созданы сами тексты, что вносит некую географическую необъективность в изначальную, вероятно, гораздо более широкое повествовательное полотно, охватывавшее всю Скандинавию. Каждый из этих текстов уникален и написан по определенным причинам, не все из которых очевидны для современного читателя. К этому следует добавить превратности хранения: тексты со временем искажались из-за ошибок переписчиков (в нашем распоряжении почти нет оригинальных рукописей), отдельные куски теряли, редактировали, изменяли или просто вымарывали, и, конечно же, произведение могло попросту не сохраниться. Иногда фрагментарность текста очевидна, и мы понимаем, чем она вызвана. Иногда нам известны лишь названия не дошедших до нас саг и краткое описание их сюжета. Во многих случаях мы даже не представляем, чего именно лишились.

Прежде чем браться за саги и любые другие древнескандинавские прозаические и поэтические произведения, необходимо ответить на обманчиво простой вопрос: что вы хотите с ними делать? Многие исследователи, изучающие тексты саг сквозь призму литературного или материального исследования, нередко бывают (как выразился Толкиен в отношении «Беовульфа») «обескуражены, обнаружив, что произведение включает в себе лишь само себя, а не то, что им хотелось бы найти». Саги, как следует из названия, были в первую очередь историями, предназначенными для рассказывания вслух, но потенциальным слушателям был известен их контекст. Жизнь викингов строилась вокруг внутрисемейных и междусемейных отношений, оплетавших все общество узами взаимной зависимости. Саги закрепляли людей в определенном отрезке времени и давали им чувство связи с прошлым – то, которое опять же Толкиен назвал «ощущением перспективы, прикосновением к древности, за которой стоит еще более великая и темная древность».

Это ощущение никуда не делось. Дезориентирующее воздействие родовых саг на современную аудиторию отчасти связано с тем, что они производят настолько реальное впечатление – они как будто позволяют читателю *испытать на себе*, каково было жить в этом чужом мире с его немногословными драмами и обостренным восприятием всего происходящего вокруг. На своей родине, в Исландии, саги и сейчас остаются вполне живыми, знакомыми каждому произ-

ведениями. Каждый может (и должен!) с удовольствием прочитать эти повести как настоящие шедевры мировой литературы, каковыми они, несомненно, являются, – но в тот момент, когда вы захотите пойти дальше и использовать их каким-либо образом, вы столкнетесь с рядом серьезных вопросов. Самый главный из них – вопрос фокуса. Что нас интересует – подлинная, реальная, происходившая в действительности жизнь викингов, которой посвящены саги, или то, как этот древний опыт был переосмыслен и апроприирован в Средние века, в тех условиях и в социальном контексте того времени, когда создавались саги? Это совершенно разные вопросы.

Прежде всего, стоит поинтересоваться, каковы шансы разглядеть настоящую жизнь эпохи викингов сквозь патину средневекового текста и есть ли она там вообще. Стоит задуматься, что будет, если ответ на этот вопрос окажется однозначно отрицательным. Даже самые скептически настроенные исследователи литературы, отказывающиеся считать древнескандинавские тексты сколько-нибудь достоверными источниками сведений о реальной эпохе викингов, не всегда могут ответить на вопрос, который прямо вытекает из этого мнения: почему в таком случае средневековые исландцы на протяжении нескольких столетий создавали столь подробное, всеобъемлющее и внутренне упорядоченное собрание историко-фантастических произведений? Некоторые ученые усматривали в сагах христианские аллегории (например, единичский воин-поэт Эгиль Скаллагримссон как олицетворение святого Павла) – но зачем было пускаться на такие ухищрения, когда скандинавы вполне могли прямо ассимилировать библейские истории? А если они хотели ретроспективно связать христианские добродетели с образами предков, чтобы иметь возможность по-прежнему ими восхищаться, не ожидая от них слишком многого, то как это объясняет существование литературного жанра, по сути пропагандирующего языческий взгляд на жизнь, идущий вразрез с господствующими нормами средневековой морали? Далеко за пределами туманного золотого века Илиады или написанной по заказу мифической предыстории «Энеиды» существовали целые циклы повестей, живописующие обреченное благородство людей, от которых в ужасе отшатнулась бы тогдашняя церковь.

Эта книга отвергает упомянутую выше точку зрения на древнескандинавские тексты и предпринимает попытку, сохраняя трезвость взгляда и способность к критической оценке, пойти по другому пути, который, как мы надеемся, приведет нас в мир викингов. Мы не будем надолго задерживаться в его позднесредневековой тени. Однако это вовсе не значит, что в этом случае мы не столкнемся ни с какими препятствиями при чтении источников. Вообще говоря, любые средневековые произведения *почти никогда* нельзя читать как заслуживающие абсолютного доверия и надежные репортажи о событиях, которые они якобы описывают. У этих сочинений всегда есть политическая подоплека, хотя степень достоверности у разных текстов неодинакова и всегда может быть оспорена. Саги и другие текстовые произведения древнескандинавского ума по-настоящему изумительны, но их следует интерпретировать с огромной осторожностью: мы всегда должны осознавать, какие пробелы (иногда больше похожие на пропасти) в знаниях могут стоять за ними.

Источники дают нам исходные данные, но, прежде чем двинуться дальше, необходимо сделать несколько оговорок, касающихся социального контекста, интеллектуальной ответственности и этики. Индивидуальный опыт жизни в настоящем времени всегда субъективен – то же самое верно в отношении истории, которую мы изучаем. Викинги вполне могут служить здесь показательным образцом.

За прошедшие столетия многие без колебаний использовали викингов в собственных, порой не слишком благородных целях, а кто-то продолжает делать это и сейчас. И этот неослабевающий интерес показывает, что их древняя жизнь по-прежнему находит отклик в нашей современной жизни. Я твердо уверен, что любое осознанное взаимодействие с викингами в XXI веке должно учитывать те зачастую глубоко проблематичные аспекты, которые связаны

с памятью о них в настоящем. Ученым, изучающим викингов, хорошо знакомо чувство, возникающее при появлении в публичных или частных обсуждениях очередной противоречащей фактам ерунды, и поэтому нам важно с самого начала недвусмысленно обозначить здесь свою позицию.

Мир викингов, которому посвящена эта книга, был в высшей степени мультикультурным и полиэтническим, со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде мобильности населения, разнопланового взаимодействия (во всех смыслах этого слова, включая самый интимный) и необходимой в таких условиях степени толерантности. Корни этих явлений тянутся далеко в доисторическую эпоху Севера. Такого явления, как «чистая нордическая» раса, никогда не существовало, и люди того времени, вероятно, были бы немало озадачены этим понятием. Мы называем словом «викинги», в полной мере осознавая всю его неоднозначность, людей, составлявших большинство населения Скандинавии. Однако рядом с ними на этих землях жили и другие люди, в частности полукочевой народ саамов. История поселений и тех и других уходит глубоко в прошлое, вплоть до каменного века, что делает абсурдными любые современные попытки рассуждать о том, кто пришел сюда первым. Скандинавия принимала иммигрантов за тысячи лет до эпохи викингов, и нет никаких сомнений в том, что прогулка по рыночным центрам и торговым площадям того времени порождала самые яркие космополитические впечатления.

Викингов нельзя свести к единому шаблону, но если мы все же захотим выразить их влияние и способы взаимодействия с окружающим миром через абстрактные понятия, стоит вспомнить, например, их любознательность, изобретательность, многоплановую картину мира и, да, открытость новым впечатлениям и идеям. Серьезно относиться к викингам и их времени – значит принять все это и ни в коем случае не упрощать их с помощью стереотипов. Каждый из них был такой же уникальной личностью, как *любой* из читателей этой книги. В то же время нельзя закрывать глаза и на менее приемлемые, с нашей точки зрения, качества, в частности их агрессию, ставшую одной из причин стремительного выхода викингов в большой мир. Это был вполне реальный аспект жизни раннесредневековых скандинавских культур, и он проявлялся не только в стереотипном образе «грабителей-викингов». Викинги были воинственными людьми и жили в бурные времена, и ритуально закрепленное насилие составляло один из краеугольных камней их идеологии. Оно могло принимать крайние формы и проявляться в таких ужасах, как ритуальные изнасилования, массовая резня и обращение в рабство, и даже человеческие жертвоприношения. Мы не должны мерить викингов по мерке нашего времени, но всякому, кто видит их в героическом свете, следует подумать дважды.

В основе современного отношения к викингам должна лежать сознательность и ясность. Говорить о том, что эти северные народы действительно изменили ход истории, не значит одобрять или осуждать их, – это значит просто признать древнюю реальность и ее наследие, ощущаемое и сегодня.

Традиционные исследования о викингах обычно организованы по региональному принципу, и арена деятельности викингов в них разделена на западную и восточную, хотя на самом деле этот подход – научное наследие холодной войны и разделявшего когда-то Европу непроницаемого барьера. В таких работах читателя обычно последовательно проводят по Британским островам, континентальной Европе и Северной Атлантике от первых набегов до битвы при Стэмфорд-Бридже в 1066 году, после чего отправляют в отдельный хронологический тур по востоку за тот же период. Попутно встречаются аккуратные отступления к другим темам – например, религии, о которой у нас пойдет речь в главе 4.

В этой книге мы попытаемся изменить угол зрения и не только взглянуть на мир глазами викингов, но и не забывать о том, что все эти смелые путешествия по необъятной карте культур совершали *одни и те же люди* – для них не существовало железного занавеса. Мы будем рас-

смаатривать их жизни как неразрывное целое, сплавливающее религию, политику, гендер, поиск средств к существованию и все прочие аспекты бытия в общую картину реальности – то есть увидим, каким окружающий мир представлялся им самим. То, что для кого-то служит лишь историческими декорациями, на фоне которых разворачивались все завоевания и достижения викингов в большом мире, здесь составляет саму суть повествования.

Текст состоит из трех основных частей, следующих примерно по хронологии событий, внутри которых представлены совпадающие по времени срезы событий, явлений и процессов.

Новый дом, в котором проснулись Ясень и Вяз, назывался *Midgarðr*, или Мидгард, буквально «Срединное место» (кстати, вдохновившее толкиеновское Средиземье). Это и наш мир тоже, хотя викинги видели его несколько иначе. Его географические пределы, судя по всему, определялись исключительно через путешествия и собственный эмпирический опыт. В первой части мы исследуем это пространство, для начала познакомившись с тем, как викинги ощущали самих себя и окружающий мир, и обозначив его контуры на земле и в их представлениях. Мы познакомимся со свойственным им уникальным пониманием личности, гендера и места человека в многоплановой структуре мироздания. Здесь же нам предстоит встретиться с иными существами, обитавшими рядом с викингами в этих пространствах.

Мы понаблюдаем за Скандинавией от угасания Западной Римской империи и ее взаимодействия с соседними германскими племенами до бурных десятилетий V и VI веков и возникновения нового политического порядка на развалинах старого. Здесь будет описано общественное устройство раннего Севера: материальная культура повседневности, общая картина оседлой жизни и всеобъемлющие структуры политики, власти, обрядов, верований, законов и военных конфликтов. Мы исследуем границы между живыми и умершими, а также отношения людей с невидимыми народами, обитающими вокруг них. Хронологически мы дойдем здесь до IX века, который принято считать серединой эпохи викингов.

Во второй части мы вернемся к началу VIII века, но пойдем другим путем в поисках главных общественных и политических явлений и демографических факторов, постепенное объединение которых и вызвало к жизни феномен викингов. Это было время разбойных набегов и их постепенной эскалации от единичных нападений до полномасштабных вторжений на фоне постоянно продолжающегося расширения торговых сетей. Здесь в центре внимания окажется скандинавская культура мореплавания, возвышение морских конунгов и развитие уникально мобильных пиратских государств. Мы рассмотрим старт диаспоры во всех направлениях: вдоль серебряных восточных рек до Византии и Арабского халифата, где викинги обрели новую идентичность как воины-торговцы, которых называли русами; на запад к Британским островам; на юг в империи континентальной Европы и Средиземноморья и через освоение Северной Атлантики. В этом разделе события доведены до начала X века и изложены в виде ряда параллельных повествований.

Третья часть доводит историю до середины XI века, когда феномен викингов распространился по всему северному миру. Среди последствий этого – городская революция в скандинавской экономике и реорганизация сельской местности, сопровождаемая укреплением королевской власти и ростом влияния новой веры. За рубежом конкурирующие центры власти и королевства викингов были созданы во Франкии, Англии, Ирландии и на шотландских островах. Расцвет Исландской республики ознаменовался путешествиями на запад в Гренландию и высадкой европейцев на берегах Северной Америки. На востоке продолжало неуклонно расширяться государство Русь. Примерно к 1050 году границы современных Норвегии, Дании, а затем и Швеции были четко определены, и скандинавские народы заняли свое место на сцене христианской Европы.

Нельзя сказать, что эпоха викингов «закончилась» какими-то конкретными событиями, произошедшими в определенное время или в определенном месте, равно как нельзя сказать, что она «началась» с чего-то подобного. Нет, она просто превратилась в нечто иное, пережила

очередной сдвиг перспективы по мере того, как скандинавские народы двигались каждый в свое будущее. Эта книга начинается с дерева, прибитого волнами к берегу, и пары первых людей, ступивших на песок и давших начало всем нам. В конце ее нас ждет последняя битва и гибель мироздания, скандинавский апокалипсис – Рагнарёк. Волки проглотят солнце и луну, раскаленные добела звезды канут в море, и мир окутается паром, силы ночи хлынут сквозь разлом в небесах, и боги в последний раз выйдут на битву.

Но до этого нам предстоит долгий, многократно сворачивающий в разные стороны путь. Он начинается у ствола дерева.

Сотворение Мидгарда

1

Жилища свои, обличья свои

На первый взгляд мир викингов выглядел почти так же, как у всех вокруг: люди, примерно похожие на нас с вами, только в другой одежде, занимались своими делами и путешествовали по землям и поселениям, которые, несмотря на свой деревенский вид, остаются вполне узнаваемыми даже много веков спустя. Но все это, лежащее на поверхности, служило не более чем ширмой, за которой скрывалось нечто совершенно иное, очень древнее и очень странное.

Если мы хотим понять викингов, нам стоит с самого начала попытаться проникнуть глубже, минуя обманчивую внешность, заглянуть в их разум и даже внутрь их тел. То, что мы там обнаружим, и выводы, которые из этого сделаем, дадут первый ключ, позволяющий по-настоящему взглянуть на мир их глазами.

В своем мире викинги были далеко не одни – они жили бок о бок с множеством Иных, и это были не только люди, но и существа совершенно другой природы. Первое место среди них занимали, конечно, боги, и множественное число уже отделяло их от монотеистических культур расположенного южнее обширного континента. Кроме того, викинги были хорошо знакомы с приспешниками этих богов (иногда в высшей степени ужасающими) и великим множеством других существ, духов и созданий, доживших до наших дней под безопасной вывеской фольклора, но в те времена вполне реальных. Вопрос их реальности важен, поскольку викинги не столько *верили в них* (не больше, чем сегодняшний человек верит, например, в море), сколько *знали о них*: это была такая же естественная часть мира, как деревья и скалы. То, что этих существ нельзя было увидеть, не имело никакого значения.

Владения этого скрытого от глаз народа, живущего рядом с викингами, располагались во множестве миров, и в этом заключается следующее отличие: скандинавы занимали место в центре многоплановой структуры бытия, совершенно непохожей на привычную бинарную оппозицию добра и зла в загробном воздаянии, присутствующую во многих религиях. В сознании викингов для обитателей каждого из этих миров все остальные миры были потусторонними, но при этом все они были упорядочены и связаны между собой, так что, зная верную дорогу, можно было попасть в любой из них.

На самом фундаментальном уровне внутри каждого человека эпохи викингов находилась не просто некая абстрактная «душа» (если это понятие отвечает вашим духовным представлениям), а несколько отдельных и даже независимых существ. Каждое из них было составной частью целого индивидуума.

Поэтому судить викингов по первому впечатлению будет большой ошибкой, хотя эту ошибку допускали многие их современники. Очевидно, только некоторые, особенно из числа христиан, осознавали, кем и чем на самом деле были викинги, а поняв это, обычно испуганно отшатывались. Но сегодня в этом нет нужды. Глядя на викингов прямо и непредвзято, мы можем войти в их мир.

Мы не располагаем полным и подробным описанием географического устройства скандинавского мироздания, и в песнях и преданиях на эту тему ничего вразумительного нет. Возможно, дело в том, что эти истории проделали долгий и трудный многовековой путь, прежде чем дошли до нас, а может быть, уже в те времена в этом вопросе не было никакой ясности,

и даже тогда это никого особенно не волновало. Не следует искать здесь потайной смысл – возьмем для сравнения всего один религиозный пример: сколько самых набожных христиан сегодня могут нарисовать точную карту загробной жизни? Также важно понимать, что древние скандинавы никогда не слышали о так называемых «скандинавских мифах». Сборники, продающиеся под этим удобным названием в наших книжных магазинах, представляют собой гораздо более поздний синтез, текстовые окаменелости, собранные людьми, не вполне доброжелательно относившимися к их содержанию. Они разительно отличаются от живых и органичных устных преданий, которые могли меняться со временем и, может быть, даже звучали по-разному в долинах, равнинах, горах и на берегах рек по всей Скандинавии.

Названия, природа и происхождение миров описаны в ряде мифологических текстов, собранных в Старшей Эдде, а также в пространных прозаических отрывках Младшей Эдды Снорри. Изложенные им сведения трудно оценить именно в силу их обилия и подробности. Зачем этот пронизательный христианский политик, превосходно осознающий свое место в мире, с таким усердием описывал хитросплетения мертвой религии, активно порицаемой его церковью? Возможно, ответ заключается в том, что он почти всегда цитирует скальдические стихотворения с единственной целью: ради восхваления королей и увековечения их деяний. Если бы смысл мифологических аллюзий и метафор оказался утрачен, вместе с ним исчезла бы возможность правильно истолковать и запечатлеть в веках истории о королевских подвигах. Возможно, поэтому Снорри написал свою Эдду – чтобы активизировать этот ресурс и использовать его в политических целях. К счастью для ученых, изучающих викингов, верность Снорри скандинавской монархии подарила нам сокровищницу знаний об иных мирах. Картина вырисовывается фрагментарно, косвенно, из ответов на вопросы или неохотно раскрываемых знаний, – но в целом ее достаточно.

В центре мироздания росло дерево – Мировое Древо, раскинувшееся во всех мирах и соединяющее их все. Это был огромный ясень под названием Иггдрасиль, Скакун Ужасного. «Ужасный» также было одним из множества имен Одина, что намекало на иные свойства дерева: оно не только соединяло миры, но и служило дорогой между мирами для тех, кто умел ездить на этом скакуне. То, что первый человек был создан из того же материала, возможно, не простое совпадение, а намек на некое свойственное человеческому роду тонкое качество, пронизывающее собой всю вселенную.

* * *

Вначале не было ничего, кроме бесплодной бездны Гиннунгагап, бесконечной зияющей пустоты. Впрочем, она все же была не совсем пустой. Глубоко внутри ее лежал скрытый потенциал, сила и присутствие внутри отсутствия, ожидающие пробуждения. На севере (направление здесь имеет большое значение) находилось ледяное пространство Нифльхейм, темный мир. На юге лежал пылающий Муспельхейм. Полные яда реки Эливагар проистекали из Нифльхейма и замерзали в Гиннунгагап. Когда искры, долетавшие от огней Муспельхейма, упали на этот лед, он начал таять и изменяться – медленно падающие капли приобрели формы и очертания. Так возникло первое существо во всем мироздании, инеистый великан Имир. Вскоре к нему присоединилось еще одно, совершенно непохожее на него существо – огромная безрогая корова Аудумла, бродившая в пустоте. Ее молоко служило пищей великану.

* * *

Подобно первым людям, вышедшим на свет из дерева, появились и сами боги. Аудумла, как всякая рогатая скотина, любила слизывать соленый иней с поверхности ледяных глыб, усевивающих Гиннунгагап, и под ее языком пробудился к жизни первый из богов. На первый день

изо льда показались его волосы, на второй освободилась голова, на третий день он весь вышел из ледяной глыбы. Его звали Бури, и он был прародителем божественной семьи асов. Вскоре в этом безлюдном месте появились новые существа. Из пота в подмышках Имира каким-то образом произошло еще несколько великанов. Одна из его ног совокупилась с другой и произвела на свет дитя. Среди этого потомства были Болторн и его дочь Бестла, предки великанов.

Трудно представить, как люди эпохи викингов воспринимали эти истории со всеми их странностями, противоречиями и очевидной абсурдностью. Они кивали с важным видом, внимая древним тайнам, доступным лишь избранным? Они смеялись? Чем были эти истории – мудростью незапамятных времен или небылицами для самых маленьких? Несомненно одно: в том или ином виде эти истории сохранялись на протяжении веков и дошли до нас, потому что кто-то (в сущности, очень многие люди в течение этого долгого времени) считал их действительно важными.

* * *

У Бури таким же загадочным образом родился сын Бор. От его союза с великаншей Бестлой произошли первые асы – их сыновья Один, Вили и Ве. Именно они начали придавать форму мирозданию, и с этой целью они совершили тщательно спланированное убийство.

Три молодых бога подстерегают Имира. Они нападают на него из засады, убивают и в буквальном смысле разрывают на части. Хлынувшая из тела Имира кровь затапливает все вокруг, поднимается выше и выше, и в ней тонут все великаны, кроме двух – Бергельмира и его жены, которым удается спастись на плоту. Бергельмир и его потомки, инеистые великаны, создадут собственный мир. Они вернутся, и они будут помнить, что сделали Один и его братья.

Когда кровь начинает отступать, боги перетаскивают труп Имира в центр Гиннунгагап. Из кусков плоти великана они создают землю. Его волосы становятся деревьями, а кровь водой – все реки и озера наполняются красным. Его кости превращаются в скалы и горы, зубы – в валуны и булыжники. Над всем этим купол неба, сделанный из свода черепа Имира. Чтобы поддерживать эту тяжесть, боги ставят по краям земли четырех карликов, чьи имена – Аустри, Вестри, Нордри и Судри – обозначают четыре стороны света. Затем боги бросают в небо сгустки мозга великана, и те становятся облаками.

Вокруг всего этого боги сооружают высокую изгородь из бровей и ресниц Имира – оборонительный рубеж мира, грандиозную дамбу, вокруг которой со всех сторон плещется океан крови. Они называют этот частокол Мидгард – позднее это имя будет носить вся земля, обиталище Ясеня и Вяза.

* * *

Эта последняя составляющая Мидгарда – его граница – иллюстрирует одно из центральных понятий в сознании викингов, концепцию, неизменно присутствующую в их представлениях о мире. Суффикс – *garðr* буквально означает замкнутое пространство, место с четко обозначенной границей. В скандинавских языках даже сегодня слово *gård* означает просто «ферма», и в этом заключается его основной смысл – это место оседлости, место (и даже целый мир), у которого есть *границы*; в том же значении огораживания это корень современного английского слова *yard* (двор). Эта идея – пребывание внутри замкнутого пространства под защитой стен, в противовес пространству, находящемуся снаружи, и, следовательно, неподвластного человеку, лежит в основе представлений о порядке и человеческом жилье в эпоху викингов. Она раскрывает их образ мыслей.

До сих пор в Мидгарде было темно, но боги принесли огни, выхваченные из раскаленных углей Муспелльхейма, и расставили их по небосклону. Сначала небесные тела были перепутаны – в «Прорицании вёльвы» говорится:

Солнце не ведало,
где его дом,
звезды не ведали,
где им сиять,
месяц не ведал
мощи своей³.

Но боги навели на небе порядок. Череп Имира осветился: по его своду прокатилась дневная колесница Соль, везущей солнце; ее брат Мани следовал за ней на колеснице ночи, завершая цикл (отметим мимоходом еще одну любопытную особенность древнескандинавского мировосприятия: они считали солнце женщиной, а луну мужчиной, хотя обычно бывает наоборот). Чтобы солнце и луна не задерживались на небе, их обоих преследуют волки. Эта гонка продолжается до сих пор и не закончится до самого Рагнарёка, последней битвы и гибели всего сущего.

* * *

И вот тогда Один и его братья отправились бродить по берегу, где их ждало прибитое волнами дерево. Где их ожидали и мы с вами.

* * *

Пока Мидгард и живущие в нем люди обретали форму (сколько времени это заняло, опять же, неясно), вокруг другие миры начинали свое существование, посредине же пребывал огромный ясень. Здесь у нас есть, по крайней мере, относительные ориентиры. Наверху был *Asgarðr*, или Асгард, еще одно огороженное пространство, буквально «Место асов» – другими словами, обиталище богов. Это была обширная живописная местность с полями и лесами, горами и озерами – по сути, божественное отражение человеческого мира внизу, где все было больше и великолепнее, под стать обитателям.

Между царством богов и домом людей пролежала дорога, или, скорее, мост – радуга, аркой соединяющая оба мира. Ее называли Биврест, Мерцающая тропа, и, если верить стихам, она пылала огнем. Кроме того, ее звали Мост асов и Путь силы. Также она служила линией обороны против великанов. Под нею бушевали две могучих реки, Кормт и Ормт, никогда не возвращавшиеся в берега.

Текущая вода также отделяла Мидгард от лежавшего на востоке царства великанов Ётунхейма (иногда встречается множественное число – «миры великанов»). Где-то на этой границе располагался Ярнвидр, Железный лес, в котором гигантские женщины-тролли породили тех волков, что в конце концов поглотят небесные тела.

Еще дальше на восток находился *Utgardr*, Утгард, «пространство вовне», дикая местность, расположенная, как буквально следует из названия, за границами мира людей, богов и великанов. В текстах мало подробностей, но, похоже, Утгард представлял собой неровное, темное пространство, где обитали существа, не заслуживающие никакого доверия, – тролли,

³ Пер. А. И. Корсуна.

чудовища и злые силы. Вы вряд ли захотели бы туда попасть. В текстах Ётунхейм и Утгард неуклонно отодвигаются все дальше на север по мере того, как средневековые источники все дальше отодвигаются во времени от эпохи викингов, – возможно, это отчасти отражает христианские представления о местоположении ада.

У древних скандинавов тоже было отдельное царство мертвых, хотя ничто не указывало на то, что это было дурное место или место наказания. Этот мир назывался Хель – неожиданно созвучно с названием христианского ада. Как они были связаны, и была ли вообще между ними какая-либо связь, неизвестно, но в описании Хель в поздних источниках ясно виден христианский подтекст. По утверждению некоторых филологов, в древнескандинавском языке оригинальное название связано с чем-то подземным – по сути, это метафора могилы, что в принципе вполне логично. По свидетельству Снорри, путь в Хель вел на север и вниз. Определенно, это было подземное царство: оно уходило на девять лиг в землю и состояло из девяти гибельных кругов, самым нижним из которых был Нифльхейм, Темный Хель. Его окружала огромная изгородь Нагринд, Ворота мертвецов, которую сторожил ужасный пес. Чтобы попасть туда, нужно было перейти бурную реку, полную мечей и кинжалов, и преодолеть сталкивающиеся ледяные глыбы по тонкому как соломинка золотому мосту Гьяллабру, который охраняла великанша.

Все эти миры соединял великий ясень Иггдрасиль. Было сделано множество попыток визуализировать соотношение скандинавских миров в пространстве, все они были одинаково надуманными, а некоторые и вовсе самозабвенно уходили в фантазии в стиле нью-эйдж. Возможно, эти миры представляли собой концентрические диски, один внутри другого, расходящиеся от Мирового Древа наружу, словно круги на воде от брошенного камня? Или они располагались друг над другом по вертикали, нанизанные на ствол Иггдрасиля, как на веретено? Может быть, они росли по отдельности на его ветвях? В поэме «Речи Гримнира» говорится, что у дерева было три корня, каждый из которых уходил в один из миров: людей, великанов и мертвых. У Снорри немного иначе – корни простираются над богами, великанами и Нифльхеймом.

Иггдрасиль, в отличие от своих земных собратьев, был вечнозеленым деревом и питался из трех ручьев, бивших у его корней. Опять же, здесь текстовые источники расходятся, но как минимум два этих потока поднимались из колодцев. Под корнем, ведущим в царство ледяных великанов, находился Колодец Мимира, названный по имени существа, которое его охраняло. В воде колодца заключена вся мудрость мира, и Мимир пьет ее из рога Гьяллархорн. Корень богов поднимался в небо (физика древнескандинавского космоса противоречива, но, во всяком случае, так написано у Снорри), а под ним находился Колодец Урд, источник судьбы, рядом с которым было место собрания асов. Третий корень уходил в темный мир и питался из источника по имени Хвергельмир, Кипящий котел, в котором берут начало реки всех миров.

Очевидно, древнескандинавская космология в чем-то повторяла реальную природу – радужный мост Биврест рано или поздно мог увидеть каждый, а вулканические пейзажи Исландии, где появилось большинство письменных источников, невольно наводили на мысли о взрывоопасном союзе огня и льда, из которого возникли все миры. Мировое Древо тоже могло иметь свое воплощение в повседневной реальности. Относительно мало известно о том, как викинги воспринимали ночное небо, звезды и созвездия, – у нас почти нет сведений об этом, кроме нескольких неясных упоминаний у Снорри (некоторые отвергают их, в то время как другие воспринимают всерьез). Однако один исландский ученый убежден, что Иггдрасиль можно рассматривать как аллереорию Млечного Пути – мысль, безусловно, вполне убедительная, особенно если вам удастся сбежать ночью из страдающих от светового загрязнения городов и увидеть, как он простирается над головой, величественный и невероятно огромный, раскидывая в небе свои туманные рукава, словно ветви дерева.

Итак, мы можем смутно разглядеть на расстоянии веков очертания древнескандинавских миров, соединенных в бездне Мировым Древом. Но кто их населял?

Викинги немало пострадали от стереотипов, но их богам и сверхъестественным существам в этом отношении пришлось едва ли не хуже. В массовом воображении божественный мир Асгарда содержит в себе один-единственный дворец – Валгаллу (на самом деле ошибочное викторианское написание слова *Valhöll*), дом Одина, известный сегодня во всем мире как «рай викингов», место, куда отправляются достойные умершие, и синоним древнескандинавской загробной жизни вообще. Однако мифы прямо говорят, что Вальхолл был лишь одним из многих подобных мест, поскольку каждый из могущественных богов имел собственное поместье. Вероятно, оно состояло из главного зала и окружающих его хижин, сараев, конюшен и прочих построек для хозяйственных нужд и домашнего скота – божественное отражение поместий знати в Мидгарде. Асгард был довольно обширным и самостоятельным миром.

Далеко не все древнескандинавские божества появились, подобно древнейшим из них, из первобытных льдов. Боги происходили из двух семей – асов во главе с Одином и ванов, которые по непонятным причинам считались старше асов, несмотря на то что в основном мифе творения о них нет ни слова. Ваны были божествами земли и ее богатств, и символизировали тесную связь людей и земли в сельскохозяйственном обществе. Асы отличались от них более патриархальной структурой семьи и большей склонностью к насилию (что, впрочем, не означает, что ваны были совершенно миролюбивыми). В «Прорицании вёльвы» говорится, что эти два рода сначала сошлись в жестоком противостоянии, и их битвы сотрясали Асгард, но потом смогли заключить мир после сложных переговоров и обмена заложниками.

Не вполне ясно, что на самом деле символизируют эти две божественных семьи, и даже неясно, имеет ли вообще смысл этот вопрос. Можно ли считать ванов пережитками предположительно существовавших много веков назад земледельческих культов бронзового века и раннего железного века? Можно ли считать войну богов символическим изображением волнений в реальном человеческом обществе и, говоря условным языком историков, метафорой совершившегося в V веке перехода к позднему железному веку? Некоторые ученые действительно так полагают, но совершенно неясно, что на этот счет думали далекие доисторические скандинавы. Несмотря на накопленные за последние два столетия и подвергнутые тщательному анализу замечательные археологические данные, мы не можем сделать однозначные выводы. Важную роль в древних верованиях играло Солнце и круговорот небесных тел, а также пороговые пространства, такие как болота и заболоченные места, в глубинах которых, очевидно, обитали хтонические силы. Все это нашло отражение в материальной культуре, произведениях искусства и обрядах: воде совершали подношения в виде золота, драгоценных металлов, пищи, животных – и даже людей. Судя по всему, люди всерьез старались умиловить эти силы, получить своего рода сверхъестественный страховой полис, гарантирующий плодородие, процветание, благополучие и, вероятно, успех в сражениях. Люди железного века были далеко не одиноки в подобных стремлениях, но ваны очень хорошо вписываются в эту картину.

В преданиях говорится, что после окончания войны и заключения мира ваны присоединились к асам и стали жить с ними вместе в Асгарде – возможно, это метафора обновленного общества? Упоминаются особые свойства и атрибуты старших и младших богов, однако они выглядят не как общие признаки различия божественных семей, а как индивидуальные качества и навыки.

Глава ванов – Ньёрд, кладезь премудрости, дарующий обильные урожаи, богатый улов и попутный ветер в парусах. Как покровитель земледельцев и моряков, он вполне мог быть верховным богом в бронзовом веке и раннем железном веке. Его дворец – Ноатун, Корабельный двор. С самого начала в его основательной фигуре прослеживается одно из главных качеств ванов, какими они предстают в источниках, – обескураживающий и не вызывающий одобрения

налет сексуальной девиации. У него есть дети, близнецы Фрейя и Фрейр. Их мать приходилась Ньёрду родной сестрой, и они тоже, если верить слухам, были любовниками. Безусловно, откровенная чувственность была характерной чертой ванов, но представление о том, что это дурно, вполне может быть следствием позднейшего христианского вмешательства в источники. В частности, Фрейя представляла собой именно тот тип сексуально независимой женщины, от которой церковь приходила в ужас.

Фрейр предстает в текстах как повелитель дождя и солнца, бог зерна, едущий верхом на золотом кабане, владелец удивительного корабля, который можно спрятать в карман. По какой-то причине он часто ассоциируется с великанами – то сражается с ними, то ищет любви. Пытаясь соблазнить великаншу Герд, он отправляет к ней своего друга, который осыпает девушку грубыми и оскорбительными угрозами, чтобы заставить ее согласиться на предложение. Фрейр в высшей степени сексуальное существо – источник XI века сообщает, что его идол в храме выглядит как мужчина с гигантской эрекцией. Его чертоги находятся в Альфхейме, Доме эльфов.

Его сестру Фрейю обычно представляют как богиню плодородия и иногда даже любви – чем-то вроде Венеры викингов. Эти шаблонные характеристики имеют мало общего с тем, какой она предстает в преданиях. Фрейя, прежде всего, воплощение женщин и всех аспектов их жизни, их потенциала и способности к действию, в том числе к деторождению. Прежде всего, она – существо, обладающее силой, одна из великих богов. Она живет по собственным правилам и неизменно отрицает попытки богов, гномов, великанов и других существ объективировать или принуждать ее. Она ездит в повозке, запряженной кошками. Сексуальность Фрейи лежит в основе ее существа, она наслаждается ею и охотно пускает ее в ход, иногда с искренней нежностью, а иногда как орудие манипуляции и насилия. Несмотря на то что она замужем, ее муж Од практически отсутствует в мифологии. Но известно, что у Фрейи множество любовников (по словам Локи, она спала с каждым эльфом в Асгарде, а также со всеми асами). Она выкупила ожерелье Брисингамен, по очереди разделив ложе с четырьмя ковавшими его гномами, и не раз становилась предметом воздыханий великанов. Она соблазняла королей, склоняя их к роковым ошибкам, одаривала своей благосклонностью соперников, доводя их до того, что они убивали друг друга, эксплуатировала чужую похоть ради своей выгоды. Некоторые боги, в особенности Локи, пытались пристыдить ее, обвиняя в распущенности, но Фрейя не обращает на это внимания. Ясно, что ее тело принадлежит только ей, и она сама выбирает, кому подарить свое расположение (вероятно, это и раздражало богов), а также что ее мало заботит чужое мнение. Кроме того, она считается богиней битвы и павших. Вопреки распространенным представлениям, не все погибшие воины-викинги отправляются к Одину в Вальхолл (Валгаллу) – ровно половину из них забирает Фрейя, и они попадают в ее чертог Сесрумнир («вмещающий много сидений»).

Рис. 3. Сила на троне? Крошечный литой серебряный трон с сидящей на нем фигуркой был обнаружен металлоискателем в 2009 году близ королевской резиденции Лейре в Дании. Датируется приблизительно X веком. Детали – вороны, волки и то, что фигурка имеет только один глаз (факт подтвержден микроскопическим анализом), – позволяют предположить, что это может быть Один на своем троне Хлидскьяльфе. Однако фигурка облачена в традиционную женскую одежду, что только усугубляет ее интригующую двусмысленность. Музей кораблей викингов в Роскилле. Фотография: Оле Маннинг (Ole Manning) (© Roskilde Museum)

Аналогичные проблемы отношения преследуют (как в древности, так и в современности) других богинь. Им так часто приписывали функции покровительниц урожая и плодородия, что это почти дошло до автоматизма. Поэтому Идунн, хранительница золотых яблок, дарующих богам вечную молодость, воспринимается как пассивная богиня изобилия, а не как та, что буквально держит в своих руках жизни бессмертных. Она была не единственной богиней, способной влиять на судьбы и предначертания. Фригг, чьим мужем был Один, управляла Асгардом и руководила его обороной. Остальные склонялись перед ее властью – ее собственной властью, а не полномочиями, переданными ей богом-мужчиной. Да, богини были прекрасны, как и полагается стереотипу, но их красота наравне с вожделием внушала ужас.

Среди асов ведущей фигурой явно был Один, хотя в письменных источниках нигде прямо не сказано, действительно ли он был повелителем остальных. У него больше двухсот имен: Маска, Третий, Ястреб, Древо Победы, Владыка Призраков, Потрошитель, Издающий Боевой Клич и многие другие. Один – бог войны и убийца, потрясающий своим копьём Гунгнир. Он защитник королей и изгоев, но также непревзойденный лжец. Он может наделить вас прекрасным даром поэзии или предать и заманить в ловушку. Он вполне может переспать с вашей женой или, что не менее вероятно, с вашим мужем – существо, полное противоречий и соблазнов, доверять которому было бы не самым мудрым решением. Однако мудрость – его страсть и

самая желанная добыча (он отдал за нее свой глаз), и, чтобы обрести *истинное знание*, он готов почти на все. Он беседует с мертвыми – ему известно заклинание, заставляющее тело на виселице заговорить. Один искусно раскрывает границы между мирами, чтобы проникнуть сквозь них на своем восьминогом жеребце Слейпнире, Скользящем, у которого на зубах выгравированы руны. Он величайший знаток колдовства, а его мысли в виде воронов рыщут по всем мирам в поисках новостей. У Одина несколько резиденций, как и положено королю: Вальскальв, Гладсхейм и, конечно же, Вальхолл, чертоги павших.

Предводители асов по большей части приходились друг другу родственниками, хотя их семейные связи были крайне запутанными. Тор был сыном великанши от Одина, рожденным в одной из многочисленных внебрачных связей, и сильнейшим из богов. Он повелевал ветрами и погодой, призывал грозы и бури. Широкий пояс удваивал его и без того впечатляющую мощь, а железные перчатки давали силу, чтобы поднимать знаменитый молот Мьельнир. Амулеты в форме молота находят во всех местах расселения викингов – очевидно, его культ пользовался большой популярностью. Тор был бичом великанов: существует стихотворение, целиком состоящее из перечисления его многочисленных жертв. Битвы Тора с великанами составляют один из основных сюжетов мифов. Его дворец Билскирнир Снорри называет самым большим зданием из всех когда-либо построенных, – в нем 540 комнат. Вместе с Тором в этих чертогах живет его жена Сиф, чьи светлые волосы были предметом зависти для всех, кто их видел, а поэтам служили метафорой золота.

Чертоги светлого бога Бальдра, сына Одина и Фригг, назывались Брейдаблик. Всё на свете любило Бальдра, а потому ничто не могло причинить ему вред. Но подстроенная Локи неожиданная смерть Бальдра от руки его ничего не подозревающего слепого брата Хеда (еще одного сына Одина) запустила цепь событий, которые со временем приведут к гибели всех миров. Хед, в свою очередь, будет убит Вали, еще одним сыном бога войны от богини Риндр – очередной виток в спирали семейных убийств.

Рис. 4. Молот богов. Мельнир, священное оружие Тора, стал символом его культа достаточно поздно, возможно, как ответ на христианский символ креста. Подвески и кольца-амулеты в виде молота Тора – одни из самых распространенных атрибутов традиционной религии. Данный образец из населенного пункта Кобелев на острове Лолланн в Дании снабжен поясняющей рунической надписью: «Это молот». Национальный музей Дании. Фотография: Джон Ли (John Lee) (© *National Museum of Denmark*)

Затем есть Улль, лучник, следопыт, охотник, лыжник и сын Сиф (но кажется, рожденный не от Тора). Улль почти не упоминается в мифах, однако встречается в сакральных топонимах по всей Скандинавии, особенно в Швеции. По-видимому, его культ когда-то был широко распространен. Снорри говорит: «Ему хорошо молиться при поединке один на один». Чертоги Улля были в Идалире, и он плавал на щите, как на корабле.

Хеймдалль, дующий в рог, живет в Химиньборге. Его владения лежат у конца Бивреста. Он охраняет радужный мост в ожидании того неизбежного момента, когда великаны придут воевать с жителями Асгарда. О его происхождении почти ничего не известно, но он, очевидно, был уже очень стар, когда несколько противоречивые сведения о нем были наконец зафиксированы в письменной форме. Хеймдалль – сын девяти матерей, у него золотые зубы, он может видеть вдаль на сотню километров и чувствует запах растущей травы. Он проводит вечность в дозоре у стен Асгарда, пока петух Гуллинкамби («золотой гребешок») не возвестит своим криком о начале Рагнарёка.

Тюр, который, по словам Снорри, был еще одним сыном Одина, а согласно другим источникам происходил от великанов, – один из древнейших богов. Его следы тянутся далеко в доисторическую эпоху германских племен. Он был известен своей отвагой и доблестью, хотя подробностей о его подвигах почти не сохранилось, а его культ пользовался большой популярностью (опять же, если судить по сохранившимся топонимам). Как и другие великие боги, он дал нам один из дней недели. День Тюра (Tuesday – вторник) наступает после воскресенья (Sunday – день Солнца) и понедельника (Mo(o)nday – день Луны), и перед днем его отца Одина (Woden's Day), за которым следуют дни Тора и Фрейра. Неделя заканчивалась днем, который в английском языке назван в честь римского бога Сатурна, но в скандинавских языках это по-прежнему *lördag*, от древнескандинавского слова, обозначающего горячий термальный источник – другими словами, банный день (очаровательная подробность, позволяющая чуть больше узнать о гигиенических привычках викингов).

И наконец, есть Локи, который упоминается в мифах и сказаниях едва ли не чаще всех остальных, но при этом во многом продолжает оставаться загадкой. Он рожден Лаувейей, и невозможно даже с уверенностью сказать, бог ли он. Некоторые считают его полубогом и трикстером, классической фигурой, имеющей параллели во многих других культурах. Но эта классификация вряд ли поможет нам понять, каким его видели сами викинги. Локи умеет менять облик и предстает в виде рыбы, птицы или насекомого, по собственному усмотрению. В союзе с великаншей Ангрбодой он породил чудовищ, в том числе волка Фенрира, мирового змея Ёрмунганда и Хель, хранительницу царства мертвых. Приняв облик кобылы, он родил скакуна Одина – Слейпнира (поистине немислимое извращение в глазах древних скандинавов). В многочисленных рассказах о нем он строит нескончаемые козни богам и выводит из себя великанов, но почти всегда сам улаживает возникшие неприятности. Он красив и остроумен, коварен и злобен – все одновременно. Это Локи отрезал прекрасные волосы Сиф, а потом договорился с гномами, чтобы они изготовили ей новые локоны, которые сияли, как золото, и росли, как настоящие. Кроме того, у него был с ней роман, к большой ярости Тора. После того как Локи подстроил убийство Бальдра, его наконец связали внутренностями его собственного сына и бросили в пещеру, где яд будет капать ему на лицо целую вечность, до самого Рагнарёка, когда все оковы падут. В конце он направит против богов корабль мертвецов.

Список асов чрезвычайно велик. Богиня Сага каждый день пьет с Одином в своем чертоге Сокквабек, Затонувший берег. Скади – дочь великана Тьяцци, но ее тоже причисляют к богиням. Сначала она стала женой Ньёрда, потом была возлюбленной Одина и Локи и, наконец, стосковавшись по родным местам, вернулась из чертогов Ньёрда у моря в свои любимые горы, где стоит ее дворец Тримхейм. Форсети, сын Бальдра, живет в сверкающих золотом и серебром чертогах Глитнир.

У многих из этих богов и богинь были дети от великанш и великанов или собственных супругов, и распутать все их семейные связи действительно непросто. Множество других богов упомянуты в текстах всего один или два раза, обычно только по имени, иногда с кратким, часто обрывочным и неразборчивым пояснением о том, чем они могли заниматься. Бородатый Браги, бог поэзии, женат на Идунн, владелице золотых яблок. Фулла, богиня-служанка Фригг, хранит ее секреты. Видар, сын Одина и великанши Гритр, отомстит за смерть своего отца во

время Рагнарёка. Эйр, богиня врачевания. Гефьон, в одних преданиях – богиня девственности, в других – возлюбленная одного из сыновей Одина. Поэтический список *ásynjur* (богинь-асиний) служит единственным источником сведений о некоторых из них: Сьофн, разжигающая страсть; Лофн, утешительница, Вар, богиня клятвы, Вор, воплощение бдительности, Сюн, охраняющая двери, имя которой означает «отказ»; Снотра, мудрая; Гна, посланница, чей конь может скакать по морю и по небу.

Некоторые из них, вероятно, уже к началу эпохи викингов были пережитками прошлого, от которых остались лишь имена. Конечно, слушатели узнавали их, но лишь как отголоски старых верований из мира далеких предков, который скандинавы всегда ощущали у себя за спиной уходящими вглубь пластами знаний и традиций. Не следует забывать о том, что у викингов тоже было прошлое, они рассказывали о нем истории и сами тоже любили тайны.

Само по себе многообразие преданий дает еще один предмет для обсуждения. Кроме индивидуальных особенностей и качеств богов и их приключений, составляющих сюжет многих мифов, есть и более важный вопрос: чем они *занимались*? Мы привыкли считать, что все божества за рамками великих монотеистических религий являются покровителями *чего-то* определенного – единственными в своем роде олицетворениями погоды, урожая, охоты и тому подобного. В случае с асами и ванами это не так: многие из них олицетворяли несколько вещей одновременно, и их интересы и сферы деятельности часто пересекались (как, в сущности, бывает и у нас). Например, среди них, разумеется, были боги войны, но каждый из них олицетворял ее отдельные аспекты, сообразно собственному характеру. Так, Тор представлял грубую силу и ярость битвы, Один – планирование, военное командование, удачу и неистовую агрессию, Фрейя – умысел и жестокий расчет, позволяющий обернуть ситуацию в свою пользу. Были и другие, со своими личными пристрастиями и предпочтениями.

Совершенно ясно, что по современным меркам скандинавские боги вряд ли способны вызвать восхищение, и, возможно, викинги относились к ним точно так же. Хотя асы и ваны иногда помогали людям в исполнении их планов и поддерживали некоторых из них, они делали это в основном из прихоти, почти ради забавы. Вместе с тем они могли быть грубыми, глупыми, ужасно предвзятыми (на наш взгляд), вспыльчивыми и жестокими – одна большая вздорная семья, по большей части равнодушная к людям, представлявшим для них в лучшем случае лишь временный интерес. Здесь напрашивается сравнение обитателей Асгарда с пантеонами античных средиземноморских культур: погрязшими в междоусобных распрях греческими богами с горы Олимп и их римскими преемниками. Это, в свою очередь, поднимает более широкий вопрос, требующий внимательного изучения: можно ли установить реальную связь между верованиями викингов и верованиями античного мира?

Несомненно, мы можем найти много совпадений не только в семьях богов, но и в деталях мифологии. В греческой космогонии, изложенной Гесиодом примерно в VIII веке до н. э., миры зарождаются из *хаоса* (употреблен конкретно этот оригинальный термин), подобного зияющей бездне и очень напоминающего Гиннунгагап. Продолжение истории творения тоже чем-то похоже: здесь боги так же спонтанно возникают или рождаются в результате невероятных связей, а мироздание создается в результате кровавого убийства и расчленения. Можно связать некоторые другие элементы, например огромного пса, охраняющего ворота Хель, и Цербера из греческого подземного мира, и отыскать прочие аналогии.

Некоторые ученые всерьез рассматривают скандинавских богов как тени античных предшественников, особенно когда речь идет об Одине. Другие считают, что истоки Асгарда уходят еще дальше в прошлое, к смутно известным религиям индоевропейцев, предположительно зародившимся в азиатских степях или в Анатолии за несколько тысяч лет до эпохи викингов. Здесь, несмотря на огромные промежутки времени, о которых идет речь, все же можно провести ряд обоснованных параллелей. Например, некоторые ритуалы, записанные в ведийский период в Индии (около 1500–500 до н. э.), примечательно близки к отдельным сканди-

навским практикам. Но в конечном счете нельзя не признать, что хронологическая и географическая пропасть огромна, и наведенные через нее мосты в любом случае представляются крайне непрочными.

На определенном уровне, несомненно, прослеживается некая общность культурного наследия, ни в коем случае не ограниченного только религией. Она связывает многие северные народы доисторического периода и вполне может распространяться даже за пределы Европы. Однако если мы внимательнее присмотримся к каждому конкретному времени и месту, то обнаружим уникальные особенности – и в этом нет ничего удивительного. Несмотря на отдельные совпадения, во многих других отношениях духовный мир Скандинавии эпохи викингов заметно отличался от всего существовавшего раньше (даже параллели с Античностью возникают лишь в единичных случаях). Если рассматривать скандинавское мировоззрение целиком во всей его удивительной многоплановости, оно, несомненно, образует отдельную самостоятельную категорию, и нам следует относиться к нему именно так.

Возьмем всего один пример из царства богов: вряд ли уместно вообще говорить о существовании скандинавского пантеона как такового, по крайней мере в классическом смысле этого слова. За исключением «Перебранки Локи», повести о гибели Бальдра и некоторых отрывков из «Прорицания вёльвы», в мифах и преданиях скандинавские божества, кажется, вообще редко встречаются или взаимодействуют друг с другом. Мир Асгарда, по-видимому, был таким же космополитичным, как его человеческое зеркало внизу, и его население со временем увеличивалось за счет пришельцев со всех концов света, примечательно точно отображая процессы, происходившие в Мидгарде.

Кроме того, в жизни богов был еще один интригующий аспект. Как ни странно, в Асгарде тоже были храмы и культовые сооружения, где *сами боги делали подношения* – но чему или кому? Мифология викингов – один из крайне редких в мировой культуре примеров, в котором боги тоже исповедуют религию. Судя по всему, за ними стояло что-то еще, нечто более древнее и непонятное, и вовсе не обязательно индоевропейское. И нет никаких оснований предполагать, что люди эпохи викингов знали о том, что это было, больше нас с вами.

У богов были собственные Иные, обладавшие почти такой же силой, – великаны. Они присутствуют в истории о сотворении мира с самого начала, фактически еще до появления первого бога. Эти изначальные существа регулярно появляются в рассказах о приключениях разных богов как враги Асгарда. Стремление отомстить за смерть Имира – преступление, с которого началось существование мира викингов, – подогревает ненависть великанов к асам, и эта ненависть не угаснет до самого Рагнарёка, когда их ледяные и огненные армии вторгнутся в обитель богов. Было сделано много попыток разобраться, что именно олицетворяют собой великаны. В отличие от богов они никак не соприкасаются с человеческим миром Мидгарда, но при этом составляют часть самых глубоких и древних пластов преданий. Кто они – духи дикой природы, изначальные противники? Или они символизируют саамов, объединившихся со скандинавскими богами, но имеющих явные отличия? Может быть, многочисленные любовные связи великанов и асов каким-то образом символизируют королевские ритуальные браки, объединяющие в единое целое элементы королевства? Мы не знаем, но, так или иначе, великаны уверенно занимают место на сцене вместе с другими великими силами.

Важнейшее место во взаимоотношениях богов с человеческим миром, а также в жизни его сверхъестественных обитателей занимала концепция судьбы (участи, жребия). Будущее всех существ – смертных и богов, живых и умерших – было заранее предопределено. Этот закон лежал в основе скандинавского мировоззрения. Для скандинавов эпохи викингов судьба представляла собой не отсутствие выбора, а скорее проявление в реальности изначальной существующей истины. Это не отменяло свободы воли, но проявление этой свободы неизбежно вело вас к превращению в того человека, которым вы на самом деле были всегда.

Судьба принимала разные обличья, но самым недвусмысленным ее воплощением были норны – сверхъестественные женские существа огромной силы, определявшие, как сложится жизнь каждого человека. Источники (эддические и скальдические стихи, а также проза Снорри), как обычно, рисуют путаную и неоднозначную картину. Чаще всего в них упоминаются три женщины: Урд, Верданди и Скульд. Их имена, возможно, обозначают прошлое, настоящее и будущее – или просто взгляды на *бытие* под разным углом. Во всяком случае, имя Урд имеет явный подтекст судьбы. Три норны живут в чертоге рядом с колодцем у корней Мирового Древа, связанного с Асгардом. Каждый день они зачерпывают сырую глину у кромки воды и обмазывают ею ствол и ветви Иггдрасиля, заботясь о его благополучии. В одних поэтических описаниях они – великанши, в других – юные девушки. Об их возрасте ничего не известно, но не следует слишком доверять традиционной триаде «дева, жена, старуха», которую с ними часто пытаются связать. В поэзии скальдов норны выступают как метафорические судьи, адвокаты жизни, выносящие окончательный приговор судьбы.

Обычно норны невидимо трудились в тени, хотя иногда приходили к людям во сне. На каждом ногте у них были начертаны руны – символы тайны. Норн часто изображают ткащими судьбу на ткацком станке – еще один мотив, общий для нескольких мифологических традиций. На вертикальном ткацком станке основа ткани всегда имеет узор, заданный с самого начала расположенными в определенном порядке нитями. Каким будет этот узор, решает ткачиха, но его нельзя увидеть целиком, пока ткань не будет закончена. Это элегантная метафора жизненного пути, раскрывающегося через человеческий опыт и заканчивающегося только тогда, когда будет обрезана последняя нить.

Некоторые эддические поэмы утверждают, что свои норны были не только у людей, но и у других существ, в том числе эльфов, гномов и даже богов. Иногда встречаются упоминания о добрых и злых норнах, отвечающих за благоприятные и неблагоприятные повороты судьбы, хотя неясно, следует ли понимать это буквально. Снорри говорит, что норны асов посещают каждое человеческое дитя при рождении и определяют его или ее дальнейший путь. Может быть, такое разнообразие норн больше соответствует подлинным представлениям скандинавов эпохи викингов, а тройка норн, о которой шла речь вначале, возникла под влиянием античных образцов и, возможно, при некотором участии христианских писателей.

Самые известные сегодня сверхъестественные существа, помимо главных знаменитостей скандинавского «пантеона», – это валькирии. Они тоже были посредницами судьбы, но, как следует из названия («выбирающие павших»), их уделом была война. Валькирии исключительно хорошо отображены в прозаических и поэтических письменных источниках с конца IX до XIV века и далее. Изображения, по всей вероятности, представляющие именно их, часто встречаются в иконографии эпохи викингов, и нет никаких сомнений в том, что они действительно составляли часть реально существовавшей системы верований. Валькирии, как и викинги, тоже пострадали от многовековой апроприации и стереотипизации.

В литературе валькирии – прислужницы Одина. Они выбирают среди воинов самых храбрых, которым суждено погибнуть в битве. Нас с вами это вряд ли обрадовало бы, но для тех, кого они выбирали, это было комплиментом, поскольку означало, что они присоединятся к богу войны в Вальхолле. Пока убитые готовятся к Рагнарёку, валькирии, как хозяйки чертогов, подают им мед и, возможно, предлагают иные утехи. Судя по описаниям, валькирии вооружены копьем, мечом и щитом, одеты в кольчуги, иногда также в шлемы. Они скачут на своих конях по небу – увидев росу на траве, знайте, что это пот, упавший с боков их скакунов. Иногда эти воинственные женщины облачаются в кожу и крылья лебедей и могут летать. В некоторых эддических поэмах валькирии выбирают человеческого героя, защищают его в битве и часто влюбляются в него, но именно в этот момент (если не раньше) их образ начинает сливаться с более поздними домыслами.

Поиск в интернете приносит изображения «валькирий», многократно искаженные линзой мужского видения, – сладострастных, едва одетых молодых женщин с огромными мечами. Эти однообразные картинки имеют мало общего с подлинными демонами бойни из скандинавской мифологии, но смутно перекликаются с тем, что, вероятно, находил в валькириях средневековый христианский ум. У мужчин-священников, в частности, имелись собственные фантазии на эту тему, и именно они нередко делали из валькирий героинь, страдающих от безнадёжной любви. Прекрасные женщины в доспехах и с оружием в руках представляли захватывающую инверсию средневековых реалий и рыцарских идеалов. В древнескандинавских героических поэмах они преодолевают множество препятствий, чтобы спасти или хотя бы оплакать своих смертных возлюбленных, и даже обнимают в могилах их ожившие трупы. Эти сюжеты, перекликающиеся с леденящей жутью появившегося гораздо позднее готического ужаса, пришлись по вкусу викторианцам, и благодаря им Брунгильды обрели долгую жизнь после смерти в «Кольце нибелунга» Вагнера и тому подобных произведениях. Однако в сознании людей, живших в эпоху викингов и раньше, валькирии выглядели совсем иначе.

Рис. 5. Воительница. Позолоченная серебряная статуэтка X века из Харби (Дания) – первое известное нам объемное изображение вооруженной женщины из мира викингов. Не вполне ясно, кто это – валькирия, богиня войны, человеческая воительница или какое-то другое воинственное существо, но ее меч и щит выглядят вполне узнаваемо, как и характерная прическа из связанных узлами волос, по-видимому служившая основным признаком женщины в искусстве викингов. Национальный музей Дании. Фотография: Джон Ли (John Lee) (© *National Museum of Denmark*)

Эти изначальные валькирии не кружили над полем битвы, время от времени грациозно устремляясь вниз, чтобы подхватить и унести прочь избранного героя – нет, они неистово обрушивались на него и олицетворяли собой суровую реальность. Судя по их именам, они в буквальном смысле представляли собой ход сражения. Нам известно около 52 отдельных валькирий, и намного больше объединенных в безымянные группы. Поразительно и прекрасно, как много разных терминов для определения битвы и войны заключают в себе имена валькирий. Очевидно, многие из них служили непосредственным олицетворением битвы, в переносном смысле часто уподобляемой буре. Ощущение бурлящего хаоса усиливают имена валькирий, в которых слышится гул, всепоглощающий грохот, оглушительные бессвязные вопли на поле боя. Мы встречаем Гёндуль – Сковывающую битву, приносящую с собой ледяное оцепенение, которое могло оказаться фатальным. Возможно, то же значение имеют имена Хлёкк – Цепь, или Мист – Туманная. Дальше идут Хьяльмтримуль – Лязгающая шлемами, Хьёртримуль – Звон мечей, Хълёд – Воющая. От них не отстают Рандгнитр – Царапающая щиты и Скальмьёлд – Время меча, Свава – Разящая, и Таннгнитр – Скрежешущая зубами. Другие валькирии носят имена, связанные с разными видами оружия: Гейрахёд – Бой на копьях, Гейрдрифуль – Метательница копья, Гейрскёгуль – Потрясающая копьем, и так далее. Их многочисленных сестер зовут: Ткущая битву, Сотрясающая, Дыхание битвы, Накипь победы, Дрожь, Изменяющая, Прокладывающая путь, Лебяжье-белая, Сокрушительница щитов, Подмога, Прикрывающая доспехом, Губительница и Безмолвие. И перечень длится и длится.

Все это может многое рассказать нам о реалиях раннесредневекового военного дела и о духах битвы, от которых, по мнению викингов, зависели ее превратности. Валькирии действительно были прислужницами Одина – но это были злые слуги бога войны. В источниках крайне мало данных, указывающих на то, что они были физически привлекательны, но очень много – говорящих о том, что они внушали ужас. Возможно, так же как Один мог управлять мыслями полководцев, валькирии умели гибельно завораживать одним своим видом. В «Саге о Вёльсунгах» их называют девами щита и говорят, что «смотреть на них – все равно что вглядываться в пламя».

Как посредницы судьбы, валькирии имеют очевидные связи с норнами. Снорри даже пишет, что «младшая» норна, Скульд, ездит вместе с валькириями, выбирая убитых. Необычное стихотворение под названием «Паутина копий», датированное X или XI веком, рассказывает о том, как отряд из двенадцати конных валькирий приезжает в уединенную хижину. Когда наблюдатель заглядывает внутрь, он видит, что они работают на огромном ткацком станке, сделанном из частей человеческих тел – ткнут ткань из внутренностей, окрашенных кровью, и обрезают нити своим оружием. Женщины нараспев произносят стихи, из которых становится ясно, что они на самом деле ткнут исход битвы, происходящей далеко отсюда, и их движения воспроизводят (и направляют) взмахи мечей и полет стрел над полем боя. Здесь валькирии выступают в той же роли, что и норны. Закончив ткать полотно, они разрывают его в клочья и уезжают с этими лоскутами.

Валькирии были воплощением насилия, подавляющего и ужасного.

Но не все скрытые от глаз нечеловеческие обитатели скандинавского мира представляли опасность. Многие из них были продолжением той природной красоты, которую скандинавы каждый день видели вокруг себя.

На взгляд постороннего, если не брать в расчет оживленные города, страны Северной Европы и сегодня остаются царством безмятежного покоя, нетронутых лесов, гор и рек, пожалуй, одним из последних уголков Европы, предлагающих настоящее уединение на лоне дикой природы. Человеку эпохи викингов такой взгляд показался бы странным. Любой путешественник, прокладывающий путь среди деревьев и скал, снегов и льдов, ветров и вод, осознавал, что

он находится в центре весьма густонаселенного пространства, где обитают не только животные и насекомые, но и многие другие существа – те самые, с которыми люди делили свой мир.

Сложно подобрать для них общее наименование, и даже отдельные термины в современных языках могут звучать неоднозначно. Мы можем называть их, например, эльфами и гномами, но несправедливо будет утверждать, что нам удастся говорить сейчас об этих существах, не вспоминая их позднейшие воплощения в книгах Толкиена и других художественных произведениях. Однако персонажи сегодняшних фильмов и компьютерных игр очень сильно отличаются от тех *álfar* и *dvergar*, которых знали викинги. Эти существа важны не только потому, что они объективно интересны, но и потому, что они играли в повседневной жизни людей гораздо более заметную роль, чем высшие силы – боги и их приспешники. В современном шведском языке их называют общим словом *väsen*. Оно не имеет прямого перевода, но обозначает сверхъестественных существ во всем их разнообразии (здесь снова возникает семантическое противоречие – в сущности, они были, наоборот, *совершенно естественной* частью природы, и древние скандинавы вряд ли проводили в этом отношении такое различие, как мы).

Мне больше всего нравится термин, пришедший из современной Исландии (хотя возникший несколько раньше), где их называют *huldufólk*, Скрытый народ. Звучит достаточно туманно, но при этом подчеркивает главное свойство, отличающее их от нас, – осторожность. Сегодня в Исландии вера в Скрытый народ еще жива (хотя вовсе не так широко распространена, как может показаться по туристическим брошюрам), и отношение к духовным течениям прошлого и далеко не безжизненному природному ландшафту в целом остается уважительным.

Álfar, или эльфы, вероятно, были самыми многочисленными из скандинавских природных созданий и часто вступали в непосредственный контакт с людьми. Они играли важную роль в благополучии крестьянского хозяйства, так как могли при желании навредить домашнему скоту или погубить урожай, и крайне благоразумно было их не злить. Среднестатистический человек эпохи викингов, вероятно, редко ощущал присутствие богов, но каждый день привычно оставлял сливочное масло для эльфов, живущих в скалах за усадьбой. *Álfar* могли исцелять больных или, наоборот, насыпать болезни. Они могли принести удачу или несчастье. В некоторых сагах говорится о церемониях подношения эльфам – жертвоприношениях *álfablót*, которые проводили в залах через определенные промежутки времени. Возможно, они были частью ритуального календаря, так же как церковные праздники в современных мировых религиях.

Гномы заметно отличались от эльфов, хотя Снорри называет их *svartálfar*, черными эльфами, и, кажется, считает, что они каким-то образом связаны между собой. На немногочисленных достоверных изображениях гномов, например вырезанных на камне узнаваемых сценах из легенды о Сигурде, гномы выглядят так же, как люди. Нет никаких сведений о том, что они были маленького роста – это придумали уже в Средние века. В основном они жили под землей и были тесно связаны с камнями. В мифах они выступают как искусные ремесленники, рудокопы и ювелиры, мастера таинственного превращения руды, минералов и кристаллов в прекрасные предметы. Неизвестно, проводили ли в их честь какие-либо ритуалы, но, судя по всему, в человеческом мире их присутствие было довольно дружелюбным, хотя они предпочитали держаться особняком.

У некоторых потусторонних существ завязывались с людьми более близкие и личные отношения. Самыми важными среди них были *dísir* – дисы, нечто среднее между богинями и духами предков (возможно, ушедших матриархов). Обычно эти сверхъестественные женщины оставались невидимыми, но могли приходить к человеку во сне. Также их могли заметить те, у кого был для этого особый дар. Иногда они демонстрировали воинственную сторону характера, сродни валькириям, а видение дисы перед боем предсказывало победу. В остальное время их появление обещало благополучие и в особенности хороший урожай. Как духи-покровитель-

ницы дисы появлялись поодиночке или группами, иногда принимали облик всадниц в плащах. Во сне цвет их одежды, черный или белый, мог предвещать добро или зло. Эту разновидность называли *spádísir*, дисы-прорицательницы. Есть предположение, что они имели особую связь с Одним. Само слово *dís* было синонимом богини и обозначало женщин в целом – оно встречается, например, в женских именах.

В их честь совершали жертвоприношения, есть даже упоминания о специальных постройках для этой цели – *dísasalir*, залы дисов. В Уппсале ежегодно проводили ярмарку и собрание под названием Дистинг, во время которого совершали подношения дисам во имя мира и процветания. Что удивительно, это мероприятие имеет непрерывную историю и проводится до сих пор, каждый год в начале февраля – сейчас оно включено в христианский календарь и совпадает со Сретением.

Большая часть этого невидимого населения с трудом поддается классификации и, возможно, нам лучше даже не пытаться это сделать. Скандинавы называли их *vaettir* – «духи». Возможно, тогда этот термин означал так же много или так же мало, как и сейчас. Были духи земли, воды, моря и воздуха. Духи земли отличались особым могуществом и выступали как хранители определенных мест, возможно, могли также распоряжаться их ресурсами. В текстах встречаются упоминания о *land-dísir*, живущих в камнях. Свод законов, включенный в средневековую «Книгу о заселении Исландии», предписывает подходящим к берегу кораблям убирать носовые фигуры, чтобы не напугать духов. Подобные правовые ограничения не могут быть бесосновательными, и к этому случаю следует отнестись серьезно.

Также в диких местах обитали и более опасные существа – тролли и *турсы* (труднопереводимое слово, означающее нечто вроде огра, великана-людоеда). Как и гномы, они жили в скалах и под землей, но гораздо дальше от человека, и представляли для него угрозу. Их редко описывают подробно – скорее кажется, что они олицетворяют некую абстрактную опасность, предостережение о том, что может случиться с неосторожными. В Средние века тролли превратились в бесформенных чудовищ из сказок, которыми пугали детей, но в эпоху викингов они явно были достаточно реальными. В сагах и стихах «тролльскими» называют разнообразные неурядицы и неприятности, за которыми подозревают сверхъестественные козни или темную магию. Тролли принадлежали Утгарду, запредельному царству, отделенному от человеческого мира. Уникальное изображение троллей возможно, относящееся к железному веку, сохранилось на балтийском острове Борнхольм – гротескные маленькие чудовища из чеканного золота с шишковатым телом, лицом на груди, острыми ушами и непропорционально большими руками. Сегодня тролли продолжают существовать как искусство для туристов, очаровательная нелепица и сувенирный символ северных стран, бесконечно далекий от своих прототипов – наводивших ужас сил дикой природы.

Эпоха викингов в том виде, как ее понимают и транслируют сегодня, в высшей степени зрелищна: замысловатые выющиеся орнаменты, изящные хищные силуэты кораблей, погребальные и поминальные сооружения под открытым небом и, конечно же, сами люди, чьи образы опосредованно складывались на протяжении многих веков из романтической живописи, гравюр и реконструкций на страницах книг и киноэкранах. Эти образы берут начало в описаниях, оставленных представителями культур с развитой письменностью, с которыми скандинавы сталкивались во время своих набегов и путешествий, в частности англичан, франков и арабов. Их взгляд со стороны во многом сформировал популярные представления о викингах, существующие в наше время.

Однако в сознании древних скандинавов выстраивались совсем другие миры. Вот еще одно различие между видимостью и реальностью, между тем, что лежит на поверхности, и тем, что скрывается в глубине. Из сомнительно достоверных средневековых письменных источников и случайных упоминаний в эддических и скальдических стихах мы узнаем об одном

из самых замечательных аспектов жизни викингов: четверичном разделении бытия и чрезвычайно сложном представлении о том, что можно условно назвать душой.

Если бы вы встретили на улице скандинава эпохи викингов, вы увидели бы его или ее *hamr*, оболочку или форму – то, что мы называем телом. Хамр, который считали вместилищем всех остальных аспектов личности, был физическим проявлением сути своего хозяина, и, что особенно важно, *он мог меняться*. Именно отсюда возникает концепция оборотничества: считалось, что реально существующее тело может пластически деформироваться и менять форму. Но это относилось не ко всем, а только к тем, кто был отмечен подобным даром (или, наоборот, проклятием). Большинство людей оставались такими, какими были, но некоторые из них в особых обстоятельствах – в определенные ночи, в моменты напряжения или страха, в гневе или, наоборот, в периоды полного расслабления – могли стать чем-то другим.

Мужчина с такими способностями чаще всего принимал вид крупного хищника – медведя или волка. (У одного из самых известных викингов, воина-поэта Эгиля Скаллагримссона, был дед по имени Квельдульф, Вечерний волк – со всеми вытекающими последствиями.) У женщин, по-видимому, было особое родство с обитателями вод, особенно с тюленями, – похожие истории о морских женах-сэлки встречаются во многих северных культурах. Некоторые женщины могли превращаться в птиц. Но, какую бы форму ни принимали оборотни, их глаза всегда оставались человеческими.

Эти люди пересекали границу между человеком и животным. Мы не знаем, как на самом деле их воспринимали современники, но, если говорить в привычных нам терминах, они, возможно, представляли совершенно особый гендер. Наш собственный благополучно расширяющийся спектр включает множество вариантов идентичности, но все они ограничены человеческой формой. Возможно, викинги пошли дальше и вступили в область, которую мы сейчас называем постгуманизмом (хотя они пришли туда первыми). Современному человеку это покажется странным, но возможно, такие способности воспринимали скорее как навык. Кто-то был искусным резчиком, кто-то хорошо пел, а ваш сосед, если его рассердить, мог превратиться в медведя.

Внутри формы, или оболочки, человека находилась вторая часть его личности – *hugr*, суть которой не передает ни одно современное слово. Хугр сочетала в себе черты личности, темперамента, характера и особенно ума и отражала суть человека, его естество, квинтэссенцию, свободную от всякого притворства или поверхностного влияния. Из всех представлений викингов это самое близкое к понятию обособленной души, встречающемуся в позднейших мировых религиях, поскольку хугр могла оставлять физическое тело. Связанные с загробной жизнью верования викингов, безусловно имевшиеся у них в большом разнообразии, будут рассмотрены в свое время, однако не вполне ясно, какая часть человека, по их мнению, «двигалась дальше» и продолжала существовать после смерти. Насколько можно судить, вероятно, это была именно хугр.

Важно отметить, что некоторые люди с разными, но одинаково пугающими дарами могли видеть эти аспекты личности в других людях. В поэтическом отрывке под названием *Ljóðatal* («Список заклинаний») Один хвастается своими магическими способностями и знанием особых заклинаний, в одном из них мы видим истинную порочность его силы:

Мне известно десятое [заклинание]⁴ – ведьмам на гибель,
Что по воздуху мчатся в ночи.
Околдую их так, что потом не вернуться
Им в жилища свои [*heimhuga*]

⁴ Здесь и далее в цитатах и стихотворных отрывках в квадратные скобки заключаются комментарии автора.

И в обличья свои⁵ [*heimhama*].

Заклинание Одина направлено против духов ведьм, покинувших тела по велению своих хозяек, и оно действительно ужасно: оно обрывает связующую нить между телом и душой, обреченной после этого рассеяться навеки.

Также, по мнению викингов, где-то внутри каждого из нас находится *hamingja* – хамингья, примечательное существо, олицетворяющее личную удачу человека. Для народов Севера в позднем железном веке она имела большое значение: жизненный путь каждого человека был предопределен судьбой, но по этому пути его несла волна удачи. Женщина или мужчина, которым сопутствовала удача, во многом добивались успехов, и современники видели это и считали их по-настоящему благополучными – и уважаемыми – людьми. Лейф Эйрикссон, предположительно первый европеец, высадившийся в Северной Америке, не случайно носил прозвище *hinn heppni*, «Счастливчик». Интересно, что *hamingjur* (во множественном числе) могли покидать тело и ходить вокруг, невидимые для всех, за исключением тех, кто обладал особым зрением. В сагах говорится о случаях, когда люди отступали перед битвой, потому что их противников сопровождало слишком много духов удачи, – никто в здравом уме не стал бы сражаться при таком неравенстве сил. Любопытно, что хамингья также обладала независимой волей и в экстремальных ситуациях даже могла оставить своего человека. Английское выражение «удача его покинула» на самом деле представляет собой кальку с норвежского, за исключением того, что викинги имели это в виду буквально.

Последняя часть четверичной души была совершенно не похожа на остальные: это было отдельное существо, каким-то образом обитающее внутри каждого человека, неотделимое от него, но обособленное. *Fylgja* была женским духом – *всегда* женским, даже у мужчины – и повсюду сопровождала человека на протяжении всей его жизни. Как это чудесно, и как решительно это переворачивает андроцентричный стереотип: каждый мужчина-викинг в буквальном смысле носил внутри себя дух женщины.

Слово *fylgja* означает «то, что идет следом», хотя иногда его переводят как «призрак» и отождествляют с подобными существами из соседних культур. Фюльгья была стражем и защитником, но также олицетворяла связь с предками (в некоторых текстах они напоминают дисов, иногда даже сливаются с ними). После смерти человека фюльгья переходила к следующим представителям рода, хотя как это происходило, точно неизвестно – ждала ли фюльгья появления следующего новорожденного, или человек мог унаследовать ее в любой момент жизни, не обязательно сразу после появления на свет? Так или иначе, все несли с собой – в себе – дух своего рода, который присматривал за ними и направлял их путь. Фюльгью можно было увидеть только во сне, где она появлялась с предостережениями и советами. Из всех духов эпохи викингов они оказались самыми живучими. Современные исландцы только закатывают глаза, когда приезжие в очередной раз спрашивают, верят ли они в эльфов, но спросите их о фюльгьях, и ответом вам станет ровный взгляд и, возможно, смена темы.

Ощущение чего-то совершенно чужеродного, иногда проглядывающего в действиях или словах, возможно, и было тем, что коренным образом отличало викингов от людей, с которыми они сталкивались. Нетрудно представить, насколько пугающей казалась европейскому христианину состоящая из нескольких частей душа, заключенная в формы и оболочки. Кроме того, она могла казаться пугающе знакомой, поскольку в дохристианской Европе существовало немало подобных верований, и они достаточно глубоко укоренились, чтобы пережить приход новой веры, затаившись в глубинах памяти и фольклора.

⁵ Пер. С. Свириденко.

Итак, нам уже должно быть ясно, что викинги вовсе не были теми примитивными варварами, какими их рисуют стереотипы. Точно так же мысленный (а с их точки зрения, реальный и естественный) мир, в котором они жили, был не таким, как у франков, германцев, англосаксов и других народов. Когда христиане на континенте открывали утром двери своих жилищ, они не видели вокруг следов работы эльфов, гномов и духов природы, течение их дня не было предопределено нормами, роса на траве не была потом, упавшим с боков сверхъестественных скакунов, радуга не вела в Асгард и небесные чертоги богов. И даже над полем боя, где хватало крови и жестокости, не резвились ужасные воительницы, заглушающие грохот битвы пронзительными яростными воплями. Короче говоря, викинги были не такими, как все.

2

Вьюжный век, волчий век

Эпоха викингов началась не с легендарных разбойных набегов на западе и длинных кораблей, которые возникали в беспокойном море и приставали к пологим берегам, обращая в бегство англичан и наводя ужас на служителей церкви. Она началась даже не с викингов – этот ярлык иногда не столько проясняет дело, сколько еще больше его запутывает. Мир, заселенный потомками Ясеня и Вяза, сформировался задолго до этого – столетиями раньше, в эпоху, которую археологи называют железным веком. Чтобы понять викингов, необходимо сначала разобраться в их прошлом.

Скандинавы первого тысячелетия жили в тени единственной сверхдержавы своего мира, Римской империи в зените ее могущества и во времена ее долгого неспешного упадка. Граница империи проходила по Рейну и пересекала земли германских племен чуть южнее Дании. Происходившие через эту границу торговля и обмен – не только товарами, но также идеями и убеждениями – на протяжении сотен лет составляли неотъемлемую часть жизни скандинавов, особенно знати.

Когда в V веке Западная Римская империя начала распадаться на части, это косвенно затронуло и Север. В Европе власть Рима постепенно слабела и размывалась, принимая новые формы, и слом старых устоев повлек за собой череду событий, встряхнувших весь континент. Люди снимались с мест, отправлялись в военные походы, присоединялись к потокам беженцев – словом, самыми разными путями и по самым разным причинам оставляли свои дома в поисках новой жизни на новом месте. Часть прежних полномочий Рима обрела новую силу в руках одной из империй-близнецов на востоке – той, что позже будет называться Византийской империей, со столицей в Константинополе (современный Стамбул). Новая политика и новые политические фигуры крепили и во всеуслышание заявляли о себе. Их связи и сети влияния доходили и до Скандинавии – северяне всегда были тесно связаны со своими соседями.

Происходившие на юге конвульсивные перемены влияли на скандинавов, принося в их жизнь нестабильность, перемены, но вместе с тем и новые возможности, нередко выгодные для меньшинства в ущерб большинству. Период с V до середины VI века, который археологи называли эпохой Великого переселения народов, ознаменовался чередой затяжных кризисов, имевших далекоидущие последствия. Их, в свою очередь, усугубила ужасная климатическая катастрофа, которую никто не в состоянии был предугадать, спровоцировавшая массовое вымирание населения северных стран. В этих социальных и политических потрясениях мы можем найти глубинные истоки эпохи викингов в Скандинавии. Восстановление после полувековой травмы положило начало новому порядку. Это было время военных вождей и их дружин, крошечных королевств, правители которых восседали в величественных залах, и стоящей за ними культуры мифологизированной, ритуально обоснованной силы. Все это в конечном итоге подготовило почву для феномена викингов.

Медленный упадок Рима имел непредсказуемые последствия, которые столетия спустя привели к возвышению викингов. И «новый мир» эпохи викингов в Скандинавии в самом буквальном смысле начался с бесконечной зимы под помраченным солнцем.

Скандинавский железный век

Хронология и региональная терминология

Период	Годы	Норвегия	Швеция	Дания
Ранний железный век	50–0 гг. до н. э.	Доримский железный век		Кельтский железный век
	0–400 гг. н. э.	Римский железный век		
Поздний железный век	400–550 гг. н. э.	Великое переселение народов		Раннегерманский железный век
	550–750 гг. н. э.	Меровингский период	Вендельский период	Позднегерманский железный век
	750–1050 гг. н. э.	Эпоха викингов		

Рим всегда был частью долгого, как его называют археологи, скандинавского железного века. Даже нынешние условные наименования его хронологических периодов связаны с Римской империей, причем странным образом они начинаются еще до ее основания: так называемый доримский период начался около 500 г. до н. э. и продолжался до падения республики и возвышения цезарей.

Как любой имперский конструкт, на пике своего могущества Рим представлял собой сложное государственное образование с региональными администрациями, рассредоточенной армией и разветвленной сетевой экономикой. Эти элементы действовали с разной степенью автономии, и местные чиновники, помимо выполнения своих официальных обязанностей, нередко преследовали также собственные интересы. Кроме того, раздираемая внутренними противоречиями и конфликтами Римская империя участвовала в «миротворческих» операциях на своей территории и умирительных заграничных походах. Проявления всего этого были неодинаковыми в разных регионах и менялись со временем – империя была далеко не статичной. Примерно за два столетия – с 370-х до 560-х годов – течение этих событий основательно истрепаало ткань имперской власти. Западная Римская империя начала распадаться на части, и одновременно с этим пришло в движение множество приграничных народов, которые часто не вполне верно называют варварскими племенами.

Вопрос о крахе Римской империи и так называемом Великом переселении народов по-прежнему досаждают историкам и порождает подчас весьма язвительные споры, но тем не менее по этому вопросу существует ряд вполне ясных позиций. Они рассредоточены по шкале, на одном конце которой распад имперских устоев рассматривается как следствие возрастающего внешнего давления со стороны подвижных разбойных отрядов и военизированных миграций, а на противоположном конце господствует точка зрения, согласно которой постепенное внутреннее преобразование империи само служило стимулом для мобилизации приграничных народов. Так или иначе, вряд ли можно усомниться в том, что это было время великих перемен: от радикального изменения стратегического баланса на важнейших участках имперской границы до возникновения новых социальных структур за чертой *Лимес* (римских укрепленных рубежей), в котором Рим также сыграл свою роль. Великое переселение народов представляло собой не просто хронологическую последовательность вторжений и грабежей, обозначенных на классической карте Европы пересекающимися разноцветными стрелками, символизирующими движение «племен».

Начиная с III века и далее империю более или менее постоянно испытывали на прочность как изнутри, так и снаружи. В начале V века дестабилизирующие конфликты разворачивались в Галлии, Испании и Северной Африке. При этом мощь Рима неуклонно ослабевала под натиском Аттилы и гуннов. Эти события, в свою очередь, провоцировали социальные сдвиги на всей территории империи и привели к попыткам череды военных узурпаторов захватить императорский трон. В действительности «падение» Рима произошло не в одночасье, и о резком ухудшении ситуации свидетельствуют лишь отдельные инциденты (хотя некоторые из них отличались

большим драматизмом, как, например, разграбление Вечного города готами в 410 году). Были и хорошие, и плохие годы, и даже один и тот же год мог оказаться неодинаковым для разных частей империи. Граждане государства и народы, живущие за его границами, но в пределах его влияния, могли ощущать происходящее очень по-разному – иногда в их жизни случался внезапный резкий поворот, а иногда перемены происходили медленно и почти незаметно.

Производство определенных товаров прекращалось, или менялся их рынок сбыта, освободившиеся ниши занимали другие товары, и сообразно этому перестраивались маршруты торговых путей. Конечно, возникал дефицит, и какие-то товары исчезали с рынка, но одновременно с этим торговля перестраивалась, стремясь удовлетворить меняющийся спрос в новых экономических условиях. Эти процессы влекли за собой еще более глубокие изменения: под их воздействием менялись характер расселения и демография. Говоря современным языком, нетрудно представить, как некогда процветавшие придорожные населенные пункты постепенно приходили в упадок, когда новая скоростная трасса обходила их стороной, и весь транспорт с некоторых пор проезжал мимо.

В беспокойные времена люди всегда переезжают: нестабильность пронизывает ткань повседневной жизни, и людям, поодиночке или целыми группами, приходится принимать непростые решения. Во времена Великого переселения народов дело было отчасти именно в этом: большие и малые группы людей отправлялись в путь в надежде на лучшее. Одни бежали, спасая свою жизнь, другие были теми, от кого бежали первые. Большинство искало экономической безопасности, стабильности и спокойной жизни, а облеченное властью меньшинство активно пыталось придать миру ту форму, которая отвечала их интересам. Все это сопровождалось дальнейшим ослаблением и без того уже децентрализованной власти и процессом постоянных переговоров на местном уровне. Народы и государства искали способы адаптации и выживания, формируя в процессе новые идентичности и этносы.

В Скандинавии расселение людей всегда определялось уникальной географией и топографией региона: скалистые фьорды Норвегии с пригодными для сельского хозяйства окраинами, величественные леса, озера и плодородные пахотные равнины Швеции, низинные земли Дании с богатым сельскохозяйственным потенциалом и непосредственным доступом к морю. После заселения и расчистки ценных сельскохозяйственных земель уклад жизни стабилизировался, и в регионе появилось множество отдельно стоящих усадеб и небольших деревень.

В V веке жизнь в Скандинавии была сосредоточена в длинных домах, составлявших традиционную основу местных поселений за тысячу лет до эпохи викингов. В усадьбах содержали разнообразный домашний скот, включая коров, овец и коз, а также лошадей и других домашних животных, например собак. В период Великого переселения народов, как и раньше, люди и животные часто жили под одной крышей – домашний скот размещали в одном конце постройки в хлеву, разделенном на боковые стойла, с центральным сточным желобом посередине. Тепло животных помогало обогревать постройку изнутри, хотя взамен людям, вероятно, приходилось мириться с запахом навоза и мокрых шкур. Во многих сельских районах Скандинавии и сейчас еще можно увидеть участки, огороженные невысокими стенами сухой кладки, которые в железном веке отделяли друг от друга соседние поля и обозначали дороги, по которым каждый день выгоняли на пастбище скот. Летом животные уходили пастись дальше в поля, поднимались на холмы и в горы.

Основными зерновыми культурами были ячмень, овес и, в значительно меньшей степени, пшеница. Также выращивали другие растения, например лен. Хозяйственные отрасли объединялись в единую циклическую систему: сено с полей служило пищей для животных, которые, в свою очередь, давали навоз для удобрения. В течение железного века эти несложные технологии совершенствовались, что привело к расширению сельскохозяйственной базы региона в IV и V веках и неуклонному росту населения. Расчистка земель под обработку продолжалась: археологические находки свидетельствуют о постепенном распространении сельского хозяй-

ства в северных регионах. На самых плодородных землях, конечно, возникали самые богатые усадьбы, и их продукция – особенно излишки, пригодные для продажи, – имела непосредственное отношение к обретению власти и статуса.

В окраинных районах натуральное хозяйство опиралось на охоту и добычу морских ресурсов. Рыбу можно было сушить на зиму, также разнообразными способами использовали морских млекопитающих, таких как тюлени, моржи и киты. В лесах обитали североамериканский лось, медведь, птицы и мелкая дичь, которые расширяли рацион охотников и поставляли людям меха и шкуры.

Власть, более чем способная к организации скоординированных действий, существовала на Севере с доримских времен. Социальная стратификация, вероятно, возникла за много столетий до бронзового века, благодаря тому, что определенные группы имели возможность контролировать импорт сырья, которое использовалось для производства металла. Глубина социального расслоения продолжала расти. Ближе к концу римского железного века начали меняться погребальные обычаи, широко распространилась практика сожжения умерших, сохранявшаяся на протяжении всего дохристианского периода, пока в позднюю эпоху викингов ее не вытеснила новая вера.

Местные и региональные объединения скандинавов (подходящего наименования для них не существует – слова «племена» и «народности» не вполне передают суть) издавна взаимодействовали с Римской империей, особенно в южных областях. Имеются убедительные доказательства того, что в первые века нашей эры, на пике римского могущества, между отдельными областями Норвегии и галльскими провинциями существовали контакты и даже был до некоторой степени налажен торговый обмен. В Скандинавию проникали римские товары, такие как стеклянная посуда и изысканные предметы сервировки. Очевидно, предпочтение отдавалось статусным предметам, поскольку они, благодаря ассоциации с далекой императорской властью, распространяли на своих владельцев особое социальное достоинство. Проще говоря, считалось, что пить вино престижнее, чем пиво или мед.

На территории современной Дании также было обнаружено значительное количество импортированного римского оружия. Эта стратегия хорошо известна: Римская империя продавала вооружение не своим ближайшим соседям, а *их* соседям с другой стороны, что позволяло римлянам поддерживать порядок на собственной границе. О том, что эти общества были способны к достаточно масштабным боевым действиям, наглядно свидетельствует огромное количество актуального для того времени военного снаряжения, найденного в болотах Южной Скандинавии. Эти залежи были расценены учеными как подношения, адресованные, вероятно, сверхъестественным силам после победы над вторгшимся врагом. Некоторые из этих болотных кладов состоят из оружия и личных вещей, характерных для Западной и Южной Норвегии, что позволяет предположить, что нападавшие пришли именно оттуда. Трудно понять природу сообществ, способных организовать столь внушительные морские экспедиции, или определить, что ими при этом двигало, но представляется вполне правдоподобным, что к этому времени у них должна была сформироваться довольно развитая племенная или клановая система.

Некоторые ученые предположили, что воинские формирования, о которых рассказывают упомянутые клады, были организованы по образцу римской армии. Находки из датских болот, датируемые поздним римским железным веком, также указывают на то, что отдельные отряды из Швеции совершали набеги на датские острова и на полуостров Ютландия (крупнейшая часть современной Дании, соединенная с континентом). Наличие связей с Римской империей подтверждают и найденные статусные предметы, ввезенные из Рима, которые могли играть роль наглядных знаков высокого социального положения. Особого внимания заслуживает впечатляющая маска римского всадника из Хелльви на балтийском острове Готланд, которая, вероятно, была изготовлена в конце II века, но найдена в слоях VI века. Как и когда этот шлем, изначально предназначенный для участника римских кавалерийских парадов и конных пред-

ставлений, попал на Готланд, остается загадкой, но тот факт, что этот предмет был уже очень древним к тому времени, когда оказался в земле, подразумевает, что он, вероятно, особенно ценился и пользовался уважением как символ статуса и власти своего владельца.

Многие скандинавы, служившие в войсках поздней Римской империи в качестве наемников-ауксилариев, попадали в подразделения, организованные по этническому признаку, то есть в отряды воинов, имевших общее происхождение. Постоянное перемещение этих потенциально агрессивных вооруженных групп туда и обратно через границы не только способствовало распространению римского влияния на Севере, но и создавало дестабилизирующий отклик внутри империи. У истоков многих «переселений», в сущности, стояли организованные иностранные ополченцы или как раз такие наемники-чужеземцы. Какая-то часть солдат всегда селилась в тех местах, где они были демобилизованы (или дезертировали), и времена заката Римской империи в этом смысле не были исключением.

Мощный импульс Великого переселения народов в Европе и последовавшие за ним демографические изменения были весьма ошутимыми. Но что на самом деле означало падение Западной Римской империи для Скандинавии в долгосрочной перспективе?

На протяжении всего римского железного века и до конца V века во всех областях наблюдается общая картина роста. Об этом свидетельствуют количество и размеры усадеб и деревень, вырубка лесов под сельскохозяйственные угодья, развитые торговые связи и внутренняя экономика. Но в какой-то момент все изменилось. Пытаясь обнаружить глубинные истоки путей развития общества, породившего культуру эпохи викингов, трудно (и часто неразумно) рассматривать отдельные события в отрыве от общих процессов того времени. Однако давно известно, что в VI веке н. э. на севере Европы произошло некое необычайно серьезное событие, о котором свидетельствует, по данным археологии, резкое изменение статистики выживания.

В конце V века и первой половине VI века, особенно ближе к его середине, наблюдается резкое сокращение количества поселений, захоронений и, в сущности, почти всех остальных признаков человеческой активности. Так, во многих регионах Центральной и Южной Швеции пришли в запустение многие поселения, часть которых существовала до этого не одну тысячу лет. Только на балтийских островах Готланд и Эланд оказались брошены более тысячи крестьянских хозяйств. То же самое произошло с кладбищами – ими перестали пользоваться тогда же, когда опустели поселения, к которым они относились. Богатые захоронения и развитая материальная культура предыдущего столетия также исчезли. Прекратилось производство керамики и многих других предметов массового потребления. Что особенно важно, согласно данным анализа пыльцы, на тех местах, где когда-то простирались возделанные поля, снова выросли леса. Нет никаких сомнений в том, что эти места были действительно оставлены и полностью обезлюдели.

Сходные перемены были обнаружены в символическом репертуаре скандинавского искусства, в быстром исчезновении бытовавших до этого веками стилей и декоративных элементов. Есть все основания полагать, что искусство железного века несло мощную смысловую нагрузку, и, следовательно, дело было не просто в перемене вкусов и моды на украшения. В это время в захоронениях появляется большое количество золотых дисков-брактеатов, также заметно меняются другие ритуальные практики.

В совокупности эти факторы демонстрируют явный разрыв с прежним образом жизни, фундаментальные отличия не только в характере расселения и экономических моделях, но и в убеждениях – в структуре разума. Мы можем сказать, что этот комплекс признаков наглядно свидетельствует о каком-то кризисе в конце периода Великого переселения народов, – но что на самом деле произошло и каков был результат? Что могло вызвать в жизни скандинавов такие глубокие перемены?

Слишком мало оснований считать, как когда-то предполагали ученые, что в период Великого переселения народов человеческая экспансия зашла слишком далеко: дело явно было не в чрезмерной эксплуатации природных ресурсов или перенаселении. На самом деле крестьяне раннего железного века, как и следовало ожидать, имели богатейший опыт взаимодействия с окружающей природой и хорошо знали ее потенциал. Они чередовали посевные культуры, столетиями использовали приусадебные и отдаленные участки земли, пользовались природными удобрениями и сочетали производство зерновых с масштабным животноводством, адаптированным к северному климату. Конечно, в этой модели имелись региональные отличия, обусловленные особенностями местной погоды и рельефа. То, что подходило для людей на залитых солнцем лугах в одной долине, могло оказаться непригодным для их соседей на противоположном склоне, где дольше держалась холодная тень. Очевидно, разные регионы Скандинавии следовали каждый своим путем, на который влияли не только условия окружающей среды и способы добывать пропитание, но и особенности местной политики.

Некоторые ученые предполагали, что усиливающаяся дестабилизация была вызвана военными действиями на континенте – борьбой фракций, вспыхнувшей там, когда власть Рима окончательно пришла в упадок. Сходную картину мы можем наблюдать на примере других конфликтов того времени: военные отряды, привыкшие к щедрым выплатам и активным боевым действиям, оказавшись предоставленными сами себе, иногда оборачивались против тех правителей, которые их наняли, или возвращались на родину и начинали активно искать неприятностей. В таких ситуациях возникает риск появления множества мелких военных вождей и своего рода гангстерской культуры, когда небольшие, но эффективные отряды полубандитского характера подрывают работу социальных институтов и сеют хаос среди мирных жителей. В культуре, не имеющей традиции официального историописания, даже самые глубокие травмы могут относительно быстро изгладиться, почти не оставив после себя материальных следов. Однако известно, что такие военные отряды *действительно* кочевали по Северу, и, вероятно, какое-то их количество заходило в Скандинавию. Недавно открытое место массового убийства в крепости Сандби-Борг на острове Эланд – уникальное свидетельство разбойных набегов, которые в действительности были, по-видимому, гораздо более распространенным явлением. Целые системы укреплений были воздвигнуты в этот период в прибрежной полосе от датского Борнхольма до Готланда, и дальше в глубь страны. Эти места часто страдали от нападений и поджогов – очевидно, зона конфликта простиралась от пролива Скагеррак до Центральной Швеции.

Другие исследователи предполагали, что решающую роль сыграли пришедшие с Кавказа гунны. Их вторжение во главе с Аттилой в Европу в начале V века принесло не только хаос и насилие, но и всевозможные новые веяния, в том числе в области искусства и философии. Считается, что гунны оставили особенно заметный след в религии, при этом проводятся параллели между некоторыми аспектами верований скандинавов и степных культур. К беспокойному VI веку апогей могущества гуннов остался далеко в прошлом, но примечательно, что память о них продолжала жить даже после окончания эпохи викингов. Вероятно, есть причина, почему Орда занимает такое видное место в легендарных сагах.

Другим фактором упадка, скорее всего, стал обрыв связей в сфере международной торговли и коммерческой экономики – даже вполне устойчивые системы могут пострадать, лишившись доступа к источникам внешнего снабжения (особенно если это происходит внезапно). Разрушение этих связей также наблюдается в конце V и VI веке.

Ученые долгое время тяготели к крайностям в интерпретации событий VI века, то представляя эти годы как кризис почти катастрофических масштабов, то, наоборот, подчеркивая устойчивость и преемственность развития в этот период. Эти крайности не только излишне упрощают проблему, но и подразумевают, что всюду царили одинаковые условия и что все местные общины в разных регионах реагировали на события одинаково. Конечно, это было

далеко не так. Также важно подчеркнуть, что «внезапный» упадок, о котором свидетельствуют археологические данные, иногда может быть результатом неточной датировки и хронологии и что процессы могли разворачиваться на протяжении десятилетий, а может быть, и дольше. Оставленные кладбища могли быть связаны с изменениями в поведении людей, а не с демографическими факторами, – такие вещи бывает трудно прочесть. Если речь идет о поселениях или кладбищах, следует также учитывать, что «упадок» мог на самом деле быть реорганизацией. Но, так или иначе, нет никаких сомнений в том, что в это время общество переживало какие-то серьезные трудности. Так называемый кризис эпохи Великого переселения народов, очевидно, должен был иметь ряд причин, действовавших в совокупности и сохранявших силу достаточно долгое время.

Вместе с тем растущий корпус совместных трудов ученых-натуралистов, историков и археологов позволил выявить в этой совокупности факторов кое-что еще: короткую последовательность событий, имевших столь огромные масштабы и последствия, что изначально ученые даже усомнились в их реальности. Все началось с экологического анализа образцов ледяных кернов, добытых в Гренландии и в Антарктиде, и выявления в них значительных слоев сульфат-аэрозолей – вещества, возникающего в результате извержения вулкана. Примерно в то же время усовершенствованные методы датировки по годичным кольцам деревьев показали, что найденные сульфат-аэрозоли хронологически соответствуют короткому периоду резкого сокращения роста лесов на обширных территориях по всему миру. В свою очередь, ученые-натуралисты заметили, что пылевые данные, указывающие на возвращение лесных массивов и утрату обрабатываемых земель, также совпадают с этим периодом времени. Все больше и больше данных, полученных из множества побочных источников, ясно указывают, что произошло либо одно климатическое событие, либо, возможно, несколько таких событий за короткий промежуток времени, в совокупности превратившихся в катастрофу огромных масштабов.

Поначалу историки отмахнулись от этих находок, а один из них даже назвал их «новейшей теорией Великой катастрофы». Но вскоре положение изменилось. После многих лет кропотливой работы по всему миру вулканологи и разработчики климатических моделей могут с уверенностью заявить: в 536 году и 539–540 годах произошло по меньшей мере два вулканических извержения почти беспрецедентной силы. Первое из них, вероятно, случилось где-то в тропиках, хотя его точное местоположение пока не установлено. Второе произошло на озере Илопанго на территории современного Сальвадора. Извержение было настолько мощным, что весь вулкан обрушился, оставив только затопленную кальдеру – ее можно видеть и сегодня, – достаточно большую, чтобы вместить столичный город.

Согласно оценкам, один только вулкан Илопанго произвел около 87 кубических километров выбросов, и эта цифра достаточно велика, чтобы задумались даже самые скептически настроенные научные авторитеты (да, речь идет о *кубических километрах*). Объемы выброса сульфатов, вероятно, достигали двухсот мегатонн, то есть были значительно выше, чем при извержении вулкана Тамбора в 1815 году, второго по мощности извержения в истории. Извержение Илопанго вошло в десятку крупнейших на Земле за последние семь тысяч лет, – и не забывайте, что ему предшествовало извержение до сих пор не обнаруженного вулкана в 536 году. Новое исследование также предполагает, что в 547 году за ними могло последовать *третье* крупное извержение.

Последствия были катастрофическими: вулканические выбросы и взвесь диоксида серы достигли нижних слоев стратосферы и опоясали весь земной шар. Над землей повис плотный густой туман, почти не пропускавший солнечный свет и тепло. По ночам в небе разворачивались колышущиеся полотна огненных цветов – словно продолжающийся месяц за месяцем закат (на знаменитой картине Эдварда Мунка «Крик» изображено как раз такое небо – во времена художника это был результат извержения вулкана Кракатау).

Ученые называют этот феномен пылевой завесой.

Последствия извержения были очень похожи на ядерную зиму. Деревья начали гибнуть, и, как показывают дендрохронологические данные, их рост замедлился. Холод не по сезону сковал Северное полушарие, в высокогорных областях Норвегии снег не таял даже в летние месяцы. Потерявший силу солнечный свет самым непосредственным образом повлиял на жизнь всех видов растений, включая зерновые, в буквальном смысле лишив их питания. Письменные источники из Китая и Индии рассказывают о неурожаях и пугающих погодных явлениях. Экологические данные от Северной Америки до континентальной Европы рисуют согласованную общую картину. В странах Средиземноморья авторы описывают голод, мятежи и усиливающееся народное недовольство, вызванное частыми неурожаями в условиях бесконечной зимы.

Но в Скандинавии экологические последствия оказались намного хуже. Там природные условия изначально были таковы, что людям приходилось прикладывать значительные усилия ради выживания: даже в лучшие времена сельское хозяйство оставалось крайне уязвимо к колебаниям температуры и другим климатическим факторам. Очевидно, средняя температура опустилась как минимум на два, а возможно, и на 3–4°. Согласно текущим оценкам (2019), временное понижение температуры составило примерно 3,5 °С. В Норвегии, где с самого начала только 3 % земель были пригодны для земледелия, этого было достаточно, чтобы система выращивания ценных зерновых культур пришла в полный упадок, и, как следствие, значительная часть страны стала непригодна для жизни. Возвращение лесов в те места, где когда-то возделывали поля, показывает, что во многих областях ведение сельского хозяйства полностью прекратилось. Вызванные извержениями вулканов кислотные дожди также могли повлиять на морскую фауну и флору и спровоцировать уменьшение улова, хотя здесь последствия были не такими тяжелыми, как в сельском хозяйстве.

Наиболее серьезные последствия извержения продолжались три года. В 2016 году группа ученых-климатологов предположила, что долгосрочные кумулятивные экологические последствия пылевой завесы в той или иной степени сохраняли силу до *восемидесяти лет*.

Мы видели, как это повлияло на характер расселения и сельское хозяйство, спровоцировав массовое оставление деревень и пахотных земель. Но, если говорить простыми словами, что это значило? Крестьянские хозяйства опустели, потому что людей не стало. Последствия пылевой завесы в буквальном смысле убили их. Те, кому удалось выжить, сражались друг с другом за то, что осталось. Кроме того, есть вероятность, что пандемия юстиниановой чумы, которая пронеслась по Европе в 541 году, дошла и до Скандинавии, усугубив бедственное положение региона, – в настоящее время северный рубеж распространения пандемии обнаружен на территории Германии.

Согласно оценкам, потери населения в Скандинавии достигали 50 % – эту цифру признают разумной как вулканологи, так и археологи. Десятки тысяч человек погибли голодной смертью, потому что основные источники пропитания просто перестали существовать. Для сравнения: считается, что бубонная чума («черная смерть») в середине XIV века унесла жизни 45–60 % европейцев. Во время Тридцатилетней войны 1618–1648 годов погибла примерно треть жителей континента. На восстановление численности населения после этих событий потребовалось более века.

Ситуация в Скандинавии, по-видимому, была настолько тяжелой, что это оставило след даже в религии. Ученые называют это явление геомифологией: люди придают особое значение природным явлениям и бедствиям, вписывая их в священные сказания. Геомифология в силу самой своей природы крайне неточна: изначально недоказуемая, подверженная предвзятости подтверждения и ограниченная отсутствием точных датировок в текстовых и археологических источниках. Однако есть веские основания предполагать в данном случае именно такую связь

– как ни парадоксально, эпоха викингов, похоже, возникла именно в тех условиях и на фоне тех образов, которые мы привыкли связывать с ее мифологическим концом.

Один из самых известных сюжетов скандинавских мифов повествует о гибели миров – ужасающей битве Рагнарёк, после которой боги и люди сгинут навеки. События, предшествующие викинговскому апокалипсису, имеют довольно специфические детали, неоднократно упоминаемые в разных текстах. Вот что пишет Снорри в Младшей Эдде: «Наступает лютая зима, что зовется Фимбульветр⁶. Снег валит со всех сторон, жестоки морозы, и свирепы ветры, и совсем нет солнца. Три таких зимы идут сряду, без лета»⁷.

Описание этого ужасного искажения времен года, Фимбульвинтер, или Великанской зимы, подозрительно похоже на то, как ученые описывают цикл непосредственных последствий извержения вулкана. То же самое можно найти в некоторых эддических песнях, в частности в «Прорицании вэльвы»:

И день затмится
В середине лета,
И быть ненастьям...⁸

Еще через несколько строчек мы снова читаем, что «солнце стало черным» – отчетливое и на удивление точное описание небесного затмения в преддверии Рагнарёка. Луна «гибнет» в пасти волка, который преследовал ее от начала времен. Солнце скрывается, звезды падают в море, и от их жара поднимается великий туман, окутывающий небо.

Похожие сюжеты есть и в мифологии соседнего народа: в финской Калевале рассказывается о надолго затянувшемся исчезновении небесных тел и затмении неба после того, как Хозяйка Северных земель похитила солнце и месяц. В описании прослеживается зловещее сходство:

Что там с месяцем за чудо,
Что там с солнышком случилось,
Что совсем не светит месяц,
Не сияет вовсе солнце.
...
Не восходит больше солнце,
Золотой не светит месяц.
...
Охватил мороз посевы,
На стада болезнь напала,
Птицы все затосковали,
Люди чувствовали скуку
Без сиянья солнца в небе
И без лунного сиянья⁹.

⁶ Иначе – Фимбульвинтер.

⁷ Пер. О. А. Смирницкой.

⁸ Пер. В. Г. Тихомирова.

⁹ Пер. Л. П. Бельского.

Рис. 6. Заход солнца. Поминальный картинный камень с острова Готланд, датируемый V или VI веком, с характерным изображением пылающего диска, предположительно символизирующего солнце, а также луны и звезд. В период климатического кризиса VI века, когда солнце потеряло силу, подобные изображения исчезли и больше не появлялись в искусстве Севера железного века. Этот камень из церкви Санда, его высота 3,5 метра. Музей Готланда. Фотография: Фредрик Стернер (Fredrik Sterner) (© *Gotlands Museum*)

Еще в одной версии текста, так называемой Старой Калевале, говорится, что солнце исчезло на долгие годы: «Настала бесконечная ночь, долгая непроглядная темень, черный мрак без единого лучика света. Пять лет длилась та ночь, и шесть лет не было солнца, и восемь лет не было луны».

По всей видимости, то, что в это время исчезает изображение пылающего солнечного колеса, до этого несколько тысяч лет остававшегося центральным мотивом скандинавской сакральной иконографии, тоже не простое совпадение. Солнце пропало, и люди отчаянно искали ему замену. Новую практику подношения золотых брактеатов (солнечных дисков?) и других драгоценных металлов можно рассматривать как кризисные ритуалы, безнадежные попытки призвать на помощь высшие силы, чтобы предотвратить быстро набравший силу раскол общества. Он прослеживается в древнескандинавской поэзии в описаниях не только междоусобиц и сражений, но и в разрушении обычаев и норм приличий. Снова из «Прорицания вэльвы»:

Век секир, век мечей, век щитов рассеченных,
Вьюжный век, волчий век – пред кончиною мира...¹⁰

В стихотворении говорится, что «брат будет биться с братом насмерть», «нарушат сестричи нравы рода; мерзко в мире, нет меры блуду»¹¹ – отсылка к инцесту и гибели целых семей. Кризисы середины VI века, вероятно, привели к широкому распространению на Севере всеобщего чувства упадка, и социальные связи, на которых держались скандинавские сообщества, начали утрачивать свою силу. Казалось, будто сама ткань существования на глазах расползается на лоскуты.

Очевидный довод против пылевой завесы как прообраза Фимбульвинтер заключается в том, что скандинавский мир вовсе не прекратил существование в середине VI века. Впрочем, здесь многое зависит от угла зрения и ретроспективной оценки, ведь на самом деле одна модель общества в самом прямом смысле погибла, не пережив потрясений того времени. Понятно, что вулканическая зима была не единственной и, возможно, даже не основной причиной этого. Но она подбросила дров в уже разгоревшийся костер и, безусловно, сыграла очень важную роль. То, что возникло затем из хаоса, *было* в некотором смысле совершенно новым миром, основанным на совершенно иных социально-политических принципах. Это новое рождение также воспроизводится в расширенном мифе о Рагнарёке, началом которого служит Фимбульвинтер, – впрочем, мы забегаем вперед.

Даже ветеранам и гражданским жертвам современных войн трудно представить себе гибель целой половины населения и последующий крах всех социальных институтов. Сегодня даже самые чудовищные бедствия с самыми шокирующими потерями разыгрываются все же на фоне более широкой и в целом гораздо более спокойной картины. Нетрудно представить: скандинавам VI века казалось, будто их мир неотвратимо рушится и сползает обратно в изначальную пустоту, из которой когда-то появился. В культуре, где сохранение и передача исторической памяти осуществлялись через устную традицию, было неудивительно, если и двести лет спустя пережитая трагедия рисовалась в рассказах по-прежнему живо и ярко, как ужасающее видение конца света и нового начала, составлявших часть более обширного цикла. В конце концов, предопределенность судьбы, неизбежность Рагнарёка и осведомленность богов о собственной грядущей гибели составляет постоянный мотив скандинавской мифологии.

¹⁰ Пер. С. Свириденко.

¹¹ Пер. Е. М. Мелетинского.

Однако не на всех кризис повлиял одинаково. В некоторых областях Восточной Норвегии явная разница прослеживается даже между отдельными районами, в зависимости от местной топографии, политических структур и внешних факторов изменения климата. На крайнем севере Скандинавии картина снова меняется, возможно из-за наличия морских ресурсов, в меньшей степени пострадавших от климатических явлений 530-х и 540-х годов. В некоторых районах вообще не было покинутых поселений и крайне мало других признаков упадка. Если одни области сильно пострадали, то другие, по-видимому, могли даже процветать за их счет – например, именно тогда, похоже, произошло перемещение центра власти из Западной Норвегии в восточный регион вокруг фьорда Осло, на территорию современных Эстфолда и Вестфолда, имеющих хорошо защищенный доступ к морю. Судя по всему, некоторые по-настоящему преуспели, воспользовавшись новыми возможностями и приспособив новую реальность к своим интересам.

Для скандинавов периода Великого переселения народов Фимбульвинтер (в сочетании с другими, более медленно действующими факторами) была концом, – но вместе с тем и началом чего-то нового, и именно начало здесь играет ключевую роль. Новые общества, сумевшие заново подняться на голых пустошах, оставленных годами без летнего тепла и света, создали принципиально иные общественные и властные структуры, и вместе с ними родился новый жизненный уклад, в котором скрывались ростки будущей эпохи викингов. Поэтому со временем археологи стали рассматривать перемены, произошедшие в начале позднего железного века, не просто как процесс восстановления, но скорее как взвешенный выбор, утверждение новых политических стратегий и возникновение новых форм власти – а именно возвышение военной знати.

Этим новым миром был Мидгард, родина скандинавов – тех людей, в чьем коллективном сознании он возник. Но как он выглядел?

В популярных представлениях, особенно при взгляде издали, Скандинавия по-прежнему рисуется царством льда и снега – архетипическим ледяным Севером. В действительности все обстоит совсем иначе: в регионе встречаются разные виды рельефа и климата, а разница сезонных условий считается одной из самых экстремальных в мире. Но в каком-то смысле этот стереотип верен, поскольку именно последствия последнего ледникового периода придали здешним местам те очертания, которые мы можем наблюдать сегодня.

Во всей Европе Скандинавия была одной из тех областей, где ледники держались дольше всего, а земля оставалась погребенной под слоем льда толщиной в милю, даже когда большую часть континента уже заселили кочующие охотники, рыболовы и собиратели. Примерно тринадцать тысяч лет назад, когда на Севере стало заметно теплее, ледники начали неторопливо таять, и их отступление промывало многочисленные фьорды, реки и озера, ставшие отличительной особенностью родины викингов. Кроме того, оно запустило еще один длительный процесс трансформации, продолжавшийся тысячелетиями и выразившийся в изменении относительного уровня моря. Вода с тающих ледников уходила в окружающий океан, и одновременно с этим земля, избавленная от их колоссального веса, расправлялась и поднималась. Скорость изменений в разных регионах была неодинаковой, но в целом относительный уровень моря постоянно опускался: со времен викингов некоторые части Центральной Швеции поднялись примерно на пять метров над тогдашней береговой линией. Это значит, что у людей того времени были более полноводные реки, по которым корабли могли зайти в глубь суши, чем сегодня, более глубокие гавани, обеспечивающие удобный доступ для крупных судов, и озера, к нашему времени успевшие обмелеть и высохнуть. Этот процесс продолжается даже сейчас – Центральная Швеция поднимается над уровнем моря со скоростью несколько миллиметров в год. В эпоху викингов и в предыдущие века ландшафт местами существенно отличался от того, как он выглядит сегодня, и имел гораздо больше открытых водоемов.

Из всех регионов Скандинавии следы отступающих ледников наиболее отчетливо видны в современной Норвегии. Медленно продвигаясь на запад, ледники пропахивали в материковой породе обширные углубления, которые затем заполнялись водой и превращались во фьорды, до сих пор остающиеся отличительной особенностью норвежского пейзажа. Изрезанная береговая линия протяженностью более 20 000 километров, возникшая в результате последнего оледенения, превратила Норвегию в морскую страну – для ее населения море всегда было основным источником средств к существованию. Цепи небольших островов на некотором удалении от берега создавали защищенные проходы, укрывавшие корабли от превратностей океанской погоды; благодаря этому морские пути превратились в основной способ сообщения. Большую часть суши Норвегии занимают горные хребты, которые тянутся друг за другом, образуя обширную гористую возвышенность, идущую с севера на юг вдоль всего Скандинавского полуострова. Климат здесь всегда был суровым и неблагоприятным, с губельно холодными зимами, глубокими снегами, укрывающими землю на много месяцев в году, и чередующимися циклами заморозков и оттепелей. На дальнем севере страны находится безлесная зона тундры, но дальше к югу фьорды окаймлены лесом.

Швеция была естественным образом отделена от Норвегии на западе горными хребтами. Около 60 % территории страны, расположенной за полярным кругом в высоких широтах, сегодня носит название Норрланд (буквально «Северная земля») и находится в зоне тайги, простирающейся далеко на восток, до равнин Сибири. Пейзаж здесь характеризуют гряды холмов, покрытых обширными хвойными лесами, из-за которых в эпоху викингов этот регион оставался практически непроходимым. Поэтому в Северной Швеции аграрные поселения были в основном сосредоточены вдоль берегов рек, пересекавших широкие долины и устремлявшихся на восток к морю. Во многом похожий уклад жизни наблюдался и в окрестностях норвежских фьордов.

В центральных и южных регионах Швеции хвойные леса редели и соединялись с лиственными, создавая более открытую лесную среду, местами напоминающую о континентальной Европе. Плодородные равнины с глинистыми почвами, устилающими гранитную материковую породу, образовали сельскохозяйственное сердце страны, усеянное озерами, возникшими, опять же, вследствие оледенения. Оставленные льдом гравийные гряды сформировали естественные пути сообщения вдоль судоходных водных путей. Климат здесь отличался ярко выраженной сезонностью и заметными годовыми колебаниями. На исходе эпохи викингов, во времена средневекового климатического оптимума, человек, живущий в Центральной Швеции, мог в течение одного года испытать на себе перепады температуры в диапазоне 50–60 °С, от снежной зимы до раскаленного жаркого лета.

Ландшафт Дании заметно отличается от ландшафта ее северных соседей и почти целиком состоит из низинных сельскохозяйственных равнин с легкой, но жирной почвой и большим количеством озер, топей и болот. В эпоху викингов большая часть холмистой местности региона была покрыта лиственными лесами, и тем не менее он оставался ведущим производителем в скандинавской аграрной экономике. Несмотря на разницу в масштабах и топографии, в Дании существовало такое же обширное мореходное сообщество, как в Норвегии, и в стране не было мест, удаленных от моря более чем на 45 километров. Фьорды глубоко врезаются в сушу, особенно на севере, хотя здесь они обрамлены не скалами, а невысокими холмами. В Дании не было крупной дичи, как у северных соседей, однако она сочетала морские ресурсы с обширным производством зерновых, что стало возможным благодаря плодородным почвам равнин.

Согласно оценкам, в период Великого переселения народов в V и VI веках в прибрежных районах и внутренних сельскохозяйственных центрах Скандинавии возникло от 40 до 50 политических единиц. Их следы можно обнаружить в археологических находках, соотнести

(до определенной степени) с довольно смутными упоминаниями в более поздних письменных источниках и связать с географическими регионами, границы которых в основном определялись особенностями рельефа.

Трудно понять, как назывались эти крошечные центры власти. Первый собственный этноним (название народа), известный нам в Норвегии, относится непосредственно к эпохе викингов, более того, происходит из самого раннего сохранившегося описания Скандинавии со слов одного из ее жителей. Он содержится в примечательном английском документе, зафиксировавшем уже упоминавшийся в прологе разговор между Альфредом Великим, королем Уэссекса, и гостем, прибывшим к его двору в 880-х годах. В документе этот человек назван *Ohthere*, но на родном языке его, скорее всего, звали Оттар, и, по-видимому, он был родом откуда-то с Лофотенских островов в арктической Норвегии. По словам английского писца, увековечившего эту встречу, Оттар называл свою страну *Nordveg*, что на древнескандинавском языке звучало примерно так же и имело то же значение: «Северный путь». Это был в буквальном смысле проход, которым следовали на север, – очевидно, имелся в виду морской маршрут вдоль побережья Норвегии. Жившие там люди, соотечественники Оттара, назывались «люди севера», и точно такой же смысл сохраняется в современных названиях «Норвегия» и «норвежцы». Вот слова Оттара, сохранившиеся в староанглийском тексте:

Он сказал, что земля северян очень длинная и очень узкая. Все земли, пригодные для выпаса скота и пахоты, лежат у моря, и даже там они местами весьма каменисты; восточнее же вдоль возделанных земель тянутся дикие горы.

Трудно представить себе более лаконичное и точное описание.

О том, существовал ли универсальный этноним, которым называли свою землю или самих себя люди, проживавшие в первом тысячелетии н. э. на территории современной Швеции, нам ничего не известно. Есть некоторые признаки того, что в столетия, непосредственно предшествующие эпохе викингов, политическая и, вероятно, этническая идентичность были регионально ориентированными. Южную и Центральную Швецию, главным образом территории к югу от Норрланда, в основном делили между собой две народности, хотя мы затрудняемся подобрать название, которое точно отражало бы характер их политического объединения. Дальше на юг, вокруг больших озер Венерн и Веттерн и вплоть до границы с глухими лесами Смоланда, распространились гауты, или геты (которых на английском иногда записывают как готов, что создает нежелательную путаницу). Они занимали регион Гёталанд, что в наши дни широко отражается в восточных и западных провинциях с таким названием.

К северу от них, сосредоточившись в долине Меларен и на соседних обширных равнинах, селились свеи (*Sviar*, современный вариант написания – *Svear*). У этого наименования множество форм, но самое широкое распространение получила одна из них, *Svíþjóð*, что на западном древнескандинавском означает «народ свеев», и так же иногда обозначается их территория, Свеаланд. Именно эти люди дали свое имя всей стране (на современном шведском языке *Sverige* буквально означает «королевство свеев»). Несмотря на номинальное объединение, Швеция оставалась политически раздробленной по этим линиям вплоть до Средних веков, и вопрос социально-политических отношений между Свеаландом и Гёталандом до сих пор стоит достаточно остро и вызывает определенную степень напряженности даже сегодня.

При всем этом политическое устройство Швеции в эпоху викингов значительно отличается от такового в Норвегии, где процесс политического объединения начался гораздо раньше, и еще больше – от Дании, которая, по-видимому, достигла определенной степени социальной и политической сплоченности задолго до своих северных соседей. Самое раннее упоминание названия Данамарк (*Denamæarc*) встречается в том же упомянутом выше староанглийском тексте, рассказе норвежца Оттара о своей родине и путешествиях во время встречи с королем

Альфредом. Латинское название ее жителей, *Dani* («даны»), имеет долгую историю, и археологические находки явно свидетельствуют, что региональная идентичность здесь сформировалась относительно рано.

Отчасти причина этого кроется в географии, в связи полуострова Ютландия с материковой Европой и архипелагом, состоящим из четырехсот с лишним островов, охраняющих вход в Балтийское море через проливы Скагеррак и Каттегат. В этой области как минимум за полтысячелетия до эпохи викингов образовались весьма тесные социальные связи и широко распространилась единообразная культура, следы которой найдены от Ютландии до крупных датских островов Зеландия и Фюн и материковой части современной Южной Швеции. Этот последний регион был отделен от центральных озерных земель Швеции естественной границей густого леса и холмов – сегодня это провинция Смоланд. Район к югу, состоящий из Скане и части провинций Блекинге и Халланд, считался в культурном и политическом отношении частью Дании не только в Средние века, но и позднее, и официально вошел в состав Шведского государства лишь в конце XVII века.

Помимо трех основных областей Скандинавии с прибрежными архипелагами, каждая из которых в начале эпохи викингов была разделена на множество небольших государств, было несколько крупных островов в Балтийском море, где существовали отдельные самобытные культуры, также принадлежавшие к расширенной скандинавской сфере. К ним относятся Борнхольм к востоку от датского острова Фюн, острова Эланд и Готланд, лежащие у южного и центрального берегов Швеции, и протяженная цепь Аландских островов между Швецией и нынешней Финляндией. Все они отличались умеренным климатом, подходящим для оседлой жизни и сельского хозяйства, и выгодным расположением относительно морских путей, ведущих через Балтийское море и далее.

В этой книге речь идет в основном о людях, составлявших большинство населения того региона, который мы сейчас называем Скандинавией. Если отвлечься от проблем терминологии и наименования, викинги были носителями индоевропейских языков, происходили с севера континента и проживали на территории современных Норвегии, Швеции и Дании. Но они были там не одни. Полукочевой народ саамов, не играющий в этой книге значительной роли, также широко расселился в этих местах, занимался охотой, рыбной ловлей и собирательством и активно взаимодействовал со своими «германскими» соседями.

О происхождении саамов ничего не известно, хотя генетические и лингвистические данные свидетельствуют о том, что они мигрировали из Южной Европы на север, в Скандинавию, приблизительно в каменном веке. Много копий было сломано вокруг вопроса о том, кто «пришел первым» в эти места, а значит, какой народ – скандинавы или саамы – может претендовать на звание коренного населения Скандинавии. Совершенно ясно, не в последнюю очередь благодаря языку, что эти две группы имели принципиально разное национальное самосознание и культуру. В последние годы высказывались предположения, что их этничность сформировалась намного позже, в железном веке, и отражала, по сути, разницу между образом жизни оседлых земледельцев и кочевых охотников. Но, хотя эти крайне непохожие стратегии поиска пропитания, безусловно, сосуществовали, нет никаких оснований предполагать, что они были взаимоисключающими, и еще меньше – что они выражают собой некую разновидность саамско-скандинавской дихотомии.

Совершенно очевидно, что к эпохе викингов и скандинавы, и саамы прочно обосновались в Скандинавии и жили здесь на протяжении тысячелетий. Сегодняшняя территория расселения саамов, Лапландия, пренебрегая геополитическими границами северных стран, занимает северные районы Норвегии, Швеции и Финляндии, а также небольшую часть России на Кольском полуострове. Однако в эпоху викингов саамы селились и гораздо южнее. Захоронения, устроенные по очевидно саамскому обычаю, характерные остатки временных становищ из

круглых палаток с каменными очагами в центре и отдельные предметы, украшенные в распространенном среди саамов художественном стиле, были обнаружены в окрестностях графства Тронделаг в центральном регионе Норвегии и даже немного севернее Осло, а в Центральной Швеции – в Уппсале. Национальное самосознание – более сложный вопрос, его нельзя свести лишь к орнаментам или погребальным обрядам, но в совокупности масса данных выглядит достаточно убедительно, особенно в сравнении с окружающими поселениями столь же типичного «скандинавского» вида.

Одни саамы разводили одомашненного северного оленя (в Северной Америке это животное называют карибу) и весьма основательно использовали все ресурсы, которые он мог дать, включая молоко для ежедневного пропитания и в конечном итоге мясо и сырьевые материалы. Другие охотились и ставили ловушки на лесных зверей, дававших мясо и мех, или ловили рыбу в реках, озерах и на побережьях. Саамы были людьми гор (в этом популярны современные представления о них достаточно верны), но, кроме того, они были людьми рек, северных таежных лесов и тундры.

Однако прежде всего саамы были людьми бубна – священного инструмента, основного рабочего инструмента, которым пользовались их *нойды* (антропологи назвали бы их шаманами). Религиозные представления и практики саамов имели глубокую связь с верованиями других околополярных культур и радикально отличались от скандинавских верований. В период раннего Нового времени, когда миссионеры пытались обратить саамов в христианство, нередко посредством грубой силы и через целенаправленное уничтожение их духовных ценностей, появился новый термин, обозначающий стремительно тающее прошлое и старые обычаи и традиции, восходящие к эпохе викингов и даже раньше: *goabdesájgge* – «время бубнов» на луле-саамском языке. Читая эту книгу, не следует забывать о том, что время викингов тоже было временем бубнов.

Таким образом, в Скандинавии эпохи викингов присутствовали две самобытные группы населения, жившие в непосредственной близости друг от друга – иногда в одних поселениях и даже в одних домохозяйствах, – и более или менее сотрудничавшие, но при этом придерживавшиеся собственных обычаев и создававшие непохожие виды материальной культуры. Саамы, по-видимому, не принимали активного участия в политической консолидации Севера, хотя были интегрированы в его экономику. Однако поддержка со стороны их общин, живущих в лесах и горах, могла служить важным фактором стабильности и сохранения власти.

В Норвегии первые государства сосредоточивались во фьордах (с намерением контролировать морские пути) и на небольших полосках пригодной для обработки земли в долинах. В Швеции более крупные государства располагались в районе центральных и южных равнин и озер, а мелкие были сосредоточены в устьях рек на севере, что позволяло держать под приглядом водные пути, направлявшиеся с гор вниз. В Дании – регионе, территориально менее обширном и с более плоским рельефом, а также более близком к союзам великих держав на континенте – зарождающиеся государства были еще крупнее: косвенные подвижки к ускоренному политическому объединению ощущались здесь еще в раннем железном веке.

Эти миниатюрные владения, по-видимому, считались королевствами, хотя на взгляд современного человека были крайне малы. Важнейшим элементом новых властных структур было право на владение землей, которое, в свою очередь, зависело от того, каким образом эта земля была приобретена. В общественном укладе, возникшем после Фимбульвинтер, право на землю, по-видимому, снова сосредоточилось в руках меньшинства и распределялось между всеми остальными в форме аренды. Практика заочного землевладения (отсутствующего землевладельца), вероятно, возникла задолго до пылевой завесы 536 года, но после этого явно начала активно расширяться. Такого рода передача земель могла происходить насильственным путем, или, возможно, пустующие хозяйства – пустующие, поскольку их обитатели погибли

либо ушли в другие места, – просто присваивались, и в этом контексте вооруженный захват сам по себе становился легитимным обоснованием права собственности.

В дальнейшем совершившийся де-факто захват земельных владений стремились закрепить и упрочить с помощью разнообразных и разносторонних мер. Об этом говорит строительство величественных залов и «королевских» резиденций для новых «монархов». На это указывает раздача земельных наделов проверенным военным сторонникам, чьи верность и силовая поддержка помогали подняться к власти и служили надежной гарантией ее сохранения. Это проявляется в энергичной поддержке внутреннего и внешнего торгового обмена, обеспечивавшего приток предметов роскоши, необходимых для платы приближенным. Это прослеживается в создании фиктивных родовых традиций, подтверждающих законное право на власть через связь с богами и легендарными предками и подкрепленных религиозными ритуалами в честь этих воинственных покровителей. И наконец, по окончании земного пути это проявлялось в сооружении погребальных курганов, превосходивших размерами все существовавшее прежде, – незыблемого проявления власти, воздвигнутого на виду у всех и каждого. Средоточием всех этих усилий были конкретные люди, самозванные представители объединений, созданных по их воле и отчасти их же руками, делавшие первые шаги к основанию династий, которые должны были перенести память о них в будущее.

Новая знать целенаправленно заполняла собой пустоту, оставшуюся на месте римской власти, которая когда-то служила для нее политической ролевой моделью, и даже имитировала символический язык бывшей имперской власти: восходящая к богам родословная, портретные изображения и величественные памятники (в том виде, как это понимали в Скандинавии). В этом нет ничего удивительного, поскольку эти люди или их непосредственные предшественники были хорошо знакомы с Римской империей и ее визуальной культурой. Они никогда не были полностью изолированы от того, во что превратился Рим. Власть на Севере стала отождествляться с демонстрацией власти, причем эта демонстрация производилась достаточно незамысловатыми визуальными средствами, с тем, чтобы смысл увиденного не вызывал ни у кого сомнений.

Учитывая экологические проблемы VI века и их последствия, мы в самом буквальном смысле можем считать эту новую знать продуктом своей среды. Более того, каждый самопровозглашенный скандинавский король в дальнейшем делал окружающую среду продолжением самого себя, поскольку он вместе со своими дружинниками оставлял определенный след на земле и в жизни людей. За двести лет, непосредственно предшествовавшие эпохе викингов, эта система в том или ином виде распространилась по всему Северу, расширяясь и укрепляясь с каждым последующим правителем каждого крошечного королевства. В этот процесс также были вовлечены все их сподвижники и последователи, их семьи и их арендаторы. Такие правители и такие народы населяют поэзию эпохи викингов, истории о предках и предания, благодаря которым прошлое оставалось близким. Эпическая поэма «Беовульф», хотя это староанглийский текст, рассказывает исключительно скандинавскую по духу историю о данах, свеях и гетах, об их войнах и распрях и об их культуре, величайшей ценностью в которой считалась честь. Смутные отголоски общих воспоминаний, а иногда и упоминания одних и тех же людей появляются в исландских легендарных сагах. В каждом случае главными героями выступают представители семейных династий: Инглинги, Скъьльдунги, Вельсунги и другие. Это были новые богачи и добившиеся всего сами люди железного века, с боем прорвавшиеся к власти и создавшие крошечные миры по своему образу и подобию. Один историк назвал таких военно-феодальных правителей неистовыми авантюристами, и он был прав.

Этот жизненный уклад отразился в монументальных курганах и огромных залах, остатки которых до сих пор можно увидеть в таких местах, как Гамла-Уппсала (буквально – «Старая высокая палата») в шведском Уппланде, Борре в норвежском Вестфолде и Лейре близ Роскилле в Дании. В них сходятся воедино признаки, знакомые нам с более ранних времен, в част-

ности претензии на исключительность и важность принадлежности к определенной группе. Воинственные обычаи процветали, опираясь на идеи благородного товарищества, узы долга и клятвы взаимной поддержки. В некотором смысле они представляли собой усовершенствованную версию той идеологии, которая существовала в Скандинавии по крайней мере с бронзового века. Выстроенные вокруг явления, которое один ученый назвал «красота воина», они сочетали в себе эстетику насилия, культ верности и поражающую воображение материальную культуру убийства.

Все королевские курганы в Уппсале относятся к категории кремационных захоронений, поэтому все богатства, которые когда-то в них лежали, превратились в обугленные обломки, но археологам все же удалось восстановить золотые шейные гривны, шлемы, оружие, усыпанное гранатами, и привезенные из-за рубежа предметы роскоши. Данные с других площадок, таких как Хогом в Норрланде, позволяют понять, какую одежду носили эти люди: облачения, полностью сшитые из ярко-красной ткани, с золотыми пуговицами, вышитые по подолу и рукавам золотой и серебряной нитью. Вероятно, все это сверкало и переливалось при каждом движении – такой наряд никак нельзя было назвать скромным.

В нескольких километрах от Уппсалы находится могильное поле Вальсгарде, место захоронения, по-видимому принадлежавшее одному обширному клану на протяжении всего железного века. Здесь было найдено около пятнадцати погребальных кораблей, по одному на поколение, с великолепным убранством: огромные щиты, иногда по три в одной могиле, с декоративными накладками с изображениями животных и переплетающимися узорами, тяжелые боевые копья и позолоченное оружие, украшенное характерным красно-золотым клуазонне с гранатами.

Высшим символом в системе социальных сигналов были мечи с кольцами, неоднократно встречающиеся в стихах и во множестве представленные среди археологических находок – оружие, в рукоять которого в буквальном смысле вбиты золотые кольца. Это был знак верности в бою, принесенной и принятой клятвы верности, отличительный знак полководца. Среди артефактов больших ладейных захоронений VI и VII веков самое глубокое впечатление производят шлемы с боевыми масками, полностью закрывавшими лицо, иногда дополненными защищавшим нижнюю часть головы и шею кольчужным занавесом. Их поверхность состоит из десятков небольших пластинок, украшенных рельефными сценами из северной мифологии: крошечными пешими и конными воинами, чудовищами, крылатыми существами, оборотнями и, вероятно, даже богами войны. Эти люди были ходячей иллюстрацией своего мировоззрения. В захоронениях также найдены останки бойцовых собак в шипастых ошейниках с поводками из цепей, и ловчих птиц, приученных к запястью. Ладьи были окружены забитыми животными – лошадьми и крупным рогатым скотом, чья кровь, вероятно, глубоко пропитала землю. Украшены были даже сами корабли: планшир щетинился завитками железных спиралей, вероятно имитирующих гриву драконьей головы, установленной на носу корабля.

Это были люди, которых любой мог узнать с первого взгляда, выделявшиеся из толпы везде, куда бы ни направлялись, – буквальное воплощение иерархии.

В Швеции первое из обнаруженных захоронений такого типа – ладейное захоронение в Венделе, в Уппланде, – дало название целому периоду, приблизительно с 550 до 750 года, двум векам, предшествовавшим эпохе викингов. В терминологии имеются расхождения: в Норвегии вендельский период называется меровингским, а в Дании он соединяется с эпохой Великого переселения народов и называется германским железным веком.

Новый общественный порядок распространялся на всех членов общины, не только на элиту, состоявшую преимущественно из мужчин. На Вальсгарде ладейные захоронения чередуются с кремационными захоронениями и погребальными камерами, во многих из которых находились женщины, похороненные с такими же статусными предметами, как и владельцы кораблей. Считать, будто эффектные ладейные захоронения важнее остальных, – не более чем

современный предрассудок. Стихи того времени подчеркнута воспевают могущество королей, которые блистали в высоких залах и подносили самопровозглашенным героям хмельной мед в украшенных драгоценными камнями чашах.

Необходимо также оценить масштабы этих погребальных пейзажей. Только на территории центральных шведских провинций Уппланд, Содерманланд и Вестманланд, окружавших озеро Меларен (а значит, имевших выход к Балтийскому морю), имеется около трехсот монументальных курганов диаметром более 20 метров. Это намного превышает размеры любого обычного кургана, и эти захоронения – могилы новых «королей», их знатных сподвижников и высокопоставленных членов их свиты. Сходную картину можно наблюдать на западе Швеции и, с гораздо меньшим размахом, на севере.

Сопоставив эти захоронения с картой, можно оценить размеры дружин, находившихся в распоряжении у этих военных вождей. Судя по могильным курганам, в районе Уппсалы, вероятно, могло быть от 40 до 50 предводителей такого же ранга, как похороненные в ладьях Вальсарде, и за ними стояли отряды численностью, вероятно, от пяти до восьми сотен воинов. Если бы они захотели отправиться в плавание, для их перевозки потребовалось бы около 50 ладей вальсардского типа. Такую «армию» короли Уппсалы приводили с собой на войну.

Некоторые аспекты монументальных захоронений вызывают и другие вопросы – например, в некоторых крупных ладейных погребениях найдены саамские палаточные тенты из бересты с характерным выжженным орнаментом. Ими накрыты некоторые погребальные корабли; с точки зрения саамов, это превращало все судно в могилу, обустроенную согласно их обычаям. Трудно понять, что это означало, – возможно, дипломатический подарок, что-то вроде похоронного венка, который в наше время высокий гость из другой страны может возложить на могилу современного политика, или нечто более интерактивное? Так или иначе, похоже, что тесные отношения между скандинавами и саамами существовали на самом высоком уровне.

Охватившие Север общественные изменения коснулись и домов крестьян: даже планировка и внешний вид построек изменились сообразно новому укладу домашней жизни. Произошел переход от общинных застолий под открытым небом и приготовления пищи в земляных печах к культуре закрытых залов, которая с меньшим размахом воспроизводилась в домах сельских жителей.

Архитектура построек имела особое значение для новой идеологии Севера, поскольку спектакль новой власти требовал подобающей сцены и декораций. Именно с этого времени прослеживается подъем зальной культуры. По сути, зал был преемником традиционного скандинавского длинного дома, с жилой зоной, преобразованной в специально открытое для обозрения общественное пространство. Кухонная зона была отгорожена с одного конца и находилась вне поля зрения, личные покои правителя располагались по другую сторону и были также отделены от главного зала. Эти постройки имели разные входы для гостей разного ранга и иногда приемные помещения или вестибюли, где можно было оставить броню и оружие, прежде чем получить допуск в главный зал.

В центре зала располагались длинные очаги. По обе стороны от них тянулись помосты со скамьями, на которых сидели гости. Позднее, после того как мебель уносили, они могли там же улечься спать. В одном конце комнаты либо в середине длинной стороны стояло высокое кресло хозяина зала, притягивавшее все взгляды. Гостей радушно приветствовали – их присутствие в какой-то мере придавало смысл всему происходящему и диктовалось угрюмой логикой обязательного и взаимного гостеприимства, входившего в кодекс поведения знати. Зал служил местом выражения взаимного признания, рассказов за пирами и выпивкой (особенно выпивкой), вручения и получения колец и других знаков щедрости, с помощью которых правитель контролировал своих людей, а те, в свою очередь, добивались осуществления его воли среди народа. Кроме того, зал был в высшей степени гендерно дифференцированным пространством и изобилует символикой, связанной с ролями мужчин и женщин.

В зале была своя словесная валюта, особый язык самовосхваления и заказного прилюдного величания, максимально доходчиво раскрывающий идею силы и власти, заложенную в архитектуре и убранстве здания. Зал был местом обитания поэзии и ее знатоков – скальдов. В сложном бесписьменном обществе, таком как вендельская, а затем и викингская Скандинавия, одной из важнейших задач поэта было изложить емким запоминающимся языком все то, что людям необходимо знать, и позволить им сохранить важные сведения из своего коллективного прошлого. Со временем этот замысел разросся и стал частью самовоспроизводящегося механизма, приводящего в движение эти общества. Сегодня мы можем спросить, что значит то или иное стихотворение, но для скальдов этот вопрос не имел никакого смысла. Сплетая свои сложные словесные полотна, они просто позволяли вещам, о которых шла речь, полнее проявить свою истинную суть.

В каком-то смысле жизнь историй позднего железного века была неразрывно связана с обстановкой человеческого жилища и колеблющимся светом от очага, будь то в длинном доме крестьянина или в эпическом пространстве зала. Внутри собирался тесный круг рассказчиков и слушателей – снаружи была темнота. В величайшей раннесредневековой поэме «Беовульф» знаменитый королевский дворец Хеорот воспринимается почти как один из главных героев истории. Здесь королевские палаты олицетворяют цивилизацию, свет, славу, почести, память, историю и веселье, в то время как за стенами таятся (а в поэме буквально врываются внутрь, выломав двери) чудовищные порождения хаоса и ночи.

Многие древнескандинавские стихотворения подробно и многословно рассказывают о деяниях королей и доблести героев, часто противопоставляя их менее достойным поступкам людей низшего происхождения. В стихах представлены разнообразные сложные размеры и схемы рифмовки, фигуры речи и игра слов. Кроме этого, существовала богатая традиция поэтических сравнений, или кённингов, в которых соединяли несколько ключевых характеристик предмета, чтобы вызвать его мысленный образ или указать на него метафорически. Так, океан назывался «дорога китов», корабль – «конь волн», а мысли человека уподоблялись волнам, набегающим на берег моря-разума. Людей часто сравнивали с деревьями, что почти наверняка было отсылкой к истории Ясеня и Вяза. В этой системе поэтических образов люди были «стволами», на которые опирались другие предметы, – так, мужчину можно было назвать «дерево оружия», а женщину – «дерево драгоценностей» и так далее, при этом руки и запястья были «ветвями», на которые предметы могли усаживаться, словно птицы. Игру света на оружии или доспехах уподобляли блеску солнца на поле разбитого льда. Всякому, кто сомневается в изощренности скандинавского ума позднего железного века, стоит лишь обратиться к поэзии того времени, этому неиссякаемому источнику чудес. О том, как к людям пришло подобное искусство, был сложен отдельный миф.

* * *

Когда война между божественными народами закончилась, асы и ваны скрепили между собой мир, плюнув в общий сосуд, и создали из слюны человека. Его имя было Квасир; он знал ответы на все вопросы и мог разгадать любую загадку. Во время странствий Квасира подстерегли и убили два гнома, которые смешали его кровь с медом, чтобы приготовить напиток, содержащий в себе всю силу поэзии. Затем, совершив еще множество злодеяний, гномы столкнулись с великаном и были принуждены отдать ему напиток, чтобы спасти свою жизнь. Слава о меде распространилась по миру, но его бдительно охраняла в недрах горы дочь великана, Гуннлёд. Один пытался обманом проникнуть в гору, чтобы попробовать зелье¹². В конце концов он смог проскользнуть в каменные недра, обернувшись змеем, и соблазнил Гуннлёд.

¹² В этом эпизоде с характерной жестокостью упоминается убийство девяти рабов. – *Прим. автора.*

С ней Один провел три ночи. Она разрешила ему сделать три глотка меда, но он вместо этого осушил сосуд до дна. Затем, превратившись в орла, Один полетел обратно в Асгард, по пути ускользнул от погони великанов и изbleвал мед в сосуды, принесенные другими богами.

* * *

В этой истории присутствуют все отличительные черты Одина: изобретательность, насилие, секс как средство обмана, воровство, смена облика и победа. С тех пор поэтический дар стал подвластен богу, и поэтому настоящий скальд считался удостоенным особой благосклонности богов и мог по праву восседать на королевском троне.

Залы и зальная культура были движущим механизмом, сердцем нового скандинавского порядка. Давайте заглянем внутрь – это увлекательное зрелище.

Многолетние раскопки в Гамла-Уппсала позволили обнаружить ряд изумительных королевских дворцов, расположенных на поднятых террасах в самой высокой точке местности. Они возвышались над окружающей равниной и были видны на многие километры вдаль (именно это и значит слово Уппсала – «высокие палаты»). Главное строение имело 50 метров в длину и 12 метров в ширину и, вероятно, было двухэтажным. Это была одна из самых грандиозных построек Севера. Внутренними опорами крыши служили целые деревья, вкопанные на несколько метров в землю. От равнины к двойным дверям дворца вел просторный подъездной пандус шириной 3 метра. В какой-то момент здание сгорело, многие детали интерьера сохранились, а фрагменты креплений были тщательно собраны и захоронены в качестве заключительного подношения около стен и ям для опорных столбов.

Картину дополняют десятки железных спиралей, найденных вдоль линий стен и скученных вокруг дверей, – самая маленькая из них длиной с палец, самая большая – размером с предплечье. В бревенчатые стены зала было вбито множество согнутых в спираль железных шипов. Такие же спирали найдены на кораблях в расположенных неподалеку ладейных захоронениях Вальсарде, и можно предположить, что для жителей региона они служили каким-то символом. Еще более глубокое впечатление производят украшения из металлических полос на дверях: спирали, завитки и другие узоры, похожие на украшения дверей в средневековых церквях (очевидно, эта традиция намного старше, чем считалось ранее). Кроме того, заслуживают упоминания дверные петли: это были настоящие наконечники копий, согнутые ударами молота в кольцо и обращенные острием к центру. Чтобы попасть в зал, нужно было пройти через ворота, собранные из оружия, что наводило на мысли о чертогах Одина, Вальхолле, – еще одна отсылка, выгодная для королей Уппсалы.

В датском Лейре, резиденции королей из рода Скьельдунгов (где также, вероятно, располагался дворец Хеорот из «Беовульфа»), на гребне холма были откопаны ряды королевских дворцов, возвышавшихся над равниной так же, как дворцы в Уппсале. Они тоже тянутся почти на 50 метров в длину, но здесь дворцовый комплекс окружен хозяйственными постройками, мастерскими и культовыми сооружениями, которые археологи недавно начали распознавать на шведских площадках. Размеры залов менялись в зависимости от климата. Самый большой из них, Борг на Лофотенских островах в арктической Норвегии, имеет длину *80 метров* – такого же размера, как средневековый собор в Тронхейме, построенный на несколько столетий позднее. Мало кому в наши дни доводилось видеть такие масштабные деревянные сооружения. Они действительно воплощали в себе концепцию эпического пространства.

Такого рода архитектура распространилась по всему Северу. Похожие примеры, пусть и не столь грандиозные, встречаются во многих местах. Их можно найти в Борре и Каупанге в Норвегии, где находился Скирингсаль, Сияющий зал. Обнаруженные археологами печи для обжига извести указывают на то, что залы в Тиссо в Дании имели побеленные стены; о сход-

ном обычае у континентальных германских племен писал римский историк Тацит примерно за 700 лет до этого. Вероятно, эти огромные здания ослепительно сверкали на солнце.

С помощью археологии, некоторых подсказок из письменных источников и небольшой доли воображения мы можем представить себе, какие сцены в них разыгрывались. В частности, у нас есть более поздние описания, например замечательный эпизод из саги XIII века об Эгиле Скаллаgrimссоне. Знаменитого воина-поэта и его людей принимают во дворце его смертельного врага. Взаимная ненависть клоочет в железных оковах правил гостеприимства. Подают изысканные кушанья, по кругу снова и снова передают рог, полный эля, в тусклом дымном свете почти не разобрать, что происходит рядом. Звучат бесконечные тосты, мужчины падают и засыпают пьяным сном или извергают выпитое – кому-то при этом удастся добраться до дверей, а кому-то нет. Женщины настороженно следят за происходящим, подносят пиво и еду, стараясь держаться от пирующих подальше. Напряжение, готовое вот-вот взорваться, через минуту сменяется пьяным дружелюбием. В любой момент может вспыхнуть смертоубийственная драка, спровоцированная неосторожным (или, наоборот, хорошо обдуманном) словом.

И снова мы можем обратиться к эпической поэме «Беовульф», где развернуто описаны воинственные идеалы и обычаи, царившие в королевских залах. Вот молодой герой Виглаф, сын Веостана, готовый до последнего защищать своего повелителя, увещевает товарищей вспомнить свои клятвы:

То время я помню,
когда в застолье
над чашей меда
клялись мы честью
служить исправно
кольцедробителю,
нас одарившему
одеждой битвы,
мечами, кольчугами,
коли случится
нужда в подмоге!
Из многих воителей
себе в попутчики
избрал он лучших,
сильнейших героев —
копьеметателей,
храбрейших кольчужников,
сочтя нас достойными
дела смелого¹³.

Такие стихи декламировали у очага.

Свет огня отбрасывал тревожащий отблеск, придавая владыкам залов потусторонний вид. В стихах упоминается, что они не снимали шлемы в помещении – нетрудно представить, как мерцающее рыжее пламя очага оживляло рельефные изображения на чеканных металлических пластинах. Лица вождей терялись за массой движущихся фигур и танцующих теней. На некоторых декорированных шлемах при свете огня мог возникать эффект отсутствия одного глаза – для этого на некоторых участках клуазонне выборочно исключали золотую подложку. Одноглазый владыка как заместитель одноглазого бога Одина, верховного покровителя нового

¹³ Пер. В. Тихомирова.

королевского клана, – возможно, это воспринималось как олицетворение, почти как превращение.

Свою лепту в обстановку зала вносили и гости. Во многих дворцах археологи находят небольшие прямоугольные пластинки из чистой золотой фольги, тонкие, как бумага, и покрытые штампованными изображениями. Среди них есть человеческие фигуры, поодиночке или парами, делающие церемониальные жесты – указывающие на что-то, обнимающиеся или целующиеся – или держащие руки в таких специфических положениях, что это явно должно что-то значить. Обычно фигуры стоят в профиль, но иногда видны спереди. Их одежда и прически изображены с большим вниманием к деталям и могут служить для нас важным источником сведений о моде, гендерно дифференцированной одежде и социальных сигналах. В руках они держат посохи, оружие, рога для питья и чаши. Фигурки окружены бордюром из золотых бусин или переплетающимися узорами. Некоторые фигурки не вытиснены на золотой фольге, а вырезаны из драгоценного металла по контуру, словно бумажные куклы. Часть из них представляет явно не людей или богов, а нечто совершенно иное: странные, раздутые формы – возможно, чудовища или существа из другого мира. Пластинки из фольги обыкновенно сгруппированы вокруг отверстий для столбов, поддерживавших крышу, и, вероятно, когда-то крепились непосредственно к столбам с помощью смолы или подобного клейкого вещества.

В некоторых местах были найдены штамповочные матрицы, предназначенные для массового производства пластинок из фольги, и, очевидно, в разных дворцовых комплексах преобладали вполне определенные мотивы – другими словами, тот или иной узор обозначал конкретное место или его жителей. Возможно, пластинки из фольги были чем-то вроде роскошных визитных карточек или посольских жетонов, которые гости вручали хозяину и которые затем крепили на видные места в зале. Многочисленные повторяющиеся изображения из фольги на опорных столбах указывают на повторные визиты и, следовательно, на щедрый прием. Чем больше разнообразие пластинок из фольги в одном месте, тем известнее был владыка, принимавший гостей из самых разных областей. Вероятно, при свете очага фольга тоже блестела, и исполинские столбы, поддерживающие крышу, сквозь дым казались скоплением сияющих золотых огней.

Но каким образом все это оплачивалось и обеспечивалось?

Торговля с дальними странами не была новостью для Скандинавии. В бронзовом веке торговые сети охватывали всю Европу, и даже после их сокращения в начале железного века под влиянием Римской империи на Север пришли инновации и импорт. Но эти связи также пострадали в период упадка империи, что сыграло существенную роль в кризисе периода Великого переселения народов, и, возможно, даже было одной из его причин. Давно известно, что военным правителям до наступления эпохи викингов каким-то образом удавалось укреплять и даже перестраивать и расширять зарубежные связи, но недавние исследования показали, что эти связи простирались намного дальше, чем было принято считать, – далеко за те пределы, которые не так давно считались последними рубежами, известными жителям Севера.

При раскопках в мастерских шведских ювелиров были обнаружены тайники с гранатами, привезенными в виде сырья из Индии и Шри-Ланки. Возможно, похожим путем (через Персидский залив, а затем по суше караванными путями либо через Красное море к средиземноморским портам) прибывала и слоновая кость. Таким же образом доставляли римские драгоценные украшения и стекло, а также византийские изделия из металла. Были найдены сердоликовые бусины из Синда, драгоценные раковины каури из Аравии, даже шкурки ящериц из Бенгалии. На месте поселения возле погребальных курганов Саттон-Ху в Восточной Англии, совпадающего по датировке с вендельскими могильниками в Швеции, было обнаружено декорированное ведро из Египта. Список можно продолжать – археологи только сейчас начинают выяснять, как функционировали эти сети и как далеко они простирались, пытаются

отследить перемещавшиеся по ним предметы. Последнее довольно убедительное предположение состоит в том, что в VI–VIII веках Север, по сути, представлял собой западную оконечность Великого шелкового пути, простиравшегося в конечном итоге до Танского Китая и государств Силла и Бохай в Корее, а в VIII веке до Японии (периода Нара).

Скандинавская знать разработала продуманные стратегии доступа к этим коммерческим сетям. Чтобы участвовать в столь обширной торговле, нужно было иметь готовые запасы товаров, пользующихся спросом за рубежом. Что это были за вещи и откуда они брались? За последние десять лет археологических исследований выяснилось, что новые правители не только поощряли обмен престижными подарками и пользовались иностранными товарами, но также создали взаимовыгодные сети межрегиональной торговли *внутри* Скандинавии, добившись, чтобы ресурсы одного маленького королевства эффективно дополняли природные богатства другого. В итоге продукция даже самых отдаленных районов Севера могла отправиться в набирающие силу королевства на побережье, а затем влиться во внешнюю торговлю.

Открытие этой транзакционной экономики влечет за собой переосмысление всей структуры крестьянского хозяйства, от которого зависел процесс производства и перевозки товаров – в частности, традиционной концепции приусадебного участка (области непосредственно вокруг крестьянской усадьбы, где выращивались зерновые) и отдаленных участков. Отдаленными участками обычно считались пастбища, расположенные на некотором расстоянии от усадьбы, на возвышенных лугах, и окраины, имевшие тем не менее определенную пользу для животноводства, использование которых в более суровом микроклимате носило сезонный характер. Теперь нам ясно, что «отдаленные участки» как условная экономическая зона могли на самом деле отстоять на сотни километров от тех мест, которые они снабжали, а значит, необходимо дать новое определение тому, что они собой представляли, – и, что еще важнее, для чего были предназначены.

Рассмотрим лишь несколько примеров. Промышленное производство смолы стабильно росло и расширялось в течение всего позднего железного века, при этом продукция шведских лесов пользовалась особым спросом на море, так как смолу использовали для защиты древесины и парусов. Этим ремеслом шведы продолжали заниматься вплоть до XIX века. Аналогичным образом на юге Швеции были найдены шкуры медведей, на которых охотились в далеких северных лесах – шкуры отправляли морским путем вдоль побережья от устьев рек Норрланда. Параллельный обмен связывал звероловов Емтланда на границе Норвегии с покупателями в долинах Швеции. Таким образом, все эти районы служили «отдаленными участками» для земледельческих общин, расположенных на другом конце Скандинавии, такими же, как пастбища домашнего скота, лежащие в нескольких сотнях метров от приусадебных участков.

К отдаленным участкам относились даже районы глубоководного рыбного промысла в Атлантическом океане. Так, кит, забитый в арктических водах близ норвежских Лофотенских островов, мог дать китовый ус, из которого вырезали фигурки для популярной настольной игры *хнефатафл*, партию которой вы могли выиграть в шведской Уппсале, или пластинки для глажки, на которых какой-нибудь древний датчанин разглаживал свою льняную рубашку. Список подобных товаров постоянно расширяется.

Не все эти процессы и явления были спровоцированы кризисом и его последствиями. Например, охота на лося и северного оленя с помощью ловушек явно активизировалась в V веке еще до того, как поселения начали массово приходить в упадок. Массовая эксплуатация отдаленных земель, начавшая набирать обороты в VI веке, отчасти представляла собой развитие уже существовавших тенденций, хотя, возможно, в новых условиях они развивались намного активнее. Ясно, что по крайней мере с VI века (а возможно, и намного раньше) в Скандинавии существовали торговые связи между крайним севером и югом, между востоком и западом, а также с материковой частью Европы. Но именно расширенное использование внутренних отдаленных участков (в том новом смысле, о котором шла речь выше) приносило тор-

говые изделия (в частности, шкуры и меха) для активного зарубежного обмена и в значительной степени послужило основой расширения мелких королевств.

Таким образом, эксплуатация отдаленных участков с VI века и далее послужила своего рода экспериментальной тренировочной площадкой для широкой коммерческой экспансии эпохи викингов. Разница в том, что в довикингский период товары в основном стекались в Скандинавию, по-видимому через посредников на общей торговой арене в Балтийском море и на его берегах. А в эпоху викингов скандинавы сами отправлялись по суше и по морю за интересующими их иноземными товарами к местам их производства.

С начала VI века и далее мы также можем наблюдать резкий подъем производства железа, которое шло на изготовление оружия, доспехов и корабельных гвоздей. Это не только подтверждает развитие новой экономической инициативы, как в случае с другими товарами, – специфика использования железа указывает на то, что Скандинавия вооружалась.

В этот период крупных изменений Скандинавия вовсе не была отрезана от Европы, и происходящие перемены не ограничивались только Севером. Были налажены активные связи с государствами на территории современной Польши, приграничными районами Германии, Северной Италией, Венгрией и другими странами. Трудно с определенностью утверждать, какой именно характер носили эти связи, однако нет никаких сомнений в том, что мобильные вооруженные отряды неустанно извлекали выгоду из отступления Римской империи. Если в Скандинавии начал складываться «новый Север», то во Франции точно так же с оружием в руках создавали свои королевства Меровинги, чьи устремления простирались вплоть до Южной Германии; по другую сторону Альп, в Италии, власть захватывали лангобарды, а в приграничных районах Дании усиливали свою хватку саксы.

В тот же послеримский период на юге Британии появились первые поселения северогерманских народов, которые в последующие столетия стали англичанами и в конечном итоге сформировали государство, носящее их имя. Особенно тесные связи существовали между Восточной Англией и норвежскими и шведскими долинами, и в том или ином виде эти связи сохранялись всегда. В знаменитом ладейном захоронении в Саттон-Ху (около 625 года) были найдены шлем, церемониальные одежды и комплект вооружения, которые вполне уместно смотрелись бы в Швеции, – и действительно, как минимум часть этих предметов была, по-видимому, импортирована из Уппланда. Более того, одна из узорчатых пластинок шлема была отпечатана с помощью матрицы, изготовленной в той же мастерской, из которой вышла матрица, найденная в королевском кургане в Уппсале, а детали погребальных ритуалов указывают на общий набор ценностей и политических воззрений. Идеи и убеждения довикингского периода – неважно, вендельским или меровингским называют его сегодня ученые, – беспрепятственно распространялись на всех берегах Северного моря.

И, хотя этот момент не следует переоценивать, нельзя не отметить, что в новых обществах, возникших после кризиса периода Великого переселения народов, наблюдался бурный расцвет воинственной идеологии, опирающейся на бескомпромиссный кодекс чести, торжественные клятвы верности и обязательное кровавое возмездие. Эти ценности выразились в расцвете экспансионистской элитной культуры залов, культуры знати, чье высокое мнение о себе подогревалось постоянным стремлением к войне. В основе всего этого лежала более тесная, чем когда-либо, связь с семьей и родными – нерушимые кровные узы стали последним оплотом общественной устойчивости. Нетрудно разглядеть во всем этом стремление оградить себя от памяти о далекой катастрофе VI века.

Таким образом, эпоха викингов строилась из элементов, возникших за двести с лишним лет до ее начала, – среди них медленный упадок послеримской власти, опосредованные последствия этого в виде экономической и военной нестабильности на Севере и авантюрные гамбиты тех, кто пытался всем этим воспользоваться. И без того нестабильная ситуация была

усугублена природной катастрофой в 530-х годах – небеса померкли, заставив северян усомниться в самих основах веры в богов. Пылевая завеса длилась и длилась – «три таких зимы идут сряду, без лета» – урожай погибал, и общественные связи начали слабеть. Затем начался голод, а после многолетняя борьба за остатки. По-видимому, половина всего населения Скандинавии погибла, и это действительно было предвестием Рагнарёка. В следующие десятилетия и века Север оправился от удара, но перекроил себя на новый лад и стал совсем другим миром. В этом времени можно найти истоки почти всего, что было дальше: социального и политического уклада, экономики и международных торговых связей, обрядов и мировоззрения, а также общей предрасположенности к насилию.

3

Социальная сеть

Каждый человек в Скандинавии эпохи викингов существовал в расширенном домашнем и семейном кругу и был вписан в систему социальных норм, связывающих людей друг с другом. Самыми важными были узы родства, кровного или приобретенного через установленные обычаи, такие как брак. Мужчин, в частности, могли соединять особого рода формальная дружба или политические союзы, закрепленные в личных связях. Все эти хитросплетенные и далеко простирающиеся нити были тем не менее достаточно прочными. Любые аспекты жизни, от выбора брачных партнеров до заведенных в доме и хозяйстве порядков, и даже то, как люди одевались и что ели, зависели от того, какое место человек занимал внутри этой социальной сети. Эти структуры, эти взаимоотношения и все то огромное множество предметов, которыми пользовались в повседневной жизни, и составляли подлинную основу общественного уклада викингов, физически сосредоточенного в пространстве дома и усадьбы. Их следует изучать в совокупности.

И здесь быстро возникают сюрпризы. Например, многие браки у викингов были полигинными: мужчины могли брать в жены больше одной женщины, хотя каждая женщина могла иметь только одного мужа. Кроме того, существовал институт конкубината, который во времена викингов был весьма далек от сразу приходящего на ум стереотипного образа восточного гарема; это также способствовало возникновению между мужчинами и женщинами разнообразных сложных связей.

Археология позволяет всесторонне реконструировать детали этой социальной сети, от типов архитектурных сооружений до еды на столах и поведения людей. Пожалуй, именно здесь викинги особенно отчетливо выступают полной противоположностью стереотипному образу «волосатых варваров». На самом деле мужчины и женщины эпохи викингов отличались опрятностью и даже щепетильностью в отношении своего внешнего вида – и в этом нет ничего удивительного, поскольку они жили в мире, где визуальная составляющая имела огромное значение. Их одежда, имущество, мебель, дома и средства передвижения были украшены так же щедро, как их кожа. Этот всеобъемлющий мир символов и знаков выходит далеко за пределы понятия искусства, и здесь кроется еще одна причина радикального отличия викингов от их современников.

Большинство людей эпохи викингов, о которых мы узнаем из археологических раскопок и письменных источников, относилось к категории так называемых свободных земледельцев (широко распространенное условное наименование). В какой-то степени это верно, однако важно не путать свободу с равенством. В обществе эпохи викингов существовало глубокое расслоение, и место индивидуума на социальной лестнице во многом зависело от доступных ей или ему ресурсов в виде земель, собственности и, не в последнюю очередь, поддержки других людей. Безземельный человек стоял всего в полушаге от обнищавшего и несвободного.

Семья и родство были тем связующим элементом, на котором держались общины железного века, и это становилось особенно заметно в те времена, когда действие этого социального клея ослабевало, как произошло во время кризиса VI века. Большинство людей принадлежало к сельскому среднему классу *boendr* (крестьян-бондов) и проживало в безопасном пространстве *hjón* – домохозяйства. Оно не всегда было независимым: иногда обитатели усадьбы арендовали ее или были обязаны выплачивать те или иные налоги и подати землевладельцу. Здесь же, под этим кровом, существовал дающий защиту семейный круг.

Тесные связи между людьми распространялись и на их отношения с землей. Чтобы подтвердить притязания на землю, в нее закапывали личные вещи, иногда специально пере-

ломленные, чтобы подчеркнуть, что люди намереваются остаться здесь надолго. Возможно, заклады, сделанные в пределах земельного участка, предназначались для предков, а за его чертой – для иных существ. Такие знаки накапливались из поколения в поколение, на границах владений вырастали могильные курганы, сами границы обозначали каменными памятниками, и со временем можно было говорить уже не только о том, что люди владеют землей, но и о том, что земля владеет людьми.

Трудно сказать, сколько человек проживало в средней усадьбе эпохи викингов, но, вероятно, она не слишком отличалась от хозяйства предыдущих столетий. По приблизительным оценкам, на небольшом участке обычно проживало от семи до десяти человек: нуклеарная семья из родителей и детей, один или два пожилых родственника и, возможно, два-три работника. В более крупных поместьях число обитателей могло вырасти до тридцати или сорока – там жили расширенные семейные группы вместе со слугами и было гораздо больше подневольных людей.

Узы брака скрепляли и узаконивали семейную жизнь, но здесь существовало множество нюансов. В эпоху викингов брак был соглашением прежде всего между семьями, а не между отдельными людьми. Он служил инструментом создания и адаптации родственных структур и ролей, социальных и политических иерархий. Большое значение придавали не только кровным узам, но и тщательно спланированным любовным отношениям – последние могли иметь даже больше веса, чем первые. Например, удачно заключенный брак мог обеспечить не только высокий социальный и политический статус отдельным людям и их родственникам, но также, в некоторых случаях, гарантировать их выживание в период конфликтов. Мужчины прибегали к разнообразным стратегиям поиска брачных партнеров, что позволяло им доминировать в вопросах семейной дипломатии. От этого, в свою очередь, зависели внутренние домашние отношения, политика и конфликты.

Сватовство представляло собой череду сложных маневров, и девушек могли сватать довольно рано, уже в возрасте тринадцати лет, хотя свадьбу часто откладывали до тех пор, пока будущей невесте не исполнится шестнадцать. В «Саге о Гуннлауге Змеином Языке» некая Йофрид успела овдоветь, прежде чем вышла замуж за Торстейна, – к тому времени ей было восемнадцать лет. Впрочем, в этом нет ничего удивительного. Мужчины часто вступали в брак в намного более зрелом возрасте, а это значило, что многие женщины вскоре вдовели и снова выходили замуж. В браке женщины сохраняли за собой право на свое имущество. Приданое собирала не семья невесты, а семья жениха – это был *mundr*, выкуп за невесту. В «Саге о союзниках» человек сетует, что ни одна из его дочерей еще не вышла замуж, поскольку не нашлось ни одного мужчины, достаточно богатого, чтобы дать за них выкуп.

Чем выше человек продвигался по социальной лестнице, тем более хитросплетенными становились социальные сети и тем больше последствий имел каждый его шаг. На самых высоких уровнях брак представлял собой в первую очередь альянс двух семей, рычаг и залог укрепления власти, стратегический шаг, направленный на защиту далекоидущих интересов знати. Существовавшие у разных социальных слоев свадебные обычаи, по-видимому, тоже заметно отличались, и то, что считалось приличным у знати, вероятно, имело мало общего с тем, как все происходило в глубинке. В эддической «Песни о Риге» описывается сложно организованная статусная свадьба с прекрасными тканями и множеством церемоний. Другую крайность рисует эпизод из «Саги об Эгиле Скаллагримссоне», в котором один земледelec за унцию золота покупает дочь другого земледельца, чтобы «справить с ней неполную свадьбу» – остальное нетрудно себе представить.

Разводы были вполне обычным делом, и жена имела такое же право инициировать развод, как и муж. Женщина могла сослаться на множество причин, включая простую неудовлетворенность. В «Саге о Ньяле» женщина уходит от мужа из-за его полового бессилия – это считалось достаточным основанием для развода. В «Саге о Гисли» женщина угрожает разво-

дом мужу, возражающему против ее супружеской неверности. Также веской причиной считалась крайняя бедность – вина мужа, который не обеспечивает свою семью. Немалая часть прошений о разводе подавалась вследствие насилия в браке, хотя травмы, о которых идет речь в таких случаях, настолько серьезны, что степень терпимости к мужской агрессии в целом была, по-видимому, довольно высока.

Исключительно важен тот факт, что браки в эпоху викингов могли быть полигинными. Существование этой практики вызвало в научных кругах обширную полемику, причина которой не вполне ясна, поскольку упомянутый факт имеет вполне надежные подтверждения. Возможно, это снова напоминает о живучести стереотипов и указывает на то, какие характерные черты эпохи викингов люди готовы (или не готовы) принять. Упоминания о мужчинах, имевших нескольких жен, есть в сообщениях арабских путешественников, встречавших их на территории современной России в X веке. Более века спустя, около 1070 года, германский священник Адам Бременский писал о свеях: «У человека, в зависимости от его достатка, бывает одновременно две, три или более женщин, а у богатых людей и князей их и вовсе без счета». Ранее в том же сочинении он рассказывает о затруднениях своего друга, короля Дании, которого осудили за женитьбу на кузине, и добавляет, что вскоре после этого тот «взял себе других жен и наложниц, а затем и других». Это информация из первых уст о человеке, которого Адам знал лично. Примечательно, что в этих источниках проведено различие между женами и наложницами.

Некоторые упоминания о полигинии встречаются в корпусе древнескандинавской литературы. Эддическая «Песнь о Хельги Хьёвардссоне» начинается с пролога, описывающего четырех жен короля. В «Саге о короле Харальде Прекрасноволосом» говорится, что у него «было много жен», и в том же отрывке перечислены имена трех из них. Далее уточняется, что он мог жениться в очередной раз лишь при условии, «что отошлет прочь девять своих жен». Скальдический стих рассказывает о разных районах Норвегии, откуда были родом эти женщины, а из предыдущих глав становится ясно, что кроме жен у короля были также наложницы. В «Саге о Харальде Суровом (Сигурдссоне)» также есть краткое упоминание о том, что король взял вторую жену.

Обычай многоженства совершенно недвусмысленно подтвержден исландскими юридическими источниками и существовал долгое время после принятия христианства (вряд ли это было нововведение, принесенное христианской церковью). Один законоговоритель (обязанностью которого, как следует из названия, было дословно запоминать и декламировать законы) был одновременно женат на женщине и ее дочери. Папа был вынужден дважды направлять послания к исландскому духовенству, протестуя против этой практики (распространенной в том числе и среди самого духовенства), но даже в XV веке священников еще продолжали хоронить вместе с многочисленными женами и детьми, как, например, в Скридуклаустуре. Этот обычай носил эвфемистическое название *bi-fruar*, что переводится примерно как «побочные жены». Два исландских епископа были удостоены канонизации в числе прочего и потому, что они были единственными во всей стране священнослужителями, соблюдавшими целибат. Брак, как один из главных инструментов власти, всегда стремились взять под контроль, поэтому в правящем классе многоженство просуществовало намного дольше, чем среди простых людей.

Корпус надписей на рунических камнях поздней эпохи викингов из Центральной Швеции включает множество текстов, где упоминаются супружеские отношения, но почти нигде в них не названо больше одной жены. Звучит противоречиво, но на самом деле это не так. Во-первых, ясно, что полигинные браки почти всегда имеют внутреннюю иерархию, сравнительный статус жен в которой неодинаков, и нет никаких оснований полагать, что в надписях, где речь зачастую идет о наследстве и земельных правах, будет упомянут кто-то, кроме «главной жены». Во-вторых, что еще важнее, почти все шведские камни относятся к XI веку (конец

эпохи викингов) и обычно имеют вполне ясный христианский контекст. Учитывая недвусмысленное, закрепленное законом отрицание церковью многоженства, было бы удивительно, если бы в надписях на камнях *действительно* упоминались такие отношения. Есть только два исключения – надписи на камнях из Уппинге в Содерманланде и из Бракста в Упланде, – в которых говорится о двух женах одного мужчины. В надписях на камнях из Центральной Швеции упоминаются многочисленные сводные братья и сестры, предположительно от разных родителей, что вполне согласуется с тем, что один каменный памятник обычно устанавливали на средства нескольких семей. Совсем другую картину рисуют надписи на юге Швеции, где христианство распространилось намного раньше и где установку камня чаще всего оплачивал только один человек.

За рамками брака и предшествующего ему обручения существовала еще одна разновидность официальных отношений – конкубинат, имевший большое значение в контексте сексуальной политики. Существовали разные категории конкубината, которые оформлялись в виде устной договоренности и имели в каждом случае собственный словарь. Сюда относились любовные связи, организованные с целью объединения могущественных семей и укрепления политических связей, или в рамках комплекса взаимных обязательств, занимавшего центральное место в общественной жизни скандинавов. Прочие виды этих отношений, по сути, сводились к сексуальному партнерству, в некоторых случаях построенному на основе изначально возникших (или появившихся со временем) теплых чувств.

Женщины эпохи викингов формально не инициировали и не управляли развитием этих отношений, хотя, возможно, в некоторых случаях они способствовали формированию более или менее одобряемой обществом эмоциональной привязанности за пределами брака, нередко заключенного без любви. Тем не менее из юридических кодексов ясно, что мужчины (которые писали законы) отводили себе в подобных отношениях главенствующую роль. Более того, женщина, которая становилась наложницей, теряла для своей семьи право получить выкуп за невесту, поскольку она не выходила замуж, но все же была «сговорена».

Характерно, что у мужчины одновременно могло быть не только больше одной жены, но и больше одной наложницы. При этом каждая из участвующих в этих отношениях женщин, независимо от своего статуса, была связана только с одним мужчиной. В родовых сагах, хотя их не всегда можно назвать абсолютно надежным источником, также упомянуты несколько случаев подобных отношений. В «Саге о людях из Лососей долины» женатый мужчина покупает невольницу, чтобы сделать ее своей наложницей. В «Саге о людях из Ватнсдаля» другой женатый мужчина официально имеет сексуальные отношения с наложницей, которая позже рождает от него ребенка. В «Саге о Ньяле» главный герой открыто признает перед женой свою добрачную связь, и на сцене опять же появляется ребенок от этого союза.

Женщин могли принудить к сожительству против воли, хотя формально это считалось незаконным. Бывали случаи, когда местные правители похищали дочерей своих арендаторов либо не оставляли им другого выбора, кроме как отдать женщин. Обычно женщин удерживали какое-то время, а затем отпускали. Выдвигались предположения, что это была демонстрация силы со стороны знати – разновидность рэкета, вымогательства под предлогом защиты или даже что арендаторы пытались таким образом подольститься к землевладельцам (известны случаи, когда крестьяне недвусмысленно предлагали своих дочерей королям). Поэтические источники позволяют с той же степенью уверенности предположить, что эта практика могла иметь отношение к обрядам плодородия, за которое местный правитель отвечал как представитель богов. Реальность вполне могла быть где-то посередине между этими вариантами и меняться в зависимости от обстоятельств, но в любом случае согласие женщины в расчет не принималось. Появившееся тогда обобщающее наименование наложницы, *frilla*, просуществовало до раннего Нового времени в качестве пейоратива, подразумевающего сексуальную доступность,

распушенность или даже открытую проституцию, – все это на условиях, продиктованных мужчинами.

Обращенные в рабство женщины тоже могли стать наложницами, что в какой-то степени (но, вероятно, не слишком большой) защищало их от сексуального насилия, нередко составлявшего неотъемлемую часть их жалкого существования. В сагах упомянуты несколько женщин, которым удалось использовать такие отношения как ступеньку к лучшей жизни – например, в «Саге о людях из Лососьей долины» знатная женщина из Ирландии по имени Мелкорка, захваченная во время набега и ставшая рабыней, в конце концов выходит замуж в Исландии. В «Беовульфе» величавую датскую королеву Вальхтеов, хозяйку дворца Хеорот, повсюду незримо сопровождает напоминание о тех временах, когда она была всего лишь захваченной в бою пленницей: по мнению некоторых исследователей, ее имя означает «чужеземная рабыня».

Кроме брака и сожителства, дававших начало новым родственным связям, в социальных отношениях эпохи викингов имелся еще один компонент, в более поздних письменных источниках носящий название *vináttá*. Это слово буквально означает «дружба», но в те времена оно имело несколько иные коннотации и отличалось от нашего современного понятия. Древнескандинавские *vinr*, друзья (в современных скандинавских языках тоже есть слова *venner* и *vänner*), были не только близки как братья по оружию – их объединяли сложные связи примерно того же характера, что и признанные обществом узы родства. Специфика и роль этой дружбы в жизни общества особенно заметны с X века, но ее основные законы прослеживаются уже в начале эпохи викингов. Эти социальные сети состояли исключительно из мужчин, однако у них был и женский аналог: женщина тоже могла опереться на свои связи и поддержку подруг.

Дружба у викингов служила еще одним способом заручиться взаимной помощью при отсутствии в обществе иных надежных гарантий поддержки и безопасности. Возникающие в результате частично перекрывающиеся одна другую социальные сети служили ключевым фактором относительно мирного общественного сосуществования. Дружбу скрепляли дарением подарков, например, правитель одаривал своих приближенных, что влекло за собой установленную законом обязанность отплатить взаимностью.

Ключевым элементом этих отношений (для мужчин) было взаимное заступничество, которое понимали не только как защиту непосредственно в битве, но и в целом как необходимость заботиться об интересах друзей. Это позволяло поддерживать друг друга во время судебных разбирательств, но вместе с тем это подпитывало сложную динамику вражды. Мужчина мог быть связан с правителем клятвой верности и подчиняться законам насилия, пронизывающим зальную культуру. Однако если перед началом сражения замечали, что в войске противника находится друг этого человека, то, по данным некоторых источников, враждующие стороны могли сделать попытку договориться о перемирии, чтобы избежать щекотливой ситуации, не заставляя друзей сражаться один против другого и не подвергая испытанию прочность их клятв по отношению друг к другу и к вождям, что никому не принесло бы пользы. Система официальной дружбы существовала также между вождями и королями и распространялась даже на богов.

Семья, независимо от ее состава, предполагает семейную жизнь и ведение домашнего хозяйства. Основной единицей поселения в Скандинавии эпохи викингов была усадьба, *garðr* или *gård*, уже знакомое нам понятие, обозначающее замкнутое жилое пространство. Именно здесь происходили почти все события в круговороте сельской жизни, мало отличавшейся от жизни в следующие века. В некоторых эддических поэмах сохранились примеры незамысловатой философии, нечто вроде афоризмов о жизни на земле. Прочитаем «Речи Высокого»:

Пиво пей у огня,

по льду скользи,
коня купи тощего,
меч – заржавельный,
корми коня дома,
а пса – у чужих¹⁴.

В усадьбе обычно имелось центральное строение – прямоугольный длинный (или не слишком длинный) дом, чаще всего деревянный. Крышу поддерживали вертикальные опоры, образующие внутри три прохода, стены были сделаны из плетня (сплетенных гибких веток), обмазанного глиной. Деревя в регионе было вдоволь, и в домах у некоторых состоятельных людей стены делали из цельных досок, закрепленных горизонтально между столбами либо вертикально на поперечных балках. Если была возможность, нижнюю часть стены складывали из камня, чтобы защитить дерево от земляной сырости. В районах с более суровым климатом остро стоял вопрос сохранения тепла, и стены были толще, с каменной сердцевиной, обложенные тяжелыми кусками дерна. Ими же могли выстелить крышу. Для защиты от непогоды также использовали древесную кору, которую укладывали под соломенную кровлю. По-настоящему богатые люди могли позволить себе покрыть крышу своего высокого зала деревянной черепицей.

В этом общем помещении происходила большая часть повседневных дел – здесь ели, спали, занимались домашними ремеслами. Обстановку можно было легко поменять, принеся постельные принадлежности и расстелив одеяла или, наоборот, быстро убрав вещи. Если требовались дополнительные места для сидения, приносили несколько простых табуретов. Имущество хранилось в надежно запертых ящиках и сундуках (замки – частая находка при раскопках) или в мешках. Мясо и травы сушили под крышей или коптили на огне. Разнообразные вещи убрали на платформы, пристроенные к стропилам, – это был не столько полноценный второй этаж, сколько удобное место для хранения. Продукты держали в бочках и часто в них же консервировали.

Центральная «гостиная» жилых домов – будь то обширное пространство зала, тесная хижина или городское жилище – была плохо освещена даже днем. Свет проникал через дверь, в очень редких случаях через маленькое окошечко, затянутое кожей или закрытое ставнями, или падал через дымовое отверстие. Внутри могли зажечь масляные лампы, сделанные из глины, камня или металла и дававшие мягкий слабый свет, – их ставили на плоскую поверхность или вешали на гвоздях на стены. Основным источником света и тепла служил очаг в центре, со всех сторон обложенный камнями для надежной защиты от искр – пожар представлял большую опасность для любых деревянных строений.

По вечерам очаг становился всеобщим местом сбора. Это было главное пространство для приготовления пищи – готовили в глиняных сосудах, которые ставили прямо в тлеющие угли, на решетке или на железных сковородках, в котлах, подвешенных над очагом на цепях или треногах. Глиняная посуда была в основном очень простой, но в некоторых домах пользовались более качественной славянской чернолощеной керамикой. В богатых домах попадалась керамическая посуда с континента, особенно из Германии, доставленная по суше через датскую границу, – глазурованные кувшины, миски, подобие сита и даже керамика из Рейнланда, украшенная серебристой фольгой, которая красиво блестела, особенно если ее намочить.

Обычно люди собирались поесть вокруг умиротворяющего огня очага. Почему-то, когда речь заходит о застольной культуре викингов, мы до сих пор представляем себе что-то вроде сцены в таверне из фильмов про Средневековье, где все безудержно пьянствуют, хохочут во все

¹⁴ Пер. А. И. Корсуна.

горло и рвут зубами куски мяса, а на заднем плане обязательно происходит драка. Реальность была совсем другой, и в ней присутствовала разнообразная и изысканная кухня.

Умению вести себя за столом придавали большое значение. Каждый живущий в эпоху викингов носил с собой карманный нож – небольшой утилитарный предмет для повседневных нужд, особенно для еды. Ножи имели самое широкое распространение и встречаются почти в каждом захоронении. Отдельные образцы могли быть богато украшены, но все они имели одно и то же практическое назначение. Не менее важным инструментом был точильный камень. Счет таких находок тоже идет на тысячи – это были маленькие прямоугольники из камня, часто с отверстием и петлей для подвешивания. Большинство из них очень простые, но попадаются и сделанные из полосатого разноцветного сланца, выбранного не только за функциональность, но и за красоту. Независимо от внешнего вида, точильные камни оставались важной составляющей повседневного набора инструментов.

Большие длинные вилки с двумя зубцами использовали для подачи мяса из котлов и других больших кухонных сосудов, но вилки как индивидуальный столовый прибор не были известны. Ложки и черпаки делали из дерева или рога и часто украшали. Еда по большей части была жидкой или полужидкой, в виде густых бульонов и рагу, каш и похлебок.

В простых домах еду подавали в деревянных мисках или тарелках. Посуда, обработанная на токарном станке, была выше качеством и имела гладкую, приятную на ощупь поверхность. На рынках такие предметы, произведенные мастерами с помощью специального оборудования, пользовались большим спросом. Самым примитивным вариантом была деревянная миска, вырезанная или выдолбленная вручную, грубая, но выполняющая свою задачу и, пожалуй, обладающая своеобразным очарованием. Тарелки и разделочные доски из дерева часто встречались даже в богатых домах, хотя там они могли быть украшены резьбой. Металлическую посуду имели очень немногие. В некоторых случаях пищу выкладывали вместо тарелки на кусок хлеба, который затем съедали.

Целая докторская диссертация была написана только о хлебе викингов, и именно в таких деталях повседневной жизни по-настоящему проступают подлинные живые краски их мира. По данным погребений и поселений по всей Центральной Швеции, в особенности захоронений в Бирке, нам известно по крайней мере девять разных видов хлеба: выпеченные в формах прямоугольные буханки; нанизанные на тонкую проволоку круглые буханки; овальные булочки; тонкие, мягкие, складывающиеся лепешки, испеченные на круглой рифленой сковороде, – своего рода скандинавская тортилья, в которую заворачивали еду; тонкие и сухие круглые хрустящие лепешки с отверстием посередине, чтобы подвешивать их для хранения (такие и сегодня можно купить по всей Скандинавии); как минимум два разных вида печенья; маленькие шарики из жареного теста; хрустящие закуски в форме восьмерки, напоминающие претцели или, точнее, существующую и сейчас разновидность шведской выпечки под названием *kringlor* (крендели). Хлеб пекли из лущеного ячменя и овса, особенно тонкую выпечку – иногда из пшеницы, и очень редко из ржи.

Способы выпечки хлеба не изменились с давних времен и хорошо прослеживаются в материальной культуре. Зерно перемалывали в муку при помощи вращающихся каменных жерновов, тесто замешивали в деревянных корытах, раскатывали на столе, формировали руками или раскладывали в пекарские формы. Поверхность некоторых форм украшали узорами из небольших шипов (также найдены железные штампы для их изготовления). Тесто могли варить в кипящей воде, жарить на сковороде с длинной ручкой или запекать в глиняных печах. Мы даже можем увидеть, сколько раз переворачивали разные виды буханок и лепешек и в каком виде их предпочитали – с закругленными краями, мягкими и пышными или сухими и хрустящими. Как минимум некоторые виды хлеба приправляли травами или посыпали сверху семенами для вкуса и украшения. Но мы пока не знаем, насколько типичной была эта картина:

славилась ли выпечка из Бирки по всем городам и весям, или вы могли получить то же самое в любом другом месте, или же в каждом регионе были свои традиции?

Заметную часть рациона составляло мясо – об этом можно судить по обломкам костей с характерными следами рубки, найденным в мусорных кучах и ямах. Викинги ели баранину, козлятину, говядину и, судя по всему, особенно любили свинину. Арабские путешественники отмечали, насколько скандинавы любят это мясо; об этом говорит и то, что именно его подавали мертвым героям в Вальхолле. Кур разводили ради яиц и мяса, уток, гусей и других водоплавающих птиц добывали на охоте. Найденные небольшие узкие вертела показывают, что за ужином подавали что-то вроде шашлыка. Кроме того, были массивные вертела, больше похожие на копье для мяса, позволявшие жарить над огнем крупные куски. Много вкусного белка поставляли на стол лось и северный олень, ценилось мясо кабана. Разнообразие в рацион питания вносили морские обитатели, в том числе тюлени и киты. Ловили разные виды пресноводных и даже некоторые виды глубоководных рыб. На приусадебных участках выращивали пряные травы, которые использовали для ароматизации всех видов пищи. Пчел держали ради меда. Из молока коров, овец и коз изготавливали сыры, сыворотку и кисломолочные продукты, которые, в числе прочего, можно было использовать вместо соли для консервации мяса на зиму. Кроме того, ели восхитительный кисломолочный продукт под названием скир, который и сегодня популярен в Исландии, – нечто вроде густого йогурта, кислого, но с легким сладковатым оттенком (попробуйте, если будет возможность). В лесу в изобилии водились ягоды (добавьте их в свой скир!), грибы и клубнеплоды.

К сожалению, нам очень мало известно о том, что именно викинги делали со всем этим богатством. До нас не дошло никаких рунических рецептов, но само по себе разнообразие доступных продуктов говорит о том, что на кухне скандинавы были так же изобретательны, как и во всех остальных сферах жизни. Учитывая приток иностранных торговцев и усиление иноземных веяний в эпоху викингов, мы можем с достаточной долей уверенности предположить, что это оставило свой след и в культуре питания. «Этнические» блюда наверняка можно было попробовать в крупных рыночных центрах, и, возможно, люди, которым хотелось чего-то новенького, увозили их с собой в деревню. Можно также предположить, что оригинальный вклад в приготовление пищи в усадьбе вносили чужеземные слуги, скучающие по привычным домашним вкусам.

Пищу запивали элем и медом (слабоалкогольным напитком на основе пчелиного меда). И то и другое пили из рогов, кожаных или деревянных кружек. Иногда обычай требовал одним махом осушить свой сосуд до дна, но есть также много текстовых упоминаний о том, что рог передавали по кругу. Известно, что в конце эпохи викингов некоторые люди (возможно, из чувства протеста против христианского крестного знамения) перед тем, как отпить из своей чаши, чертили над ней знак молота в честь Тора.

Из безалкогольных напитков пили молоко и, возможно, родниковую воду. В особых случаях пили *beor* – несмотря на созвучное название, это было не пиво (*beer*), а какая-то сладкая настойка, наподобие фруктового вина, которую разливали в маленькие чашки. Некоторые напитки явно были очень крепкими. Путешественники из Арабского халифата видели, как викинги пили некий явно алкогольный напиток неопределенного характера, в арабском тексте обозначенный как набиз (набид, *nabīdh*). После одной-двух чашек этого напитка люди начинали пошатываться. Один такой путешественник видел, как на похоронах вождя (что, вероятно, было во многих отношениях исключительным событием) люди пили десять дней без перерыва, а некоторые, по его словам, так и *умирали* с чаркой в руках. Судя по всему, он не преувеличивал.

Вино, несомненно, было известно знати еще со времен Римской империи и считалось дорогим и редким импортным товаром. В самых богатых захоронениях были найдены изящные бокалы, доставленные (или вывезенные вместе с другим награбленным добром) из Франкии и

других областей континента. Иногда их аккуратно ремонтировали с помощью металлических зажимов, что свидетельствовало о том, что они высоко ценились не только сами по себе, но и как символы статуса, подразумевающие, что человек мог позволить себе пить вино и приобретать для него сопутствующие принадлежности. Винные бокалы часто имели коническую форму, их нельзя было поставить на стол. Из-за этого высказывались предположения, что даже вино викинги выпивали одним глотком, как эль, но больше похоже на то, что такие бокалы постоянно (демонстративно) держали в руке или ставили на какую-то деревянную подставку. По объему они были чуть меньше нашего обычного винного бокала – для сравнения: в некоторые выдающиеся образцы винных чарок эпохи Великого переселения народов входило больше половины современной бутылки.

Квинтэссенцию представлений викингов о выпивке мы находим в описании загробной жизни в чертогах Вальхолла, зала бессмертных воинов Одина. В эддической поэме «Речи Гримнира» сидящие на скамьях *einherjar* (эйнхерии, мертвые воины) пьют эль из рогов, которые им подносят валькирии. Но сам хозяин, председательствующий на еженощном пиршестве павших, ничего не ест: «Одно лишь вино пьет славный оружием Один». В застольных манерах повелителя богов отражаются самые смелые представления викингов о безудержной роскоши.

За потреблением еды и питья везде, за исключением разве что Вальхолла, следовали другие естественные потребности. В сельской местности можно было найти множество подходящих мест под открытым небом, в поселениях отхожее место обычно выглядело как глубокая яма, выкопанная неподалеку от жилых построек. В городских поселениях ее устраивали на заднем дворе, для стабильности часто обкладывали плетеными прутьями, сверху иногда накрывали досками или даже – роскошный вариант – ставили сиденье с отверстием. Когда яма заполнялась, ее просто засыпали, а рядом выкапывали новую. Выгребная яма – один из самых неприятных для раскопок объектов раннего Средневековья, особенно во влажных слоях, где содержимое сохраняется в первозданном состоянии и по-прежнему испускает неповторимый аромат. Однажды я провел не самую приятную неделю, все это время стараясь как можно меньше дышать, на раскопках одной из старых выгребных ям в Йорке. Внутри попадались комки мха, которые использовали вместо туалетной бумаги, тряпицы, заменявшие во времена викингов гигиенические прокладки, и время от времени другие предметы, которые люди роняли вниз, пока были заняты своими делами, но потом благоразумно решали с ними попрощаться. При всем этом отхожее место – мечта археологов-экологов: копролиты (законсервированные фекалии) можно проверить на наличие кишечных паразитов, реконструировать кишечную микрофлору и сделать выводы о болезнях, получить сведения о рационе питания по остаткам семян, белков и другим пищевым остаткам.

После трапезы, пока одни люди незаметно выходили на улицу, другие занимались при свете очага домашними делами, не требующими особой остроты зрения, разговаривали или играли в настольные игры, например в *hnefatafl*, где нужно было захватить короля, совершая стратегические маневры фигурками из кости, рога или стекла. Кроме того, и в скромных крестьянских домах, и в скальдическом театре высоких залов у очага рассказывали истории. Время от времени археологи находят музыкальные инструменты – простейшие деревянные свистульки и свирели, или мост струнной лиры. Такими звуками сопровождалась поэтическая декламация.

Вокруг, как обычно, бегали и играли дети. На многих археологических площадках были найдены игрушки: маленькие деревянные лошадки, в том числе одна на колесах, деревянные кораблики (несколько штук – по-видимому, они пользовались популярностью), тряпочные мячи и маски из ткани и кожи, изображающие каких-то чудовищ, – хотя они, возможно, предназначались не для игры, а для каких-то ритуальных целей. Есть даже маленькие мечи и другое оружие, выструганное из дерева, уменьшенное для крошечных рук, но точно воспроизводящее типологические особенности взрослого оружия. Должно быть, каждый ребенок хотел играть

с «настоящим» мечом, таким же, как у *fadir* – или у *modir*. В слоях XI века в Лунде на юге Швеции археологи нашли фрагменты детского стульчика из бука с деревянной перекладиной – ее можно было закрепить спереди, чтобы не дать маленькому викингу выбраться. Это самый ранний сохранившийся образец детской мебели в Европе.

Внутри помещения было очень дымно. Мы знаем это не в последнюю очередь из саг: в них, скорее всего, описана обстановка средневековых залов, но можно предположить, что за прошедшие столетия там вряд ли многое изменилось. Так, в «Саге о Хрольве Жердинке» женщине приходится срочно выйти наружу, и подруга объясняет ее поведение тем, что ей стало дурно от дыма очага. Услышав это, никто не удивляется. Ясно, что свежий воздух в какой-то момент вечера был необходим каждому.

Когда приходило время ложиться спать, внешнюю дверь для безопасности запирали на засов или замок. В скромных домах люди спали все вместе на скамьях или сворачивались у очага, закутавшись в одеяла. В больших залах можно было уединиться за внутренними перегородками, и там даже были кровати. По современным меркам, они довольно короткие, хотя люди эпохи викингов были среднего роста и телосложения по сравнению с современными европейцами. Вероятно, в таких кроватях удобно было полусидеть, опираясь на подушки и завернувшись в покрывала. В спальнях нишах исландских длинных домов позднего времени люди, очевидно, спали сидя или лежа на боку с согнутыми ногами. В захоронениях богатых людей были найдены подушки и одеяла, набитые птичьим пухом, – роскошный способ согреться в зимние холода. Постельные принадлежности также набивали куриными и вороньими перьями, а у высшей знати даже перьями филина. В могиле знатного человека, похороненного в X веке в Маммене в Дании, археологам попала особая подушка: пустая посередине, но плотно набитая по краям – ее можно было согнуть и подложить для удобства под шею.

По утрам люди, по-видимому, быстро умывались из стоящей рядом миски или таза и причесывали волосы (что снова противоречит легендам о немых и нечесаных викингах). Судя по археологическим данным, викинги уделяли личной гигиене довольно много внимания. В частности, практически у каждого человека был собственный гребень, сделанный из кости или оленьего рога, и хранившийся в специальном футляре, защищавшем мелкие острые зубья. Гребни были разных форм и размеров, часто богато украшенные, и их производство было важной отраслью, создававшей устойчивый спрос на сырье из дальних стран. Один специалист по гребням эпохи викингов заходит так далеко, что помещает их дизайн, изготовление и использование в центр того, что он называет «образом жизни викингов». Кроме того, гребень имел множество символических смыслов, и его часто использовали для обозначения человека и его или ее присутствия. В ямах для опорных столбов на месте военных укреплений были найдены специально переломленные футляры от гребней – вероятно, это символизировало клятву оставаться на месте: «Здесь я стою».

Часто цитируемый хронист из Оксфордшира писал около 1220 года, но опираясь на более старые источники, что мужчины-викинги, приплывающие в Англию, каждый день причесывают волосы, моются раз в неделю, регулярно меняют одежду и «привлекают к себе внимание тому подобными праздными причудами», – а пораженные таким поведением английские женщины начинают предпочитать их своим мужьям. На редких сохранившихся объемных изображениях мужчин эпохи викингов, например на знаменитом портрете из оленьего рога из Сигтуны (Швеция), можно увидеть тщательно подкрученные усы и аккуратно завитые сзади на концах длинные волосы. На других изображениях мы видим мужчин с гладко причесанными волосами до плеч и коротко подстриженной или зачесанной клинышком бородой. В одном случае встречаются дреды и длинные бороды. Восточные источники так описывают скандинавского полководца в Византии: его голова была полностью обрита, за исключением двух длинных прядей возле ушей, и завершала ансамбль серьга с большим красным сердоликом.

Женские волосы в искусстве чаще всего изображают стандартным образом, в виде завязанного сзади свободного хвоста. В некоторых случаях ниспадающие волосы доходят почти до пяток. Иногда встречаются изображения женщин спереди, а не в профиль, и в этих случаях волосы, по-видимому, заплетены с обеих сторон в объемные косы. Есть также изображения волос, разделенных посередине пробором и собранных сзади в тугий узел. Все эти прически выглядят продуманно и аккуратно.

На этом забота о внешности не заканчивалась. Когда арабский воин и дипломат Ахмед ибн Фадлан встретил викингов на Волге в 922 году, он отметил, что «каждый из них от кончиков пальцев на ногах до самой шеи покрыт темно-зелеными линиями, рисунками и тому подобным». Вероятно, он говорит о покрывающих все тело татуировках, которые, очевидно, были широко распространены (они были у *каждого* мужчины). События происходят на востоке, но эта группа прибыла из Скандинавии.

Некоторые мужчины подпиливали зубы. Исследования на кладбищах эпохи викингов позволили сделать примечательное открытие: от 5 до 10 % мужчин, большинство из которых умерло в возрасте до сорока лет, имели дентальные модификации. Они выглядели как бороздки V-образного профиля, пропиленные в эмали передних зубов и образующие горизонтальные линии, иногда шевроны. У некоторых мужчин была всего одна такая линия, у других несколько, иногда по несколько на одном зубе. Бороздки, вероятно, окрашивали смолой, отчего линии на зубах становились красными. Судя по всему, ухмылка викинга была запоминающимся зрелищем.

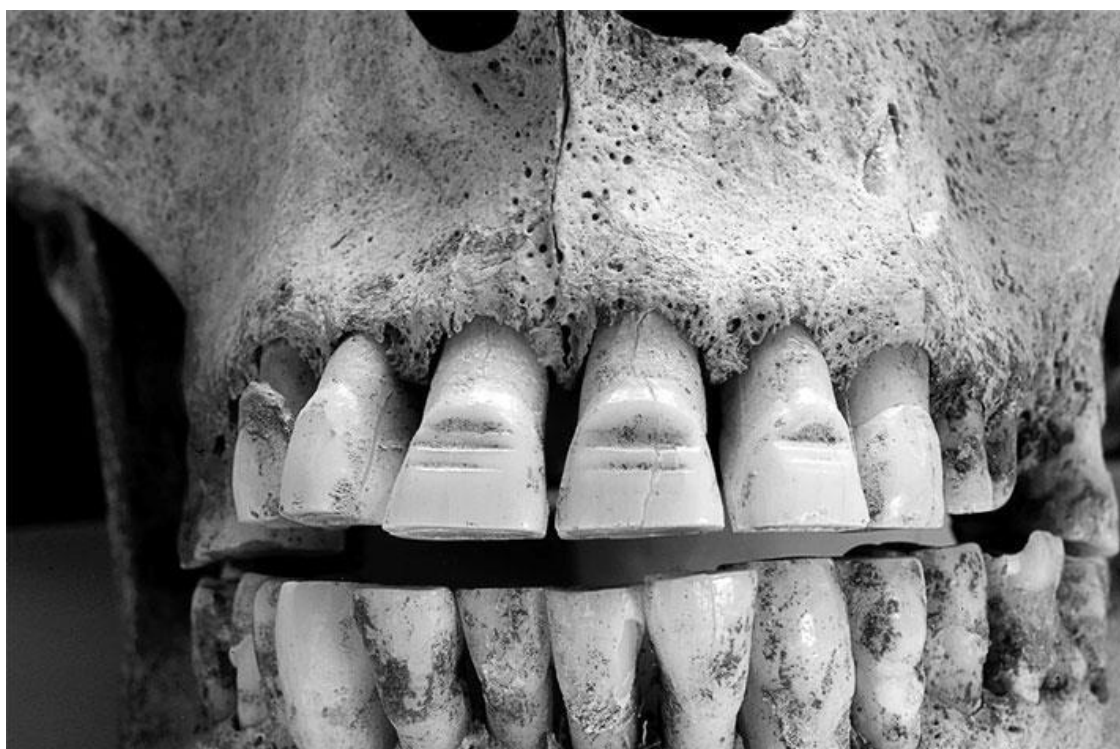

Рис. 7. Дентальные модификации. На передних зубах у мужчины эпохи викингов пропилены горизонтальные бороздки. Образец из Ваннхога, Швеция. Фотография: Стаффан Хилл (Staffan Hyll) (© Caroline Ahlström Arcini)

Дентальные модификации, по-видимому, были исключительно мужским атрибутом, более того, характерным лишь для определенной группы людей, так или иначе связанных с морем, торговыми портами и перевалочными станциями на разветвленных маршрутах мира викингов. Другими словами, мужчины, подпиливавшие зубы, относились к той части викингов-

ского сообщества, которой не сиделось на одном месте. Эта практика просуществовала как минимум два столетия. Мужчины могли наносить на зубы разные узоры и со временем добавлять новые. Это была разновидность постепенно усложняющегося боди-арта. Что это означало – мы, опять же, можем только догадываться, но вполне вероятно, дентальные модификации указывали на определенный образ жизни и, возможно, сообщали о достижениях на этом пути. Здесь уместно будет вспомнить о традиционных татуировках моряков следующих столетий, по стилю и мотивам которых можно было определить, в каких морях плавал этот человек, сколько времени он провел в тех или иных портах и так далее. Возможно, бороздки на зубах обозначали что-то совсем другое: знак ранга, посвящения или принадлежности к группе, или даже количество убитых врагов? Крайне велик соблазн предположить, что такие отметины носили «настоящие» викинги, в прямом смысле этого слова. При этом совсем не обязательно подпиливание зубов всегда посылало одни и те же сигналы – здесь могло существовать множество тонких оттенков смысла, которые совершенно непонятны нам сейчас, но когда-то были отлично понятны тем, кто в этом разбирался.

Наконец, у нас есть единственное упоминание о косметике для лица в записках Ибрагима ибн Якуба, еврейского путешественника из Испании, который совершил незабываемую прогулку по датскому рыночному центру Хедебю. Находясь там в 960-х годах, он заметил: «Также имеется у них искусно изготовленная краска для глаз. У тех мужчин и женщин, что ею пользуются, красота усиливается и более не убывает». Кроме этого нам ничего не известно, и трудно сказать, была ли это только датская мода или более распространенный обычай, но мое воображение тронута образом, столь далеким от того, что рассказывали о викингах в мои студенческие годы.

Если пролистать страницы любой хорошо иллюстрированной книги о викингах или побывать на ярмарке-фестивале с участием реконструкторов эпохи раннего Средневековья, легко подумать, будто нам хорошо известны одежда и мода того периода. Однако этой уверенности резко противоречат два открытия, сделанные с помощью металлоискателей в Дании не далее чем в 2012 и 2014 годах.

Первая находка была обнаружена в конце декабря в промерзшей почве Харби близ Роскилле – маленькая трехмерная (что редкость для искусства викингов) фигурка из позолоченного серебра в виде стоящего человека, вооруженного мечом и щитом. Детали орнамента позволяют датировать находку IX веком. Волосы фигурки забраны в длинный, завязанный узлом хвост, что традиционно принято считать женским маркером, поэтому фигурка была почти единогласно признана женщиной. Вместе с тем в ее облике есть гендерно неоднозначные черты. У фигурки не обозначена выступающая грудь, однако у нас так мало объемных человеческих изображений эпохи викингов, что здесь трудно судить, с чем мы имеем дело – художественной условностью или, возможно, культурным предпочтением (красивой считалась плоская грудь?). Или, может быть, это индивидуум с мужским телом и нетрадиционной прической?

Одежда тоже выглядит необычно и с трудом соотносится с каким-либо гендером. Фигурка из Харби одета в сложенную складками нижнюю юбку, очевидно длиной до шиколотки, хотя трудно утверждать это однозначно, поскольку ступни фигурки утрачены. Поверх надето нечто вроде фуфайки с глубоким V-образным вырезом и двумя тонкими ляжками, которые оставляют открытой очень широкую область вокруг верхней части рук. Нижний предмет одежды, очевидно, спускается от талии, поскольку сверху под «майкой» фигурка явно обнажена. Интересно, что нижний край майки не прямой, а срезанный по диагонали справа налево. Это выглядит неожиданно и эффектно и к тому же оставляет меньше ткани на уровне талии под правой рукой, сжимающей меч. Широкие проймы также дают дополнительную свободу движений. Поверх майки и юбки на фигурке надето что-то вроде доходящего до пола пальто без рукавов или, возможно, прямой ниспадающий плащ, щедро украшенный переплетающими

мися узорами, выполненными в технике черненой эмали (черни). Одежда фигурки из Харби относится к никогда ранее не встречавшемуся исследователям типу.

Второй предмет был обнаружен в 2014 году в Ревнинге на востоке Дании – это замечательный кулон из позолоченного серебра, длиной чуть менее пяти сантиметров, в виде человеческой фигуры. Тело фигурки плоское и двумерное, а голова расширяется и приобретает трехмерный объем и имеет сзади отверстие для подвешивания. Это еще один уникальный объект, на основании художественного стиля датируемый предположительно началом IX века, как и фигурка из Харби. Особый интерес фигурке из Ревнинге придает необычайно подробно изображенная одежда (пожалуй, это самый сложно проработанный из всех известных нам примеров) с крайне неожиданными элементами, а также тот факт, что, как и у фигурки из Харби, по ней невозможно определить гендер изображенного человека.

Рис. 8. Неоднозначность и неопределенность. Загадочная фигурка из Ревнинге, Дания, в сложной, искусно выполненной одежде. Национальный музей Дании. Фотография: Джон Ли (John Lee) (© *National Museum of Denmark*)

Фигурка одета в нижнюю юбку и подпоясанное платье с длинными рукавами, достигающее до ступней. Лиф платья плотный, на плечи, по-видимому, наброшено нечто вроде шали. Все предметы одежды выполнены в разных стилях и по-разному декорированы, что, несомненно,

представляет собой попытку передать разнообразие тканей, узоров и, возможно, даже цветов. Если представить, как это могло выглядеть в реальности, вероятно, эффект был ошеломляющим. Поверх шали на фигурке многорядное ожерелье. Руки сцеплены чуть ниже пояса, по обе стороны от «пряжки», которая выглядит как очень большая фибула-трилистник. Принято считать, что такие украшения носили выше на теле, как застежку шали, поэтому его положение здесь выглядит необычно и неожиданно. При раскопках были обнаружены детали рукоятей франкских мечей в виде трилистника, почти такого же размера, как у фигурки из Ревнинге, повторно использованные в скандинавском контексте – возможно, это один из таких случаев. От застежки-трилистника спускаются две линии, украшенные ближе к низу круглыми медальонами. Не вполне ясно, что это – длинные ниспадающие концы пояса или вышитые края платья. Волосы фигурки разделены на пробор и собраны в узел на затылке, уши оставлены открытыми.

Сначала фигурку из Ревнинге почти единогласно посчитали женщиной, вероятнее всего, богиней плодородия или валькирией – обычные дежурные клише, когда нужно быстро отнести находку к какой-либо категории. Но вскоре закрались сомнения. На самом деле ничто не указывает, мужчина это, женщина или существо за пределами бинарной системы. В скандинавских изображениях позднего железного века многие предположительно мужские фигуры изображены в длинных жакетах или кафтанах с расширяющейся наподобие юбки нижней частью. Они встречаются на пластинках шлемов вендельского периода, на некоторых фигурных подвесках, на картинных камнях Готланда и во многих других случаях.

Рассмотрев фигурки из Харби и из Ревнинге, можно получить представление об одежде и даже в какой-то степени реконструировать ее, но в конечном итоге невозможно узнать, человеческая ли вообще это была мода – и если да, то о каком социальном статусе она говорила – хотя, несомненно, она говорила о богатстве. Если это было одеяние бога (богини) или другого сверхъестественного существа, то, возможно, фигурка из Харби впервые открывает перед нами лицо валькирии? А фигурка из Ревнинге показывает, как выглядели *fylgja* или *dís*, древние женские духи предков Севера? Эти вещи, вероятно, были очевидны для человека эпохи викингов, но не для нас. Пожалуй, можно сделать некоторые выводы из того факта, что две пятисантиметровые фигурки изменили (в сущности, даже подорвали) сложившиеся научные представления об одежде эпохи викингов. Итак, с учетом этой оговорки что нам на самом деле известно об одежде того времени?

Большая часть сведений получена нами из изобразительных источников: огромное количество человеческих фигур встречается на картинных камнях (каменные памятники с резными картинками, встречающиеся только на острове Готланд) и пластинках из золотой фольги. Кроме этого, есть фрагменты одежды, найденные в захоронениях и сохранившиеся в продуктах коррозии на металлических предметах, которые когда-то соприкасались с тканями. Полученные данные можно сопоставить с украшениями и другими найденными в захоронениях аксессуарами для одежды, о функциях которых можно догадаться по их расположению на теле. Эта база данных накоплена за сто с лишним лет полевых исследований и содержит тысячи примеров. Реконструировать одежду удалось благодаря кропотливой работе увлеченных специалистов, в том числе сотрудников Центра исследования текстиля в Копенгагене и их коллег из аналогичных учреждений.

Женщины из всех социальных слоев, по-видимому, носили простую сорочку длиной до щиколоток из шерсти или льна. Льняные вещи требовали бережного ухода. Их тщательно разглаживали на пластинках из китового уса (нередко великолепно украшенных изображениями скалящихся зверей) с помощью полых овальных «гладильных камней» из зеленого или синего стекла, проводя по ткани плоской стороной такого камня. Спереди на воротах сорочки был вертикальный разрез, края которого скрепляли небольшой фибулой. Такие застежки делали

из любых металлов, от свинца до золота, в зависимости от достатка. У самых бедных, кроме этого, могло больше не быть никакой одежды.

Некоторые женщины носили поверх сорочки длинные верхние платья – простую и практичную одежду для повседневного использования. Однако на более высоких ступенях социальной иерархии, по-видимому, предпочитали одеяние, похожее на фартук, которое начиналось на уровне груди и удерживалось перекинутыми через плечи тонкими лямками, отстегивающимися спереди. Их закалывали на груди двумя овальными фибулами, по одной с каждой стороны. Лямки собирали под каждой фибулой и фиксировали булавкой, при этом место соединения было скрыто металлом. Поскольку каждую фибулу можно было расстегнуть отдельно, что позволяло откинуть вниз одну сторону фартука и отодвинуть в сторону нижнюю рубашку, считается, что такой покрой был удобен для кормления грудью. Внутри выгнутых наподобие черепашьего панциря фибул археологи иногда находят несколько слоев ткани, как если бы булавка сколола одновременно несколько разных предметов одежды. Некоторые женщины, по-видимому, носили спереди дополнительные полосы ткани – возможно, для красоты или как передник, чтобы защитить остальную одежду, когда занимались повседневными делами.

Овальная фибула – единственный наиболее распространенный маркер женщины в захоронениях эпохи викингов. По ним нередко определяют пол, если в могиле нет ни одной уцелевшей человеческой кости. Фибулы могли быть разной формы, с разными узорами и из разных материалов – от бронзы, медных сплавов, чистого или позолоченного серебра до настоящего золота. Встречающиеся художественные стили поддаются точной датировке, что значительно облегчает работу ученых. Некоторые фибулы разбирались на части и имели ажурную верхнюю крышку, под которую можно было подкладывать ткань контрастного цвета, усиливая эффект. Многие овальные фибулы были целиком покрыты орнаментами, витыми переплетающимися узорами или мифическими животными, иногда с высоким рельефом.

Поверх этого наряда женщины иногда надевали плотное тяжелое платье с широкими рукавами, доходящее до земли. Некоторые платья застегивались высоко под горлом на пуговицы или булавку, другие имели спереди глубокий вырез, позволяющий видеть нижнее платье, овальные фибулы и бусы. На голове женщины носили простую шапочку, закрывающую волосы, с завязками под подбородком, сшитую из тонкого льняного полотна, а у богатых из шелка, привезенного из Средиземноморья, стран Ближнего Востока или даже из Китая. В некоторых захоронениях мы также находим тонкие серебряные обручи, которые носили на голове как украшение наподобие тиары либо, что более вероятно, надевали, чтобы удерживать на месте головное покрывало.

Были найдены кожаные туфли и ботинки, некоторые длиной до щиколотки и застегивающиеся спереди на простую застежку-тогл. У других моделей завязки были пропущены по кругу сквозь петли, прорезанные чуть ниже верхнего края (а не спереди, как у современных туфель). Это была дешевая и практичная обувь, хотя ее иногда украшали цветными нитками. Более качественная обувь могла доходить до щиколотки или до колена, была изготовлена из тяжелой тисненой кожи и украшена переплетающимися узорами. (Одно из моих лучших воспоминаний о раскопках связано с тем случаем, когда я не спеша извлекал такой ботинок из густой черной грязи заболоченного поселения викингов.) Надетые внутрь шерстяные носки, связанные иглой в технике *nålebinding*, сохраняли ноги в тепле и сухости. Бедняки, вероятно, просто набивали обувь травой и соломой для тепла и удобства.

Вопрос, который редко задают и на который достаточно трудно ответить: как люди эпохи викингов относились к одежде? Как они себя в ней *чувствовали*, как ощущались на коже разные ткани, в каких случаях надевались те или иные вещи? У викингов, как и у нас, тоже была мода, и одежда говорила не только о богатстве и личном вкусе, но и о многих других вещах – не в последнюю очередь о власти (или ее отсутствии, если вспомнить о людях, у которых было не так много возможностей выбирать себе наряд). Одежда рассказывала о достижениях,

и вместе с тем об устремлениях. Развитые международные связи эпохи викингов давали новые источники тканей и элементы костюмов, с которыми можно было экспериментировать, и новые возможности их продемонстрировать. Можно предположить, что как минимум те из викингов, кто вел активную жизнь со всеми ее возможностями и опасностями, одевались как люди, которыми они хотели бы стать – и которыми, возможно, в конечном итоге становились.

Ожерелья из бусин протягивали между овальными фибулами, иногда в несколько рядов, или просто обвивали вокруг шеи. Бусины, изготовленные в местных мастерских из стекла, импортированного в виде сырья из Средиземноморья, отличались широким разнообразием форм и цветов. К середине эпохи викингов в Скандинавию из Леванта в больших количествах прибывали готовые бусины из сердолика и других материалов. Ибн Фадлан отмечает, что встреченные им купцы высоко ценили такие бусины, особенно темно-зеленого цвета. Каждая из них стоила определенное количество монет и могла служить наглядным подтверждением богатства. Археологи также находят образцы бусин из янтаря и горного хрусталя.

Разнообразные орнаментированные фибулы могли, как и сегодня, носить для украшения. Среди них были зооморфные, с животными и чудовищами, и фигурные, в виде кораблей, конных всадников и так далее. Носили подвески разнообразных форм – например, в виде так называемых «запутавшихся зверей»¹⁵, извивающихся или свернувшихся в клубок странных существ, которые как будто улыбаются, вцепившись друг другу в горло. Также на шее носили и другие загадочные подвески – маленькие серебряные женские фигурки, держащие в руках рога для питья (возможно, валькирии?), танцоры с оружием (возможно, Один?) и многие другие, в числе которых найденная в Швеции жутковатая фигурка с пустым лицом и единственной прямоугольной прорезью на месте глаз.

В начале разбойных набегов в VIII веке в качестве украшений иногда использовали привезенную из других стран добычу: драгоценности с окладов церковных книг превращали в фибулы, аналогичным образом переделывали гарды английских мечей, в монетах проделывали отверстия и нанизывали их на ожерелья. В Норвегии был найден ирландский или шотландский реликварий, почти наверняка украденный из монастыря и, очевидно, служивший какой-то женщине шкатулкой для драгоценностей, – на нем вырезаны руны: «Ранвейк владеет этим ларцом».

В женских украшениях прослеживается множество региональных вариаций и модных веяний, но самым необычным в этом отношении был остров Готланд. Здесь тоже встречаются украшения стандартных форм, однако большинство местных богатых женщин носили вместо овальных фибул застежки, выполненные в виде голов животных, похожих на медведей или барсуков, закалывая их таким образом, чтобы длинные морды зверей лежали на плечах. Застежка для шали выглядела не как диск или фибула-трилистник, а как небольшая круглая коробочка, которую можно было не только прикалывать на ткань, но и открывать и использовать как контейнер. Они, как и все остальные украшения, также отличались разной степенью проработки и отделки и могли быть сделаны из разных материалов. Коробчатые фибулы представляют особый интерес, поскольку они могут дать ключ к происхождению купцов, встреченных ибн Фадланом на Волге. Описывая их женщин, он отдельно упоминает, что те носят на груди круглую вещицу, похожую на коробочку, – возможно, они были с Готланда? Это кажется вполне логичным, учитывая географию маршрута их путешествия.

И женщины, и мужчины носили на пальцах кольца, часто массивные, с плоскими панелями, покрытыми орнаментом в виде колец и точек. Также носили браслеты с аналогичным рисунком и большие цепи-ожерелья из золота и серебра. Эти ожерелья были тяжелыми, эффектными и очень дорогими. Ибн Фадлан пишет об этих «лентах из золота и серебра» и упо-

¹⁵ Стиль осеберг.

минает, что мужчина дарил своей жене по одному такому ожерелью каждый раз, когда у него прибавлялось десять тысяч дирхемов – огромная сумма.

Во время встречи со скандинавами на востоке ибн Фадлан описывает мужчин так: «Я никогда не видел более совершенного телосложения, чем у них, – они подобны пальмам, светлые и румяные, и не носят туники или кафтана. Мужчина носит накидку, которой покрывает половину своего тела, оставляя одну руку открытой». Это хорошо согласуется с археологическими находками.

Мужчины, которые могли себе это позволить, носили нижнюю рубашку, возможно, из мягкой шерсти или, что более вероятно, из дышащей льняной ткани. Поверх нее надевали рубаху с длинными рукавами и высоким широким воротом, которую можно было натягивать через голову. У этой верхней рубахи иногда вышивали ворот и края рукавов, а ниже талии она слегка расширялась.

Штаны, которые носили на протяжении всего железного века, плотно прилегали к ноге. Судя по находкам в захоронениях, почти все мужчины носили пояс (что, вероятно, было жизненно необходимо, учитывая свободный покрой штанов на талии), также были обнаружены фрагменты одежды со шлевками. В некоторых случаях плотно прилегающие штаны составляли единое целое с чулками, наподобие современных ползунков для самых маленьких; такой фасон упоминается и в сагах. Даже когда мужчина носил штаны несколько более широкого кроя, он туго обматывал голени тесьмой для тепла и удобства. На картинных камнях и других изображениях, а также в письменных источниках встречаются свидетельства существования явно восточной моды на широкие штаны, которые приобрели популярность в Скандинавии в позднюю эпоху викингов. Их шили из неимоверного количества ткани, создавая огромный объем на бедрах и выше колен, а нижнюю часть штанин заправляли в сапоги или перехватывали обмотками в нижней части голени.

Существовала особая техника ткачества под названием *röggvar* – в процессе изготовления полотна к основе прикрепляли пряди овечьей шерсти, которые затем вытягивали на поверхность (наподобие того, как вытягивается случайно зацепленная нить из шерстяного свитера, только здесь это делали специально), создавая эффект ворса, напоминающего мех. Есть основания предполагать, что такое полотно могли использовать для пошива особенно объемных штанов, и, возможно, именно от них получил свое прозвище знаменитый викинг IX века Рагнар Лодброк («лохматые штаны»). Вероятно, это выглядело впечатляюще, и, как со многими современными модами, успех такого вида зависел от харизмы носителя, благодаря которой то, что могло выглядеть нелепо, становилось стильным.

В холодную погоду мужчины надевали уличные куртки из плотной шерсти, иногда с меховой подкладкой. В некоторых образцах явно прослеживается влияние восточной моды – они больше напоминали кафтаны с запахивающимися спереди одна поверх другой лапами и подпоясанные ремнем. Скандинавы, плававшие по русским рекам, наряжались в парчовые куртки с застежками-клевантами или петлями, украшенные спереди вставками из серебряного шитья.

Ткани нередко оживляли с помощью вышитых орнаментов и других мотивов, вероятно, такого же вида, как те, что знакомы нам по металлическим украшениям. Украшали даже пуговицы, костяные – резьбой, а сделанные из драгоценных металлов – узорным литьем. Многие виды украшений предназначались для обоих полов, и мужчины тоже носили ожерелья, хотя они заметно отличались от тех, которые носили женщины. Среди мужских подвесок встречаются резные медвежьи клыки, молоты Тора, миниатюрное оружие и тому подобное.

Любопытно, что ни в мужской, ни в женской одежде эпохи викингов ни разу не встречаются карманы – это говорит о том, что все необходимые предметы носили в сумках или отдельных чехлах и футлярах.

Плащ застегивали на плече простой булавкой с кольцом (уникальное скандинавское изобретение, свидетельствующее о том, что в этом месте точно жили викинги) либо разомкнуто-кольцевой фибулой более или менее сложной работы. Если мужчина эпохи викингов надевал головной убор, это обычно была простая шерстяная шапка, а если ему хотелось покрасоваться, он выбирал богатую коническую шапку из шелка, отделанную мехом.

Детская одежда представляла собой взрослую одежду в миниатюре, хотя самых маленьких обычно одевали в очень простые рубашки и туники. Моя любимая археологическая находка эпохи викингов из Исландии – пара крошечных детских варежек из плотной шерсти на длинном шнурке, который, вероятно, накидывали сзади на шею и пропускали в рукава куртки. Судя по размеру, они предназначались для ребенка двух-трех лет. Можно представить себе, как девочка или мальчик эпохи викингов играет на морозе, размахивая болтающимися в рукавах варежками. По крайней мере, они не потерялись.

Повседневный труд отличался разнообразием. Работа в крестьянской усадьбе была связана главным образом с обработкой земли, удобрением и уходом за посевами, выпасом скота и присмотром за его передвижениями на отдаленных полях.

В усадьбах разводили крупный рогатый скот, свиней, овец, коз, иногда также кур. Петухи играют заметную роль в скандинавских мифах, где их кукареканье предвещает великие события, – в усадьбах их пение привычно начинало новый день. Кое-где держали тягловых и ездовых лошадей, но их содержание обходилось дорого. Лошади играли важную роль во многих ритуалах, а употребление в пищу конины было, по мнению христиан, настолько характерной частью языческих практик, что на него был наложен строжайший запрет. В эпоху викингов лошадей также обучали драться: если верить сагам, состязания двух жеребцов, лежащих и кусающих друг друга (нередко до смерти), были популярным видом спорта. Изображения этих жестоких состязаний встречаются и на картинных камнях Готланда. Кроме того, в усадьбах держали пастушьих и охотничьих собак (кое-где даже бойцовых, о чем свидетельствуют ладейные захоронения Вальсарде). Кошек разводили как домашних питомцев, а также ради меха.

Работа требовала инструментов – их делали из дерева и железа. Во многих усадьбах имелась простая кузница, где работали два или три человека. При раскопках поселений во множестве находят костровища и сопла кузнечных мехов, подставки под наковальни и остатки кузнечного шлака. В могилах находят все остальное: кузнечные щипцы и молоты, зажимы, клинья и другие приспособления для изготовления и ремонта основных бытовых инструментов, в том числе серпов, разнообразных топоров, кухонных ножей, конской упряжи и других вещей. Иногда кузнечное оборудование немного украшали – в Снаптуне в Дании был найден уникальный камень-экран для мехов с резным изображением лица мужчины с защитными губами. Это почти наверняка бог-обманщик Локи – вполне подходящий выбор для защиты от огня. Но в большинстве мастерских обстановка была довольно простой.

В ходе раскопок во влажных слоях городских гаваней в таких местах, как Хедебю в Дании и Бирка в Швеции, были найдены предметы повседневного использования, которые редко сохраняются в других условиях: деревянные инструменты, лопаты, молотки и любопытная разновидность грузовых носилок, похожих на тачку без колес, за которые нужно было браться вдвоем. Также было найдено много приспособлений для хранения: крепкие деревянные сундуки, маленькие коробки и запечатанные смолой контейнеры из бересты. И веревки – огромное количество разнообразных веревок из разных видов крученого волокна. Веревками связывали предметы друг с другом, из них изготавливали приспособления для переноски и вьючную упряжь для животных. Мешки с сыпучими грузами, вероятно, переносили на плечах или привязывали к тележкам. Одно только количество этих веревок, бечевков, шнуров, канатов и тому подобного рисует яркую картину деятельного общества, где каждый спешит по своим повседневным делам. Археологи также находят деревянные ручки тканевых сумок, похожих на те,

которые используют сегодня для рукоделия и вязания, а также кожаные ранцы, наплечные ремни и рюкзаки. Колышки, пуговицы и всевозможные застежки тоже делали из дерева.

Вся эта активность не лучшим образом сказывалась на состоянии почвы под ногами, поэтому самые оживленные улицы в поселениях выстилали хворостом, кое-где укладывали доски, а в некоторых городах-эмпориях даже засыпали щебнем. Кроме того, землю вокруг часто посыпали щепками, которые оставались от работы с деревом. Однажды в русском городском центре в Новгороде во время раскопок во влажном слое, где хорошо сохраняются запахи, я вдохнул аромат свежей сосны возрастом в тысячу лет – вся площадка была пропитана запахом стружек, лежавших там же, где их оставили плотники эпохи викингов.

Домашним хозяйством и имением обычно управляли женщины. Пополнение кладовых, приготовление и подача еды занимали огромное количество времени. Помимо этого, одним из основных видов деятельности женщин было производство и обработка тканей, а также изготовление из них разнообразных изделий, от предметов одежды до парусов.

Шерсть мыли, сортировали, вычесывали, затем с помощью веретена и прялки изготавливали нити, пригодные для ткацкого станка. В Скандинавии эпохи викингов использовали вертикальный ткацкий станок со свободно спускающимися нитями основы, высотой чуть выше роста взрослого человека. Ткацкий станок обычно устанавливали рядом с дверным проемом, где было больше света. Производили много разных видов тканей, самой распространенной была домотканая *vaðmál* (вотола), которую использовали как стандартное средство обмена. Было найдено несколько видов саржи, а также ткани других видов переплетения. Кроме того, встречаются фрагменты тканей (обычно плащи) в технике *röggvar* с эффектом «искусственного меха». Импортный шелк и парчу использовали для отделки роскошной одежды, украшения рукавов и воротников. Также украшали одежду меховой оторочкой.

В большинстве усадеб производили собственную ткань, из которой шили всю необходимую одежду – для этого в хозяйстве имелись бронзовые булавки, костяные иглы и разные виды ножниц. Возможность «шопинга» в нашем понимании выпадала людям того времени крайне редко и обходилась недешево: купить что-либо можно было только на рынке или у странствующих торговцев. Отнимающее очень много времени, но жизненно важное производство тканей, по-видимому, составляло большую часть женской повседневной деятельности.

На верхних ступенях социальной лестницы ткацкое ремесло обретало еще один аспект: женщины, которые ткали и вышивали живописные настенные гобелены, становились рассказчицами. Созданные ими истории в картинках так же, как истории, передающиеся из уст в уста, служили хранилищем общественной памяти, политической истории и религиозных традиций. Контролируя эти средства передачи информации, женщины получали еще один источник реальной власти, обладающий определенным подрывным потенциалом. Это касалось прежде всего высоких залов, где обычно демонстрировали подобные настенные украшения.

Демонстративность вообще играла в жизни викингов большую роль. Разнообразные узоры и орнаменты густо покрывали не только залы военных вождей послеримской эпохи и их преемников, но и почти все предметы материальной культуры эпохи викингов. Археологи потратили немало времени на изучение художественных стилей и тенденций украшения изделий из металла, дерева, кости, камня, кожи и тканей. Небольшая библиотека книг была написана по одной только этой теме в попытках проследить эволюцию эстетического самовыражения викингов от VIII до XI века. В искусстве викингов выделяют шесть основных стилей. Хронологически они частично совпадают и названы в честь тех мест, где были впервые обнаружены их образцы.

Тонкая, слегка напоминающая стиль барокко резьба ранней эпохи викингов постепенно сменяется цепочками из колец и «запутавшимися зверями», которые со временем превращаются в больших бегущих зверей и переплетающиеся лентовидные узоры с точками. В XI веке на выющихся лентах вырастают мясистые завитки, окружающие элегантных величественных

существ. Этим текучим резным орнаментом могли быть покрыты целые здания. Существуют региональные вариации этих стилей в Скандинавии и примеры их синтеза с другими культурными традициями, а также с гибридными формами на территориях, занятых диаспорой викингов, – англо-скандинавские стили Северной Англии, ирландско-скандинавские традиции в Ирландии и так далее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.